

ЭСКИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Приведено по изданию:
М.: Соцэкономгиз. 1936.

Материал был подготовлен для веб-публикации и размещен на сайте «**Великая французская революция**» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг. Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](#) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

Кондорсе в нашей библиотеке:

[Проект организации народного образования](#)

[В процессе Людовика XVI](#)

[В прениях о Конституции: проекты Декларации прав человека и гражданина, Конституции, речь от имени Комитета по выработке Конституции, выступление в Конвенте 13 мая 1793 г.](#)

[Его позиция в отношении религии и церкви: А.Олар. Христианство и Великая французская революция. Култ Разума и Верховного существа](#)

[Дискуссия о жирондистах](#)

[«Марсово поле»: Кондорсе дискутирует с Робеспьером на тему, что есть республика в романе А.Гладилина «Евангелие от Робеспьера»](#)

[О.Старосельская-Никитина. Очерки по истории науки и техники в период Французской буржуазной революции](#)

ВВЕДЕНИЕ

Человеку от рождения присуща способность испытывать ощущения, замечать и различать в своих восприятиях простейшие их элементы, задерживать, познавать, сочетать, сохранять или воспроизводить их в своей памяти, сравнивать между собой эти сочетания, улавливать то, что есть между ними общего и то, чем они друг от друга отличаются, определять характерные признаки всех психических явлений, чтобы их лучше познать и облегчить себе процесс новых сочетаний.

Эта способность развивается в нем под влиянием внешних причин, т.е. благодаря наличности известных сложных ощущений, постоянство которых, выражающееся или в тождестве их соединений, или в законах их изменений, от него не зависит. Человек упражняет также эту способность посредством общения с себе подобными. Он действует здесь искусственными средствами, которые, вслед за первым развитием этой самой способности, люди приобрели возможность изобретать.

Ощущения сопровождаются удовольствием или страданием. Человеку также свойственна способность преобразовывать минутные впечатления в продолжительные переживания приятно или тягостного характера, испытывать эти чувства, видя или вспоминая радости или страдания других существ, наделенных чувствительностью. Наконец, эта способность, соединенная с даром творчества и сочетания идей, порождает между людьми отношения интереса и долга, с которыми, по воле самой природы связаны самая драгоценная доля нашего счастья и мучительнейшая часть наших бедствий.

Если ограничиться наблюдением и познанием общих фактов и неизменных законов развития человеческих способностей, изучая общие черты этого развития у различных представителей человеческого рода, то получится наука, называемая метафизикой. Но если мы станем рассматривать результаты этого развития относительно массы индивидов, существующих одновременно в данную эпоху, и если систематически проследим его из поколения в поколение, то получим тогда картину прогресса человеческого разума. Этот прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших личных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большой группы индивидов, соединенных в общество. Но результата, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествовавшие моменты, и в свою очередь влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем.

Эта картина, является таким образом, исторической, ибо, находясь в зависимости от непрерывных перемен, она создается путем последовательного наблюдения человеческих обществ в различные эпохи их существования. Она должна представить порядок изменений, выяснить влияние, которое оказал каждый отдельный момент на последующий.

Она должна показать далее в видоизменениях, которые претерпел человеческий род, непрерывно обновляясь в бесконечности веков, путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Эти наблюдения над тем, чем человек был и чем он стал теперь помогут нам затем найти средства для обеспечения и ускорения новых преуспеваний, на которые человеческая природа позволяет ему еще надеяться.

Такова цель предпринятого мною труда, результатом которого будет показать, путем рассуждения и фактами, что не было намечено никакой границы в развитии человеческих способностей; что способность человека совершенствоваться действительно не определима, что дальнейшие его шаги на пути к самоусовершенствованию отныне не зависят от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, и путь этот окончится только с прекращением существования нашей планеты. Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда человечество не пойдет вспять - по крайней мере, до тех пор, пока земля будет занимать то же самое, место в мировой системе и пока общие законы этой системы не вызовут на земном шаре ни общего потрясения, ни таких изменений, которые не позволили бы человеческому роду на нем сохраняться, применять свои способности и находить источники существования.

Человеческий род на первой стадии цивилизации представлял собой немногочисленное общество людей, существующих охотой и рыбной ловлей, умеющих изготовлять только грубое оружие и домашнюю утварь, строить, или копать себе жилища, но они уже владеют членораздельной речью для выражения своих потребностей и знакомы с немногими моральными идеями, на которых основываются правила их общего поведения, живя отдельными семьями, они руководствуются общепринятыми обычаями, заменяющими ими законы и имеют даже несложный образ правления.

Понятно, что превратность и трудность борьбы за существование, крайнее утомление и недвижный отдых, чередовавшиеся в силу необходимости, не позволяли человеку располагать тем досугом, при котором, работая мыслью, он может обогащать свой ум новыми идеями. Удовлетворение потребностей, слишком зависящее от случая и времени года, не могло служить достаточно благоприятной почвой для зарождения полезных форм промышленности, развитие которых продолжалось бы непрерывно; и каждый ограничивается усовершенствованием своей хитрости или ловкости.

Таким образом, прогресс человеческого рода должен был быть тогда чрезвычайно медленным, лишь изредка, и то в силу исключительно благоприятных обстоятельств, человечество могло сделать кое-какие шаги вперед. Между тем источники питания - дичь, рыба или плоды земные - постепенно заменяются пищей, доставляемой животными, которых человек приручил, умеет сохранять и размножать, к скотоводству далее присоединяется примитивное земледелие; человек не удовлетворяется уже плодами или растениями, которые он находит, он научается заготавливать из них запасы, сеять или разводить их вокруг своего жилища и содействовать их произрастанию, прилагая свой личный труд.

Первоначальное понятие собственности, обнимавшее продукты охоты, оружие, сети, домашнюю утварь, расширяется распространяясь сначала на стада и затем на землю, которую человек распахан и обрабатывает. После смерти главы дома собственность естественно переходит к его семейству. У некоторых оказывается излишек пищи, который может быть сохранен. Когда изобилие весьма значительно, оно рождает новые потребности, когда же оно выражается только в одном предмете, между тем, как в другом ощущается недостаток, тогда, в силу необходимости, зарождается идея обмена. С этого момента моральные отношения между людьми усложняются и умножаются. Большая безопасность, более обеспеченный и более постоянный досуг позволяют человеку предаваться своим размышлениям, или, по крайней мере внимательно наблюдать окружающее. Некоторые, пользуясь достатком, начинают обменивать часть своего излишка на труд и благодаря этому они сами от труда освобождаются. Таким образом создается класс людей, время которых но всецело поглощено физическим трудом и желания которых не ограничиваются предметами первой необходимости. Промышленность пробуждается; ремесла уже известные распространяются и совершенствуются; случайные факты, которые наблюдает теперь человек, уже более опытный и более внимательный, способствуют изобретению новых ремесел; народонаселение увеличивается по мере того, как добывание средств существования становится менее опасным и менее зависящим от случая; земледелие, которое наиболее способно прокормить сгустившееся население, постепенно вытесняет все другие источники существования. Земледелие же способствует дальнейшему размножению людей, а это последнее обстоятельство в свою очередь ускоряет прогресс; идеи, ставшие достоянием человечества сообщаются быстрее и вернее упрочиваются в обществе, ставшем более оседлым, более сближенным, более интимным. Заря просвещения начинается уже

заниматься; отличие человека от всех других видов животных все более обнаруживается, и он не ограничивается уже как последние, исключительно совершенствованием вида.

Более развитые, более частые, более усложнившиеся отношения, которые тогда устанавливаются между людьми, вызывают потребность в средствах сообщения своих идей отсутствующим лицам, увековечения памяти какого-нибудь события с большей точностью, чем позволяет устная передача, закрепления договоров более верным путем, чем подтверждения свидетелей.

Нарождается потребность в закреплении тех признанных обычаев, которыми члены данного общества руководствуются в своем поведении.

Таким образом, зародилась потребность в письменности, и она была изобретена. Первоначально она, по-видимому, носила характер настоящей живописи, которая затем перешла в живопись условную, изображающую только характерные черты предметов. Впоследствии, в силу метафоры, аналогичной той, которая уже практиковалась в разговорном языке изображение физического предмета выражало отвлеченные идеи. Происхождение этих знаков, как и слов, должно было с течением времени забыться. Письменность становится искусством символизировать условными знаками каждую идею, каждое слово и в силу этого-каждое изменение идей и слов.

Тогда письменный и разговорный языки становятся достоянием человечества. Приходилось одинаково изучать и установить между ними взаимную связь.

Гениальные люди, вечные благодетели человечества, имя и даже отечество которых никогда не будут преданы забвению, заметили, что все слова какого-либо языка были только сочетаниями чрезвычайно ограниченного количества первичных речений; что количество последних, хотя весьма ограниченное, было достаточно для образования почти бесконечного числа различных сочетаний. Видимыми знаками обозначались не идеи или слова, которым они соответствовали, а простейшие элементы, служившие для словообразования.

Итак, писанная азбука стала известной; небольшое количество знаков удовлетворяло вполне потребности в письме, как небольшое количество звуков было достаточно для образования всех необходимых в разговорном языке слов. Письменность была такая же, как и устная речь; необходимо было только уметь узнавать и образовывать немногочисленные знаки, и этот последний шаг обеспечил навсегда прогресс человеческого рода.

Быть может было бы полезно теперь создать письменность, которая, служа только для научных целей, выражая только сочетания простых и понятных всем идей, употребляясь только для строго логических рассуждений, для точно вычисленных операций ума, была бы понятна людям всех стран и переводилась бы на все местные наречия, не изменяясь, однако как последние при переходе в общее пользование.

Тогда в силу особого переворота, этот самый род письменности, сохранение которого влекло бы за собой только продолжение невежества, стал бы в руках философии полезным орудием быстрого распространения просвещения и усовершенствования научного метода.

Эту стадию развития между первой ступенью цивилизации и той, на которой мы видим еще людей в диком состоянии, прошли все исторические народы, которые, то достигая новых успехов, то вновь погружаясь в невежество, то недвижно оставаясь по середине этих двух дорожек останавливаясь на известной границе, то исчезая с лица земли под мечом завоевателей, смешиваясь с победителями, или впадая в рабство, то, наконец, просвещаясь под влиянием более культурного народа и передавая приобретенные знания другим нациям, - образуют неразрывную цепь между началом исторического периода и веком, в котором мы живем, между первыми известными нам народами и современными европейскими нациями.

Можно, таким образом, уже заметить, что картина, которую я предполагаю начертать, разбивается на три совершенно различные части.

В первой, где на основании сведений путешественников изображается состояние человеческого рода у наименее цивилизованных народов, нам остается разгадать через какие ступени изолированный человек, или, вернее, ограниченный ассоциацией, необходимой для своего воспроизведения, мог дойти до этих первичных усовершенствований, последним пределом которых является употребление членораздельной речи. Последнее обстоятельство было тогда наиболее заметным и едва ли не единственным оттенком, который с некоторыми более распространенными моральными идеями и слабыми зачатками социального порядка, составлял различие между человеком и животными, живущими, как и он, стройными и прочными обществами.

Таким образом только наблюдения над развитием наших способностей могут служить нам здесь путеводной нитью.

Затем, чтобы довести человека до того уровня культуры, когда он занимается ремеслами, когда он начинает озаряться светом знаний, когда торговля объединяет нации, когда, наконец, изобретается азбука, мы можем руководствоваться также историческими данными о различных обществах которые изучались почти во всех стадиях своего развития, хотя ни одно нельзя было

бы проследить по всему пространству, которое разделяет эти две великие эпохи человеческого рода.

Здесь картина начинает большею частью опираться на исторические факты: но необходимо последние извлекать из историй различных народов, их подбирать и сочетать и на -этом основании строить гипотетическую историю единого народа, рисовать картину его прогресса.

С той поры как письменность стала известной в Греции, историческое повествование соединяется с нашим веком, с современным состоянием человечества в наиболее просвещенных странах Европы непрерывным следом фактов и наблюдений и картина движения и прогресса человеческого разума становится поистине исторической. Философии не приходится больше разгадывать что-либо, или образовывать какие-либо гипотетические комбинации. Достаточно объединить и привести в порядок факты и показать полезные истины, которые рождаются в силу сцепления и соединения этих фактов.

Наконец, останется только начертать последнюю картину, картину наших надежд, картину прогресса, который будет достигнуть грядущими поколениями, и который как бы обеспечивается постоянством законов природы. Нужно будет показать через какие ступени должно пройти то, что нам теперь кажется напрасной надеждой, чтобы мало-помалу стать нам доступным. Придется выяснить, почему при мимолетном торжестве предрассудков, поддерживаемых развращенными властями и народом, только истине суждено стать навсегда победительницей.

Надлежит выяснить, какими узами природа неразрывно связала прогресс со свободой, добродетелью и уважением к естественным правам человека; каким образом эти единственные реальные блага, так часто разобщенные, что их считают даже несовместимыми, должны напротив стать нераздельными. Это будет тогда, когда просвещение достигнет должного предела одновременно у многих племен и когда просветится вся масса великого народа, язык которого станет всемирным, торговые сношения которого охватят весь земной шарь. В силу солидарности, которой уже проникнуты все просвещенные люди, между ними отныне можно будет насчитывать только друзей человечества, единодушно содействующих его усовершенствованию и счастью

Мы проследим происхождение и историю общих ошибок, которые более или менее тормозили движение прогрессивной мысли и которые, как и политические события, часто влекли за собою даже попятное движение человека к первобытному невежественному состоянию.

Операции ума, ведущие нас к заблуждению, или заставляющие нас настаивать на промахах мысли, начиная от тонкого паралогизма, способного сбить с толку даже наиболее просвещенного человека, до мечтаний безумца, суть различные виды метода правильного рассуждения, способа открывать истину, теории развития наших индивидуальных способностей. В силу этого самого соображения, форма, в которой обшил заблуждения вводились, распространялись и увековечивались среди народов, составляет часть исторической картины прогресса человеческого разума. Как истины, которые совершенствуют и просветляют, заблуждения являются необходимым следствием его активности, этой несоразмерности всегда существующей между тем, что он знает, тем, чего он желает и тем, что он считает необходимым знать.

Можно даже заметить, что согласно общим законам развития наших способностей, некоторые предрассудки должны были рождаться в каждой эпохе нашего прогресса, чтобы распространить еще шире свое развращающее влияние, ибо люди остаются верными заблуждениям своего младенчества, своей родины, своего века еще долго после усвоения ими всех истин, необходимых для разрушения этих заблуждений.

Наконец, во всех странах, во все времена предрассудки видоизменяются сообразно степени просвещения различных классов людей, как и в зависимости от их профессий. Если класс философов создает иногда препятствия на пути к торжеству истины, то классы менее просвещенные тормозят распространение уже известных истин, классы же некоторых важных профессий противодействуют распространению этих истин. Это три рода врагов, с которыми разум вынужден беспрестанно бороться и над которыми он часто может восторжествовать лишь после долгой и тяжелой борьбы. История этой борьбы, история зарождения, торжества и падения предрассудков займет, таким образом, большое место в этом труде, и эта часть будет не менее важной и не менее полезной.

Если существует наука, помощью которой можно предвидеть прогресс человеческого рода, направлять и ускорять его, то история того, что было совершено, должна служить главным фундаментом этой науки. Философия, конечно, должна была осудить то суеверие, согласно которому предполагалось, что правила поведения можно извлечь только из Истории прошедших веков и истины можно познать, только изучая воззрения древних. Но в этом самом осуждении не должна ли она заметить предрассудок, который отбрасывал высокомерно уроки опыта? Несомненно, размышление одно при удачных комбинациях может нас привести к познанию общих истин гуманитарных наук. Но если наблюдение отдельных личностей полезно для метафизика, для моралиста, почему наблюдение человеческих обществ было бы для них менее целесообразно? Почему оно не было бы полезно философу - политику? Если полезно наблюдать различные общества, существующие одновременно, изучать их отношения, почему не было бы

также полезно проследить жизнь этих обществ в непрерывной преемственности времен? Допуская даже, что эти наблюдения могли бы быть оставлены в стороне при искании отвлеченных истин, должно ли ими пренебрегать, когда речь идет о практическом применении этих истин и о создании насущной науки. Разве источником наших предрассудков и бедствий, которые они за собой влекут, не являются предрассудки наших предков? Исследование происхождения и влияния заблуждений разве не является одним из наиболее верных средств рассеять одни и предупреждать другие?

Разве мы находимся уже на той ступени развития, когда нам не приходится больше опасаться ни новых ошибок, ни возвращения к старым; когда лицемерие не могло бы быть представлено ни одним развращающим учреждением, которое невежество или увлечение не признало бы; когда никакое преступное измышление помогло бы больше причинить несчастья великому народу? Является ли таким образом бесполезным знать, как народы заблуждались, развращались, или почему они погрязли в нищете?

Все говорить нам за то, что мы живем в эпохе великих революций человеческого рода. Кто может нас лучше просветить относительно того, чего мы должны ожидать, кто может нам предложить более верного путеводителя, который мог бы нас вести среди революционных движений, чем картина революций, которые предшествовали настоящей и ее подготовили? Современное состояние просвещения гарантирует нам, что революция будет удачной, но не будет ли этот благоприятный исход иметь места лишь при том условии, что мы сумеем использовать все наши силы? И для того, чтобы счастье которое она обещает было бы куплено возможно менее дорогой ценой, чтобы оно распространилось с большей быстротой на возможно большем пространстве, для того, чтобы она была более полной в своих проявлениях, разве нам не необходимо изучить в истории Прогресса человеческого разума, препятствия, которых нам надлежит опасаться и средства, которыми нам удастся их преодолеть?

Я разделю на девять больших эпох тот период, который я предполагаю обозреть; и в десятой я позволю себе изложить некоторые взгляды на будущность человеческого рода.

Я ограничусь представлением здесь главных черт, которыми характеризуется каждая эпоха: я дам только суммарные факты, не останавливаясь ни на исключениях, ни на подробностях. Я укажу цели и их результаты, развитие и доказательства которых будут представлены в самом труде.

ПЕРВАЯ ЭПОХА

ЛЮДИ СОЕДИНЕННЫ В ПЛЕМЕНА

Непосредственное наблюдение не дает нам указаний на то, что предшествовало этому состоянию; и только исследуя умственные и нравственные способности человека и его телесную организацию, можно догадаться каким образом он поднялся на эту первую ступень цивилизации.

Наблюдения над человеческими способностями обусловленными физическими качествами, могущими содействовать первичному зарождению общества, краткий анализ развития наших интеллектуальных или моральных способностей должны, таким образом, служить введением в картину этой эпохи.

Общество, состоящее из семьи, естественно возникает у людей. Образовавшись сначала для удовлетворения потребностей детей в родительском уходе, благодаря материнской любви и, хотя менее общей и менее пылкой, любви отцовской, - этот союз упрочивается в силу продолжительности этой потребности, которая создает и способствует развитию чувства солидарности между супругами. Эта самая продолжительность совместной деятельности супругов была достаточна, чтобы дать почувствовать выгоды семейной жизни. Семья, осевшая на почве, доставлявшей легко средства существования, могла затем размножаться и стать племенем.

Племена, образовавшиеся от соединения нескольких отдельных семейств, должны были формироваться позже и медленнее, так как в этом случае соединение зависело и от менее настоятельных мотивов и от сочетания большого количества обстоятельств.

Искусство изготовления оружия, домашней посуды, приготовления еды, сохранения ее в течение некоторого времени, накопления запасов на те времена года, когда невозможно будет добывать свежей пищи - эти искусства, посвященные удовлетворению самых незатейливых потребностей человека, были первыми плодами продолжительной совместной жизни людей и первой характерной чертой, которой человеческое общество отличается от обществ иных животных.

У некоторых племен женщины разводят вокруг жилища кое-какие питательные растения, которые являются добавлением к продуктам охоты и рыбной ловли. У других, образовавшихся в местах, где земля естественно доставляет растительную пищу, забота отыскивать и собирать ее занимает часть времени диких. У этих последних, где польза единения не столь осязательна, общество продолжает оставаться в первобытном состоянии, представляя собой изолированную семью. Однако всюду наблюдалось употребление членораздельной речи.

Более частые и более продолжительные отношения, установившиеся между одними и теми же людьми, тождество их интересов, помощь, которую они друг другу оказывали, во время ли общей охоты, или при сопротивлении общему врагу - все это должно было зародить равным образом и чувство справедливости и взаимную привязанность между членами общества. Эта привязанность скоро превращается в преданность обществу в его целом.

Жестокая ненависть и ненасытная жажда мести по отношению к врагам племени, являлись необходимыми следствиями тесного сближения общества.

Потребность в предводителе, дабы иметь возможность действовать сообща в целях ли самозащиты или для добывания средств существования с большей безопасностью и в большем количестве - впервые породила в этих обществах идеи общественной власти. В тех случаях, когда все племя было заинтересовано, когда оно должно было принять общее решение, все те, которым предстояло его исполнять должны были участвовать в совещании. Женщины, которые по своей слабости не могли участвовать в далеких охотах или в войне (обычные предметы этих совещаний) были равным образом удаляемы от последних. Так как для принятия того или иного решения необходим был известный опыт, то для обсуждения таковых допускались только удовлетворявшие этому требованию. Споры, возникавшие в недрах самого общества, нарушали гармонию, обществу угрожало бы разрушение; естественно было поэтому согласиться предоставлять решение спорных вопросов тем, которые, благодаря своему возрасту и личным качествам, внушали бы наибольшее доверие. Таково происхождение первичных политических учреждений.

Образование языка должно было предшествовать этим учреждениям. Идея выражать предметы условными знаками возникла ранее чем человечество приобрело те знания, которыми характеризуется эта эпоха цивилизации, но правдоподобно что эти знаки были введены в употребление постепенно, в течение долгого времени и как бы незаметно.

Изобретение лука было делом гениального человека; в образовании языка участвовало все общество. Эти два вида прогресса одинаково присущи человеческому роду.

Один, более быстрый, представляет собой плод новых сочетаний, которые люди, одаренные природой, способны образовать; он является наградой за их размышления и усилия; другой, более медленный, рождается как результат размышлений, и наблюдений, представляющихся всем людям и даже привычек, которых они придерживаются в течение своей совместной жизни.

Размеренные и правильные движения выполняются при наименьшем утомлении. Те, которые их видят, или слышат, с большей легкостью улавливают их порядок и ритм. Таким образом, в силу этого двойного соображения, эти движения являются источником удовольствия. И потому происхождение танца, музыки, поэзии восходить к первичному младенческому состоянию общества. Танец употреблялся для развлечения молодежи и во время общественных праздников. Слагались любовные и военные песни; было даже известно искусство изготовлять некоторые музыкальные инструменты. Красноречие не абсолютно неизвестно этим племенам: по крайней мере, они умеют произносить вступление речи тоном более низким и более торжественным; и даже ораторское преувеличение имя было не совсем неизвестно.

Мечь и жестокость по отношению к врагам, возведенные в добродетель, воззрение, осуждавшее женщин на некоторого рода рабство, право командования на войне, составлявшее прерогативу рода какой либо семьи, наконец, первичные идеи различного рода суеверия - таковы заблуждения, которыми отличается эта эпоха, происхождение которых нужно будет проследить и причины которых вскрыть. Ибо человек принимает без рассуждения только ошибки, привитые ему первоначальным воспитанием, ошибки, которые становятся для него как бы естественными. Если мы впадаем в новое заблуждение, то оно связано с последними, т. е. что наши интересы, наши страсти, воззрения, или события толкают нас на этот путь.

Некоторые начальные познания в астрономии, знакомство с некоторыми целебными травами, употребляемыми для лечения болезней или рань, являются единственными науками диких; и они уже искажаются примесью суеверия.

Но эта самая эпоха нам представляет еще один важный факта в истории прогресса человеческого разума. Здесь можно заметить изначальные следы учреждения, которое оказывало на движение разума противоположные влияния, ускоряя успехи просвещения в то же время как оно распространяло заблуждения, обогащая науки новыми истинами, но повергая народы в невежество и религиозное рабство, заставляя покупать некоторые временные блага ценою долгой и постыдной тирании.

Я разумею здесь образование класса людей, хранителей основоположений, наук, искусств, мистерий, религиозных церемоний, суеверных обрядов, часто даже секретов законодательства и политики. Я разумею это деление человеческого рода на две части; одна предназначена наставлять, другая создана для того, чтобы верить этим наставлениям; одна высокомерно скрывает те знания, которыми она гордится, другая почтительно принимает то, что первая снисходительно ей открывает; мысль одной парит выше человеческого разума, другая смиренно отказывается от своего природного ума, падая ниже человеческого достоинства, признавая за другими людьми преимущества, превосходящие их общую природу.

Это различие, остатки которого мы можем наблюдать еще в конце XVIII века в лице нашего духовенства, встречалось у наименее цивилизованных дикарей, которые имели уже своих шарлатанов, колдунов и чародеев. Это явление до того постоянно встречается во всех эпохах цивилизации, что причины его несомненно глубоко коренятся в самой природе человека. И в том, что представляли собой человеческие способности в эти первые периоды жизни общества, мы найдем причину легковерия людей в первые обманы, как и объяснение незамысловатой хитрости первых фокусников.

ВТОРАЯ ЭПОХА

ПАСТУШЕСКИЕ НАРОДЫ. ПЕРЕХОД ОТ НИХ К ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ НАРОДАМ

Идея сохранять животных, добытых на охоте, должна была появиться, когда присмотр за этими животными, ставшими ручными, не представлял более затруднений, когда почва вокруг жилищ доставляла обильный корм, когда в семье оказывался излишек провизии и вместе с тем существовало опасение возможности нужды вследствие неудачи следующей охоты, или благодаря ненастной погоде.

Сохраняя животных, как простую провизию, люди скоро заметили, что они могут размножаться и доставлять в силу этого более постоянный источник питания. Их молоко, в свою очередь, явилось новым предметом питания; и эти продукты, доставляемые стадом, которые сперва были только добавлением к продуктам охоты, стали самостоятельными средствами более прочного, более обильного и менее трудного существования. Охота, таким образом, утратила характер главной кормилицы и впоследствии совершенно потеряла свое первоначальное значение; охотились больше для утех или в целях предусмотрительного удаления диких зверей от стад, которые, став многочисленными, не могли находить достаточно корма вблизи жилищ.

Более оседлая, менее утомительная жизнь доставляла досуга, благоприятный для развития человеческого разума. Обеспеченные на счет своего существования, не беспокоясь больше о предметах первой необходимости, люди стали искать новых ощущений в переживаниях, способных сделать свою жизнь более приятной.

Некоторый прогресс совершается в области ремесел; люди приобретают некоторые познания в искусстве кормления домашних животных, научаются содействовать их размножению и даже усовершенствовать породу. Научаются также употреблять шерсть для одежды и заменять тканями звериные шкуры.

Семейная жизнь становится более приятной и вместе с тем не менее интимной. Так как стада каждой семьи не могли равномерно размножаться, то естественно образовалось имущественное неравенство. Тогда возникла мысль уделять часть продуктов скотоводства человеку, стадами не обладающему, с тем, чтобы он взамен посвящал свое время и свои силы на то, что от него потребуют. Практика пользования наемным трудом показала, что молодой хорошо сложенный работник создать ценностей больше, чем стоит пища, необходимая для восстановления его сил; и в силу этого соображения начали превращать военнопленных в рабов, вместо того, чтобы их убивать.

Гостеприимство, практиковавшееся также среди диких, принимает у пастушеских народов, даже у тех, которые жили в кибитках, или шалашах, характер более выразительный, более торжественный. Представляются более частые случаи оказывать взаимное гостеприимство, как между отдельными людьми, так и между семьями и народами. Этот гуманный акт становится социальной обязанностью и регламентируется специальными правилами.

Наконец, так как некоторые семьи имели продовольствие не только достаточное для своего существования, но также постоянный излишек, а другие люди нуждались в самом необходимом, то сострадание, естественно проявлявшееся у первых по отношению к последним, породило чувство и привычку благотворительности.

Нравы должны были смягчиться; рабство женщин становится менее жестоким и в богатых семьях они постепенно освобождаются от тяжелых работ.

Большее разнообразие предметов, предназначенных для удовлетворения различных потребностей, - орудий, служащих для изготовления этих предметов, большее неравенство в распределении последних должны были увеличить обмен и создать настоящую торговлю, для распространения которой оказалось необходимым установить общую меру и единицу меновой ценности. Племена становились многочисленнее; в то же время необходимость искать новых пастбищ для лучшего кормления скота заставляла людей селиться в большем отдалении друг от друга, когда они оставались на той же территории, или они меняли местожительство, подвижными лагерями, когда они научились пользоваться для транспорта поклажи некоторыми породами прирученных ими животных

Каждое племя имело своего военачальника; но когда племя, в силу необходимости обеспечить себя пастбищами, разделилось на несколько кланов, каждый клан имел также своего предводителя. Почти всюду некоторые семьи присваивали себе привилегию поставлять племенам, или клану начальников. Главы семейств, обладавших многочисленными стадами, многими рабами и пользовавшихся услугами большого количества более бедных граждан, разделяли власть начальников своего клана, подобно тому как последние разделяли власть общего предводителя племени; по крайней мере, когда должное почтение к их возрасту, опыту и подвигам внушало к ним доверие.. Этой эпохе развития общества нужно приписать происхождение рабства и неравенства политических прав людей, достигших зрелого возраста.

Споры, уже более частые и более запутанные, решались согласно естественной справедливости, или принятому обычаю, советами, состоявшими из родоначальников, или предводителей кланов. Прецеденты, укрепляя и увековечивая обычаи, образовали скоро более правильное судопроизводство, более постоянное, в котором, сверх того, благодаря развитию общества, ощущалась настоятельная потребность. Идея собственности и ее прав приобрела большее распространение и большую определенность. Наследство, ставшее более значительным, вызывает необходимость регламентировать разделение его определенными правилами. Договорные отношения, в которые люди все чаще вступают, не ограничиваются более предметами незначительными; важность этих актов заставила установить для них определенную ферму; способ установления существования договора, для обеспечения исполнения такового, подчинялся также известным законам.

Наблюдение звезд, - полезное занятие, которому пастухи, благодаря своему досугу предавались в течение долгих вечеров, должно было вызвать некоторый незначительный прогресс в области астрономии.

Но в то же время мы видим, что совершенствуется искусство морочить людей, чтобы их легче эксплуатировать, что их воля и воззрения поработаются авторитетом, основанным на страхе и наивных надеждах. Учреждаются более стройные культы, вырабатываются более сложные религиозные системы. Идеи о сверхъестественных силах в некотором роде утончаются, и на ряду с этими воззрениями мы видим, как в одном месте учреждается должность князей-первосвященников, в другом семья, или клан присваивают себе священническое звание, в третьем образуются жреческие сословия. Всюду один класс людей, нагло стремясь использовать свои преимущества, отделяется от остальных, чтобы их лучше поработать. Посвящая себя исключительно медицине или астрономии, эти классы вооружаются всеми средствами для подчинения себе умов, лишая в то же время последних возможности сорвать с них маску лицемерия и сломать их оружие.

Языки обогащались, оставаясь по-прежнему образными и смелыми. Образы, употребляемые в речи, становятся более разнообразными и менее грубыми. Источником их являются пастушеская, как и лесная жизнь, обычные, как и исключительные явления природы. Пение, музыка, поэзия совершенствуются, когда слушатели, благодаря досугу, более спокойны и поэтому более разборчивы, когда в силу того же обстоятельства они могут подробнее разбираться в своих собственных чувствах, оценивать свои первичные впечатления и останавливаться на более важных.

То обстоятельство, что некоторые растения доставляют стадам лучший и более обильный корм не могло не быть замечено: польза разведения таких растений, отделения их от других менее питательных, вредных и даже опасных для здоровья животных, была очевидна, и средства для этого были найдены.

Точно также в странах, где растения, семена и плоды естественно произрастали на земле и вместе с продуктами скотоводства составляли пищу людей, должны были также обратить внимание на процесс размножения этой растительности и должна была явиться мысль разводить ее на почве более близкой к жилищам; отделять ее от сорных трав, занимая весь подходящий для культуры участок полезными растениями; ограждать последние от диких животных и стад и даже от жадности других людей.

Эти идеи должны были зародиться также, и даже скорее, в странах более плодородных, где царство растительное в диком состоянии почти удовлетворяло потребностям человека в пище. Таким образом, люди начали заниматься земледелием.

В плодородной стране и при благоприятном климате на одном и том же пространстве возделанной земли произрастает семян, плодов и корней столько, что ими может питаться количество людей гораздо большее, чем эта земля могла прокормить, служа пастбищем. В силу этого, когда почва оказывалась не слишком трудной для обработки, когда научились пользоваться для земледельческих работ теми же животными, которыми пастушеские народы пользовались для перевозки людей и груза, когда земледельческие орудия были некоторым образом усовершенствованы - земледелие становится наиболее обильным источником человеческого существования и главным занятием народов. Человеческий род достигает своей третьей эпохи.

Некоторые народы остались с незапамятных времен в одном из этих двух состояний, которые мы обозревали. Не только они сами не поднялись на высший уровень культуры, но и отношения, которые установились между ними и народами, достигшими чрезвычайно высокой ступени цивилизации, торговля, которую они завели с последними, не могли произвести этого переворота. Благодаря этим отношениям и торговле отсталые народы приобретали некоторые познания знакомились с некоторыми отраслями промышленности (в особенности позаимствовали много пороков), но все это не могло их вывести из состояния неподвижности.

Климат, привычки, удовольствия, связанные с почти полной независимостью, которая не может возродиться даже в обществе более совершенном, чем наше, естественная привязанность человека к воззрениям, привитым ему в детстве, и обычаям своей страны, естественное отвращение невежества ко всякому роду новшествам, физическая и в особенности умственная лень, которая ослабляла любопытство, так вяло проявлявшееся, влияние, которое уже оказывало суеверие на первичные общества таковы были главные причины этого явления. Добавьте к этому жадность, жестокость, развращенность и предрассудки просвещенных народов. Последние казались народам, пребывающим в первобытном состоянии, более могущественными, более богатыми, более образованными, более деятельными, но более порочными и в особенности менее счастливыми, чем они сами. Они должны были часто менее поражаться превосходством культурных народов, чем ужасаться множеством и обширностью их потребностей, мучениями их жадности, вечной возбужденностью их страстей, всегда активных, всегда ненасытных. Некоторые философы жалели эти отсталые народы; другие их превозносили: последние называли мудростью и добродетелью то, что первые считали глупостью и ленью.

Вопрос, возникший между ними, разрешается в настоящем труде. Здесь будет указано, почему прогресс разума не всегда вел общества к счастью и добродетели, каким образом предрассудки и заблуждения могли оказывать свое вредное влияние на блага, которые должны были явиться плодами просвещения, но которые зависят в большей мере от чистоты знаний, чем от их обширности. Тогда ясно станет, что этот бурный и мучительный переход первичного грубого общества к цивилизации просвещенных и свободных народов отнюдь не является вырождением человеческого рода, но неизбежным переломом в его постепенном движении к полному совершенству. Мы увидим что пороки просвещенных народов обусловлены были не расцветом, а упадком знаний и что последние не только никогда не развращали людей, но всегда смягчали нравы, если уже не могли их исправить или изменить.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА

ПРОГРЕСС ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ ДО ИЗОБРЕТЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

Однообразие картины, которую мы до сих пор рисовали, скоро исчезнет. Нам не придется больше ограничиваться наблюдением народов, привязанных к своей территории, у которых первичная семья сохранилась почти в первоначальном виде, нравы, характеры, воззрения и суеверия которых различаются лишь едва заметными оттенками.

Нашествия, завоевания, образование государств, разрушение последних скоро смешали народы, то рассеивая их по новой территории, то заселяя одну и ту же страну различными народами.

Случайные события беспрестанно нарушали медленный, но правильный ход естественной эволюции, часто задерживая ее, иногда ускоряя.

Явление, наблюдаемое у данного народа в данном веке часто обуславливается революцией, производившейся на десять веков раньше и на пространстве в тысячи лье. Мрак времен скрыл большую часть этих событий, влияние которых отразилось на наших предшественниках и иногда распространяется и на нас самих.

Но прежде всего нужно рассмотреть последствия этого изменения для одной нации независимо от влияний, которые завоевания и смешение народов могли на нее оказать.

Земледелие привязывает человека к почве, которую он возделывает. В первобытном состоянии для перемены местожительства ему достаточно было перекочевать со своей семьей на новое место и перенести туда свои охотничьи снаряды; затем, при занятиях скотоводством, его свобода передвижения также нисколько не затруднялась, ибо достаточно было угнать стада на новые пастбища. Теперь не то: земли, никому не принадлежащие, не доставили бы больше продовольствия ни ему, ни животным, которые служили бы для него источником питания.

Каждый участок земли имеет своего хозяина, которому единственно и принадлежать плоды. Сбор последних, превышая то, что было израсходовано для поддержания существования людей и животных, производивших эти плоды, доставляет собственнику ежегодный доход, для приобретения которого он никакого труда не затрачивает.

На первых двух стадиях развития общества все индивиды, по крайней мере, все семьи, занимались всеми необходимыми ремеслами.

Но когда оказались люди, которые не трудясь пользовались продуктами своей земли и другие, которые работали за наемную плату, уплачиваемую ими первыми, когда отрасли труда умножались, когда процессы производства стали более обширными, более сложными, тогда общий интерес скоро подсказал необходимость разделения труда. Было замечено, что производство человека достигает тем большего совершенства, чем оно однообразнее; что рука делает небольшое количество движений с большей быстротой и большей точностью, когда, благодаря долгому упражнению эти движения становятся привычными, что для хорошего исполнения какой-либо работы требуется меньшее напряжение умственных способностей, когда эта работа часто повторяется.

Таким образом, в то время как одни занимались земледелием, другие изготовляли земледельческие орудия. Присмотр за скотом ведение внутреннего хозяйства, изготовление одежды равным образом вылились в специальные профессии. Так как в семьях, обладавших небольшой собственностью, одно из этих занятий не могло всецело поглощать время человека, то некоторые из них обменивались трудом и наемной платой одного человека.

Скоро потребности людей, посвятивших себя ремеслам, увеличились, вызывая новые различные отрасли промышленности, в каждой из которых был занят особый класс рабочих. Торговля развивается, охватывая все большее количество предметов и все большую территорию; тогда образовывается новый класс людей, исключительно занятых покупкой предметов потребления, сохраняемых, перевозимых и перепродаваемых с прибылью.

Таким образом, к тем классам, которые уже можно было различать в пастушеской жизни собственников, прислуги, привязанной к их семье, и наконец рабов - нужно теперь добавить класс рабочих всевозможных профессий и класс купцов.

Тогда, когда общество более упрочилось, более сблизилось и взаимоотношения членов его более усложнились, почувствовалась потребность в более правильном и более обширном законодательстве; нужно было с большей точностью определять как наказания за преступления, так и формы договоров, необходимо было подчинить более строгой регламентации случаи, требовавшие вмешательства закона.

Этот прогресс совершался медленно и постепенно в силу назревавших потребностей и под влиянием сложившихся обстоятельств. Это были некоторые шаги вперед на пути, по которому следовали уже пастушеские народы.

В первых эпохах воспитание носило чисто домашний характер. Дети научились у своего отца как обычным работам, так и известным ему ремеслам; от него же они перенимали несложную историю племени или семьи, басни, передававшиеся из поколения в поколение, он их знакомил также с национальными обычаями и принципами или предрассудками, которые должны были составлять их начальную мораль.

Дети росли в обществе своих товарищей по песням, танцам и военным упражнениям. В эпоху, которую мы теперь рассматриваем, дети более богатых семейств получали своего рода общее воспитание, или в городах путем беседований со старцами, или в доме главы рода или племени. Здесь они изучали законы страны, ее обычаи и предрассудки, научались петь поэмы, в которых изображалась история нации.

Привычка более оседлой жизни установила между обоими полами более равенства. Женщины не рассматривались более как полезные вещи, как рабы, более приближенные к хозяину.

Муж начинает видеть в жене товарища и проникается наконец сознанием, что она способствует его счастью. Тем не менее, даже в странах где они пользовались наибольшим уважением, где многоженство было запрещено, ни разум, ни справедливость не доходили до признания полного равновесия супружеских обязанностей, или прав на развод и равенства в наказаниях за неверность.

История этой категории предрассудков и их влияние на судьбу человеческого рода должна войти в картину, которую я намереваюсь начертать. И ничто не послужит лучшим показателем того, насколько счастье человечества неразрывно связано с прогрессом разума.

Некоторые народы остались разбросанными в деревнях. Другие объединялись в городах, которые стали служить резиденцией общего начальника, величаемого именем, соответствующим слову король, местопребыванием начальников кланов, которые разделяли его власть и старейшин, представителей каждой большой семьи. Там решались дела, касающиеся всего общества и выносились приговоры по частным делам отдельных лиц. Там скоплялись наиболее ценные богатства в целях охранения их от грабителей, которые должны были размножаться параллельно с увеличением постоянных богатств. Когда нации были рассеяны по обширной территории, обычай определял место и время собраний начальников для обсуждения общественных интересов, для заседаний суда, выносившего приговоры.

Народы, которые признавали свое общее происхождение, говорили на одном языке, не отказываясь, однако, затевать между собой войны, почти всегда образовывали более или менее тесную федерацию, соглашались объединяться, или против иноземных врагов, или чтобы общими силами отомстить за их несправедливости, или для совместного выполнения некоторых религиозных обрядов.

Гостеприимство и торговля создавали некоторые постоянные отношения даже между народами, отличавшимися друг от друга происхождением, обычаями и языком, отношения, которые грабежи и войны часто прерывали, но которые скоро возобновлялись в силу необходимости более сильной, чем любовь к грабежу, или жажда мести.

Убивать побежденных, грабить и превращать их в рабов не является уже больше единственно признанным правом между враждебными нациями. Уступка территории, выкуп и дань отчасти имеют место у этих жестоких варваров

В эту эпоху всякий, обладавший оружием, был солдатом; кто имел лучшее оружие, кто умел имя лучше владеть, кто мог снабжать таковым других с условием, что последние будут его сопровождать на войну, кто благодаря запасам провизии, был в состоянии доставлять продовольствие своим воинам тот неизбежно становился предводителем; но это почти добровольное подчинение не влекло за собой рабской зависимости.

Так как потребность в новых законах являлась редко, так как не существовало общественных расходов, которые граждане были бы обязаны покрывать, а если бы даже оказалась надобность в расходах, то источником для их покрытия должно было служить имущество начальников, или земли, находящейся в общем пользовании, так как идея регламентировать промышленность и торговлю еще не возникала; так как наступательная война решалась с общего согласия, или предпринималась единственно теми, которых увлекала любовь к славе и склонность к грабежу, - человек считал себя свободным в этих первобытных государствах, не смотря на то, что пост главного начальника, или короля был почти всюду наследственным и что младшие начальники присваивали исключительно себе привилегию разделять политическую власть и занимать административные и судебные должности.

Но часто король, побуждаемый чувством личной мести самовластно совершал акты жестокости. Часто в этих привилегированных семьях тщеславие, взаимная наследственная ненависть, сластолюбие и жажда золота умножали преступления, между тем как начальники, собранные в городах, являясь орудием королевских воцелений, провоцировали заговоры и гражданские войны, угнетали народ несправедливыми приговорами, мучили его преступлениями своего тщеславия и разоряли грабежами.

У многих народов греховные крайности привилегированных семейств истощали народное терпение - тогда они уничтожались, изгонялись, или подчинялись общему закону; иногда они сохраняли свой титул и власть, ограниченную законом; и мы видим, как постепенно создаются новые формы государственного устройства, которые впоследствии были названы республиками.

В других странах короли, окруженные телохранителями (ибо они обладали достаточными средствами, для вооружения и вознаграждения последних) - пользовались безграничной властью: таково было происхождение тирании.

В некоторых краях, преимущественно там, где маленькие народы совершенно не имели крупных центров, первичные формы их государственности сохранились вплоть до момента, когда они подпадали под иго завоевателя, или когда они, увлекаемые духом грабежа, сами рассеивались по чужой территории.

Тирания, сосредоточенная на небольшом пространстве, могла продолжаться недолго. Народы скоро сбрасывали с себя иго, наложенное на них исключительно силой и не поддерживаемое установившимися воззрениями. Чудовище видно было слишком близко, чтобы внушать к себе чувство страха или ужаса: и сила, как и мнение не могли бы выковать достаточно прочных цепей, если бы тираны не раздвигали границ своих владений и не распространяли свою власть на пространстве достаточно большом, чтобы иметь возможность, разделяя угнетаемый ими народ, скрывать от него тайну своего могущества и его слабости.

История республик относится к следующей эпохе: но та, которая занимает нас теперь, представить нам иное зрелище.

Земледельческий народ, подчиненный иноземным завоевателям, отнюдь не бросал своего очага - необходимость заставляла его работать на своих господ.

Господствующая нация, то удовлетворялась оставлением на завоеванной территории наместников для управления и солдат для ее охраны, а в особенности, чтобы удерживать в подчинении жителей и вымогать от безоружных подданных дань деньгами или съестными припасами. Иногда она захватывала даже территорию, распределяя ее в собственность между солдатами и полководцами. Тогда прикрепляли к каждому участку старого земледельца, который ее возделывал, а подчиняли его этому новому виду крепостничества, регламентируемого более или менее суровыми законами. Военная служба и поземельный налог являются для новых собственников условиями, связанными с пользованием этими землями.

Иногда завоеватель присваивал себе право собственности на землю, распределяя ее только в пользование, налагая те же повинности. Почти всегда обстоятельства заставляют практиковать одновременно эти три формы вознаграждения виновников победы и ограбления побежденных.

На почве создавшихся отношений между завоевателями и побежденными, зарождаются новые классы людей: потомки господствующего народа и таковые угнетенного. Наследственное дворянство, которого не следует смешивать с патрициатом республик, и народ, обреченный на труд, зависимость и унижение, не будучи, однако, рабом; наконец, крепостные, отличающиеся от домашних рабов меньшей закабаленностью, что давало им возможность опираться на закон в борьбе с произволом своих господ.

Здесь можно также наблюдать происхождение феодализма, который в известные эпохи цивилизации являлся бичом не только Европы, но встречается почти на всем земном шаре, и всегда, когда одна и та же территория оказывалась занятой двумя народами, между которыми победа устанавливала наследственное неравенство.

Наконец, плодом завоевания являлся также деспотизм. Под словом деспотизм, в отличие от недолговечной тирании, я разумею здесь угнетение народа одним человеком, который господствует над ним и в силу сложившегося воззрения, привычки и в особенности благодаря сильной армии, над которой он пользуется самодержавной властью, но вынужден уважать ее предрассудки, угождать ее капризам, поощрять ее жадность и тщеславие.

Непосредственно охраняемый значительной по числу и отборной частью этой армии, образованной из народа завоевателя, или чуждого массе подданных; окруженный наиболее могущественными полководцами; управляя провинциями через своих сатрапов, имеющих в своем распоряжении более слабые части этой самой армии - он царствует в силу внушаемого им страха. Никто из среды покоренных народов или сатрапов, рассеянных и соперничающих между собой, не представляет себе возможным восстать против него, противопоставить силе силу, и не может его сокрушить.

Восстание гвардии, бунт в столице могут быть губительными для деспота, несколько не ослабляя деспотизма. Генерал победоносной армии может, уничтожая династию, освященную предрассудком, основать новую, но для того, чтобы осуществлять ту же тиранию.

В эту третью эпоху у народов, не испытавших еще несчастья быть ни победителями, ни побежденными, мы можем наблюдать эти простые и важные нравственные достоинства земледельческих наций, эти нравы героических времен, картина которых, представляя смесь величия и дикости, великодушия и варварства так привлекательна, что заставляет нас еще теперь ими восхищаться и даже сожалеть о них.

Картина нравов, которую мы наблюдаем в государствах, основанных завоевателями, нам представляет напротив все черты унижения и разврата, до которой деспотизм и суеверие могут довести человеческий род. Именно там мы видим зарождение налогов на промышленность и торговлю, лихоимства, вынуждающего покупать право использовать свои способности по своему усмотрению, законов, препятствующих человеку свободно избрать себе труд и распоряжаться своей собственностью, законов, привязывающих детей к профессиям своих отцов, конфискации, жестоких казней. Словом всех тех актов произвола, закономерной тирании и суеверных жестокостей, которые только презрение к человеку могло изобрести.

Можно заметить, что среди племен, совершенно не переживших великих революций, прогресс цивилизации остановился на чрезвычайно низком уровне. Люди тем не менее испытывали там потребность в новых идеях, или новых ощущениях - первичный двигатель прогресса человеческого разума, который равным образом развивает склонность к излишествам роскоши, поощряет промышленность, побуждает любознательность, проникая жадным взором покров, под которым природа спрятала свои тайны. Но почти всюду случалось так, что для того, чтобы избавиться от этой потребности люди искали физических средств, посредством которых они могли бы доставлять себе непрерывно обновляющиеся ощущения, увлекавшие их до бешенства. Такова привычка употребления крепких напитков, опия, табаку и других наркотических средств. Очень мало таких народов, у которых не наблюдалась бы одна из этих привычек, доставляющих удовольствие, которое продолжается целые дни, или повторяется во всякое время, которое позволяет не тяготиться временем, удовлетворяет потребности быть занятым или возбужденным, и которое в конечном итоге притупляет способности человека, удлиняя младенческое и бездеятельное состояние его разума. Эти самые привычки, послужившие препятствием для прогресса невежественных или поработанных народов, затрудняются еще теперь в культурных странах распространение чистого света знаний равномерно среди всех классов населения.

Описывая состояние ремесла в двух первых эпохах развития общества, мы покажем, каким образом эти первобытные народы, помимо ремесла по обработке дерева, камня, или животных костей, дубления кож и изготовления тканей, постигли более трудные красильное и горшечное искусства и даже начала работ по металлу.

Прогресс этих ремесел должен был быть медленным у изолированным наций, но установившиеся между ними, хотя бы слабые, сношения ускорили его. Новый процесс, открытый одним народом, становится общим достоянием соседей. Завоевания, которые столько раз губительно отражались на развитии ремесла, прежде чем их остановить, или способствовать их упадку, сначала их распространяли и содействовали их совершенствованию.

Мы видим, что некоторые из этих ремесел достигают высшей степени совершенства у народов, у которых долгое влияние суеверия и деспотизма повлекло за собой вырождение всех человеческих способностей. Но, если присмотреться к чудесам этой рабской промышленности, мы здесь не заметим ничего такого, что было бы отмечено печатью добродетельного гения: все эти усовершенствования являются плодом медленного и тяжелого труда, долгой рутины. Всюду наряду с этой промышленностью, которая нас удивляет, мы замечаем следы невежества и глупости, открывающие нам ее происхождение.

В оседлых и мирных обществах астрономия, медицина, простейшие понятия анатомии, умение распознавать минералы и растения, первичные идеи естествознания совершенствовались, или скорее распространялись единственно в силу влияния времени, которое, умножая наблюдения, приводило медленно, но верно, к легкому, почти с первого взгляда, пониманию некоторых общих следствий, вытекавших из этих наблюдений.

Тем не менее, прогресс был чрезвычайно незначителен, и науки остались бы на более продолжительное время в своем первичном состоянии, если бы некоторые семейства и в особенности некоторые изолированные касты не сделали бы науки главным основанием своей славы и своего могущества.

Наблюдение явлений природы уже дополнялось изучением человека и общества. Уже небольшое количество правил практической морали и политики передавались из поколения в поколение; всем этим завладели касты; религиозные идеи, предрассудки и суеверия также способствовали увеличению их власти. Они унаследовали профессии первых шарлатанов и колдунов, но с не применяли их с большим искусством, чтобы одурачить более развитые умы. Их действительные познания, кажущаяся суровость их жизни, лицемерное презрение к тому, что является предметом желаний обыкновенных смертных, придавали их власти известное обаяние, между тем, как в силу этого самого обаяния их слабые познания и лицемерные добродетели приобретали в глазах народа сакральное значение. Члены этих каст прежде всего преследовали с почти равным усердием две совершенно различные вещи: приобретение для самих себя новых познаний и использование тех, которыми они уже обладали, для того, чтобы обманывать народ и господствовать над умами.

Их мудрецы занимались преимущественно астрономией, и поскольку можно судить по рассеянным остаткам памятников их трудов, кажется, что они в этой области достигли наивысшей точки, на которую возможно было подняться без помощи зрительных стекол, без применения теорий высшей математики для вычисления основных законов мировой системы.

В самом деле, помощью длинного ряда наблюдений можно получить довольно точные познания о движениях планет и быть в состоянии вычислить и предсказать небесные явления. Эти эмпирические законы, которые тем легче находить, чем продолжительнее период наблюдения, не привели этих первых астрономов к открытию общих законов мировой системы, но они были достаточны, чтобы удовлетворять всему тому, что могло касаться потребностей человека, или возбуждало его любопытство и увеличивали доверие к этим узурпаторам исключительного права поучать.

Жреческим кастам мы, по-видимому, обязаны изобретением арифметических правил, этого удачного способа представлять все числа небольшим количеством знаков и производить помощью чрезвычайно простых технических операций те вычисления, которых человеческий ум, невооруженный этим средством, не мог бы постигнуть. Мы видим здесь первый пример тех методов, которые удваивают силы ума и помощью которых он может бесконечно расширять пределы своего познания, не встречая границ, перейти через которые ему было бы запрещено.

Но мы не видим, чтобы арифметика двинулась у них дальше знакомства с этими простейшими операциями. Их геометрия, заключая в себе то, что необходимо было для земледелия и для практических занятий астрономией, остановилась на знаменитой теореме, которую Пифагор перенес в Грецию, или вновь самостоятельно открыл.

Производство машин жрецы предоставляли тем, которые должны были ими пользоваться. Однако, некоторые сведения, достоверность которых ослабляется благодаря примеси различных небылиц, как будто говорят за то, что жрецы сами изучали практическую механику, как одно из средств, помощью которого можно было поражать умы чудесами.

Законы движения, рациональная механика совершенно не останавливали на себе их внимание.

Если они изучали медицину и хирургию, преимущественно постольку, поскольку это нужно было для лечения ран, то зато игнорировали анатомию.

Их познания по ботанике и естественной истории ограничивались предметами, употребляемыми в качестве лекарств, некоторыми растениями, некоторыми минералами, обладание которыми представлялось им в этом отношении полезным.

Их химия, сокращенная до простейших процессов без теории, без метода, без анализа, представляла собой только искусство готовить некоторые препараты, составлять некоторые секретные смеси, которыми они пользовались в своей медицинской практике, для ремесла, или для того, чтобы ослеплять глаза невежественной толпы, подчиненной начальникам столь же невежественным, как она сама.

Прогресс наук был для них только второстепенной целью, средством упрочить или расширить свою власть. Они искали истины только для того, чтобы распространять заблуждения; и не нужно поэтому удивляться, что они так редко ее находили.

Однако этот прогресс, как бы медленным и слабым. Он бы ни был, стал бы невозможным, если бы эти люди не знали письменности, этого единственного средства обеспечить существование традиций, их увековечить, сообщать и передавать знания, как только они начинают умножаться.

Таким образом иероглифические письма были их первым изобретением, или они были открыты до образования учительствующих каст.

Так как целью их было не просвещать, а господствовать, они не только не делились с народом всеми своими знаниями, но еще развращали его заблуждениями, которые имя угодно было ему сообщать; они его обучали не тому, что они сами считали истиной, но тому, что им было выгодно.

Они ему ничего не показывали без того, чтобы не примешивать Бог весть чего сверхъестественного, священного, небесного, что заставляло рассматривать их как сверхчеловеков, как наделенных божественным даром, как получивших путем небесного откровения свои знания, запрещенные для остальных людей.

Они, таким образом, имели две доктрины: одну для самих себя, другую для Народа. Часто даже, разделившись на несколько орденов, они в каждом из последних сохраняли свои тайны. Все низшие ордена были одновременно обманщиками и обманутыми, и система лицемерия открывалась во всей своей наготе только глазам немногих посвященных.

Ничто так не благоприятствовало этому двуличию, как изменения наречий, которые явились продуктом времени, установившегося сообщения и смешения народов. Люди двойной доктрины, сохраняя для себя старое наречие, или пользуясь языком другого народа, обеспечивали себе также преимущество обладания языком понятным только им самим.

Первичная письменность, означавшая вещи более или менее точным изображением или самой вещи, или аналогичного предмета, уступив место более упрощенному письму, когда подобие этих предметов почти изгладилось, когда стали употреблять уже в некотором роде чисто условные знаки осталась в пользовании у таинственной доктрины. И таким образом последняя имела свою особую письменность, как она уже имела свой особый язык.

В изначальных наречиях почти каждое слово - метафора и каждая фраза - аллегория. Ум улавливает одновременно смысл переносный и буквальный; слово представляет идею и в то же время аналогичное изображение, которым последняя выражалась. Но разум, привыкая употреблять слово в фигуральном смысле в конце концов останавливается исключительно на последнем, не считаясь с подлинным значением; и этот вначале фигуральный смысл, постепенно становится обыкновенным и собственным значением того же самого слова.

Жрецы, сохранившие изначальный аллегорический язык, употребляли его в сношениях с народом, который не мог более улавливать истинного смысла этого языка и привыкший понимать слова в одном значении, ставшем их собственным, слышал невозможные небылицы, когда эти самые выражения в понимании жрецов оказывались простейшими истинами. Такое же употребление они сделали из своей священной письменности. Народ видел людей, животных, чудовищ там, где жрецы хотели изобразить астрономическое явление, один из фактов истории года.

Так, например, жрецы почти всюду в своих размышлениях создавали себе метафизическую систему великого целого, громадного, вечного, только видоизменениями которого являются все существа и все события, наблюдаемые во вселенной. На небе они видели только группы звезд, посеянные по этим несметным пустыням, планеты, совершающие более или менее сложные движения и чисто физические явления, оказывающиеся результатом расположения этих светил. Они наделяли именами эти группы звезд и эти планеты, движущиеся по кругам, или кажущиеся неподвижными, чтобы изобразить их расположения и видимое движение, чтобы уяснить себе небесные явления.

Но их язык, их письма, выражая для них эти метафизические воззрения, эти естественные истины, изображали в глазах народа наиболее абсурдную мифологическую систему, которая легла в основание его наиболее нелепых верований, наиболее бессмысленных культов, наиболее постыдных, или варварских религиозных обрядов.

Таково происхождение почти всех известных религий, которые впоследствии, благодаря ханжеству, или сумасбродству их изобретателей, или прозелитов, обогатились новыми нелепостями.

Эти касты захватили в свои руки воспитание, чтобы приучать человека безропотно носить житейские цепи, чтобы лишать его желания их разорвать. Но если мы хотим понять, до какой степени эти учреждения, даже без помощи суеверных ужасов, могут губительно влиять на человеческие способности, нам нужно на мгновение остановить свое внимание на Китае, на том народе, который как будто только для того опередил другие народы в науках и искусствах, чтобы затем быть оттесненным на самый задний план, которому знакомство с артиллерией не помешало быть побежденным варварскими нациями. В Китае науки, изучаемые в многочисленных школах, открытых для всех граждан, служат единственным источником всех почестей. Тем не менее, подчиненные нелепым предрассудкам, они осуждены быть вечно посредственными. В этой стране даже изобретение книгопечатания оказалось совершенно бесполезным для прогресса человеческого разума.

Люди, которые видели в обмане свою выгоду, должны были скоро проникнуться отвращением к исканию истины. Довольные спокойствием народов, они полагали, что не представляется надобности в новых средствах для упрочения своего положения. Некоторое время спустя они сами забыли часть истин, скрытых в их аллегориях; от своей былой учености они сохранили только то, что было безусловно необходимо для поддержания своего престижа в глазах учеников; и они в конце концов сами оказывались обманутыми своими собственными вымыслами.

С тех пор всякий прогресс в науках остановился: даже часть тех наук, свидетелями которых были предшествовавшие века, были потеряны для следующих поколений и в тех обширных царствах, непрерывное существование которых обесчестило в столь отдаленные времена Азию, человеческий разум, предоставленный невежеству и предрассудкам, был обречен на позорную неподвижность.

Народы, населяющие эти империи, являются единственными, у которых можно наблюдать одновременно и эту ступень цивилизации и этот упадок.

Народы, занимавшие остальную поверхность земного шара, были остановлены в своем развитии и нам еще напоминают собой времена младенческого состояния человеческого рода, или они были увлечены событиями через последующие эпохи, историю которых нам предстоит еще начертать.

В эпоху, к которой мы подошли, эти самые азиатские народы изобрели азбуку, которой они заменили иероглифические письмена; это изобретение вероятно имело место после того, как они употребляли письменность, в которой каждая идея символизируется условными знаками и которая еще поныне является единственным достоянием китайцев.

История и рассуждение могут нам осветить процесс постепенного перехода от иероглифов к этому в некотором роде временному состоянию письменности; но ничто не может нам указать с некоторой точностью ни страну, ни время, где и когда азбука была впервые введена в употребление.

Это открытие было впоследствии перенесено в Грецию, к тому народу, который оказал счастливое и могущественное влияние на прогресс человеческого разума, гений которого открывал ему все пути к истине, который был создан природой и предназначен судьбой, чтобы быть благодетелем и путеводителем всех наций во всех веках честь, которая до сих пор не выпадала на долю ни одного народа.

Лишь один народ мог впоследствии питать надежду быть во главе нового переворота судеб человечества. Природа, и течение событий как бы сговорились доставить ему эту славу. Но не будем стремиться предугадывать то, что неизвестное будущее от нас еще скрывает.

ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА

ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА В ГРЕЦИИ ДО ВРЕМЕНИ РАЗДЕЛЕНИЯ НАУК В ВЕК АЛЕКСАНДРА

Греки, возненавидев своих царей, которые, называя себя потомками богов, бесчестили человеческий род своими безумствами и преступлениями - разделились на республики. Из последних только Лакедемония признавала наследственных начальников, власть которых, однако, умерялась авторитетом других должностных лиц, и которые были подчинены законам, как все граждане и ослаблены вследствие разделения царства между наследниками двух разветвлений династии Гераклидов.

Жители Македонии, Фессалии и Эпира, связанные с греками общностью происхождения и языка, управляемые бессильными князьями, не объединенные между собой, не могли угнетать Грецию, но были достаточно сильны для того, чтобы охранять ее с севера от набегов скифских племен.

С запада Италия, разделенная на изолированные и небольшие государства, не могла внушать ей никаких опасений. Даже почти вся Сицилия и наиболее удобные порты южной Италии были уже заняты греками колонистами, которые, сохраняя братские отношения со своей метрополией, тем не менее, образовали независимые республики. Другие колонии возникли на островах Эгейского моря и на некоторой части побережной полосы Малой Азии.

Таким образом, присоединение этой части азиатского материка к обширной империи Кира было единственной реальной опасностью, которая могла угрожать независимости Греции и свободе ее жителей.

Тирания, хотя более продолжительная в некоторых колониях и в особенности в тех, основанию которых предшествовало истребление царских фамилий, могла там быть рассматриваема только как временный и слабый бич, как источник бедствий жителей некоторых городов, не оказавший, однако, влияния на общий дух нации.

Греция позаимствовала у восточных народов их ремесла, часть их знаний, азбуку и их религиозные системы. Всем этим Греция обязана сношениям, установившимся между нею и этими народами, изгнанникам, искавшим убежища в Греции, наконец, греческим путешественникам, вывозившим из Востока знания и заблуждения.

Науки не могли, таким образом, стать в Греции занятием и родовым достоянием особой касты. Функции жрецов ограничивались обрядами богослужения. Гений мог там развернуть все свои силы, не будучи подчиненным педантическому надзору и лицемерной системе жреческой коллегии. Все люди пользовались одинаковым правом познавать истину. Все могли стремиться открывать истину для сообщения ее всем и сообщать ее всю без ограничения.

Это счастливое обстоятельство, еще более, чем политическая свобода, обусловило независимость человеческого разума у греков и явилось залогом быстрого и широкого его прогресса.

Тем не менее, греческие мудрецы и ученые, которые скоро стали именоваться более скромно - "философами", или друзьями науки и мудрости - сбились с пути в бесконечности слишком обширного горизонта, который они хотели охватить своим умственным взором. Они хотели познать природу человека и богов, проникнуть в тайны происхождения мира и человеческого рода. Они пытались свести всю природу к одному принципу и явления вселенной к единому закону. Они стремились заключить в одном правиле поведения все моральные обязанности и тайну истинного счастья.

Таким образом, вместо того, чтобы открывать истины, они выдумывали системы; они пренебрегали наблюдением фактов, предпочитая отдаваться своему воображению и лишены возможности подкреплять свои воззрения доказательствами, они пытались защищать их хитростями. Однако, эти самые люди успешно разрабатывали геометрию и астрономию. Греция им обязана элементарными понятиями в этих науках и даже некоторыми новыми истинами, или, по крайней мере, знанием тех, которые они переняли у Востока не как религиозные системы, но как теории, принципы и доказательства которых им были понятны.

В тумане этих "систем", придуманных греками, мы видим свет, распространяемый двумя счастливыми идеями, с которыми мы еще раз встретимся в века более просвещенные.

Демокрит рассматривал все явления вселенной, как результат сочетаний и движений простых тел, результат определенного и неизменного круговорота; тела получают первый толчок в силу механической необходимости, откуда возникает некоторое количество энергии, которая видоизменяется в каждом атоме, но остается неизменной во всей массе.

Пифагор провозгласил, что вселенная представляет собой стройный порядок, в основании которого лежит число, производящее гармонию бытия; т. е., что все феномены подчинены общим и численным законам.

Легко узнать в этих двух идеях и смелые системы Декарта и философию Ньютона.

Пифагор открыл самостоятельно, или позаимствовал у египетских или индийских жрецов, действительное расположение небесных тел и истинную систему мира, с которой он ознакомил греков. Но эта система слишком не соответствовала тогдашним понятиям, слишком противоречила народным идеям, чтобы слабые доказательства, которыми можно было установить ее истинность, были бы способны увлекать умы. Она осталась сокрытой в недрах пифагорейской школы и была забыта вместе с нею, чтобы вновь появиться в конце XVI века, подкрепленная более определенными доказательствами, которые тогда восторжествовали и над противными воззрениями и над суеверными предрассудками еще более могущественными и более опасными.

Эта пифагорейская школа распространилась главным образом в Великой Греции; там она воспитывала законодателей и неутомимых защитников прав человечества: она погибла, под ударами тиранов. Один из них сжег пифагорейцев в их школе. Эти гонения были для последователей Пифагора достаточной причиной, конечно, не для того, чтобы отречься от философии учителя, не для того, чтобы отказаться от защиты народного дела, но для того, чтобы не носить больше имени, ставшего слишком опасным и не осуществлять тех форм общественных отношений, которые служили только поводом для возбуждения ярости врагов свободы и разума.

Одним из первых оснований всякой хорошей философии является ясная и точная терминология, образованная специально для каждой науки, где каждый термин выражает вполне определенную и ограниченную известными пределами идею, и строго аналитический метод для точного определения и ограничения идей.

Греки, напротив, злоупотребляли недостатками обычной речи, чтобы играть словами, чтобы давить разум жалкими двусмысленностями, мутить его, выражая последовательно одним и тем же словом различные идеи. Однако, эти лукавые приемы, истощая силы ума нелепыми затруднениями, в то же время придавали ему утонченность и гибкость. Таким образом, эта словесная философия, занимая такие вершины, где казалось человеческий разум должен остановиться перед непреодолимыми для него препятствиями, не оказывали никакого непосредственного влияния на его прогресс; но она этот прогресс подготовила: и мы будем еще иметь случай повторить это самое наблюдение.

Они занимались вопросами, быть может, никогда не разрешимыми человеком, соблазнялись важностью или величиим предметов, не считаясь с тем хватит ли у них средств их постигнуть; хотели создавать теории прежде, чем объединили факты и строить вселенную, не умея даже ее обзреть; это было заблуждение тогда вполне простительное, которое с первых шагов остановило движение философии. И потому Сократ, сражаясь с софистами, осмеивая их хваленную ловкость, призывал греков возродить, наконец, на земле ту философию, которая затерялась в небесах. Он не только не пренебрегал ни астрономией, ни геометрией, ни наблюдениями явлений природы; ему не только была чужда ребяческая и ложная идея - ограничить человеческий разум учением морали, - напротив, именно его школе и его ученикам математические и физические науки обязаны своим прогрессом; среди насмешек, которыми стремятся осыпать его в комедиях. упрек, который больше всего служит поводом к шуткам, - это то, что он разрабатывал геометрию, изучал метеоры, чертил географические карты и производил наблюдения зажигательными стеклами(1); и благодаря замечательной случайности наиболее отдаленная эпоха последних нам стала известна только из карикатуры Аристофана.

Сократ хотел только научить людей ограничиваться исследованием вещей, которые природа сделала доступными их пониманию; укреплять каждый свой шаг, прежде чем они попытаются сделать новый; изучать окружающее их пространство, прежде чем бросятся случайно в неведомый край.

Его смерть является важным событием в истории человеческого разума. Это первое преступление, которое породила борьба между философией и суеверием.

Уже пожар пифагорейской школы ознаменовал собой борьбу между философией и угнетателями человечества, не менее древнюю и не менее жестокую. Одна и другая будут продолжаться до тех пор, пока останутся на земле священники или цари; и эти войны займут большое место в картине, которую нам осталось обзреть.

Жрецы с тревогой смотрели на людей, которые, стремясь усовершенствовать свой ум, доискиваться первопричин вещей, знали всю бессмысленность их догм, всю нелепость их обрядов, весь обман их оракулов и чудес. Они боялись, чтобы эти философы не доверили этого секрета своим ученикам, посещавшим их школы; чтобы от последних он не перешел бы ко всем тем, кто, чтобы удержать свою власть или укрепить к себе доверие, вынужден был дать некоторое развитие своему уму; и чтобы таким образом жреческое сословие не было бы низведено до положения самого грубого класса народа, который в конце концов сам освободился бы от заблуждений.

Струсившее лицемерие поспешило обвинить философов в неуважении к богам, дабы лишить их возможности научить народы, что эти боги придуманы жрецами. Философы сочли нужным, во избежание преследования, пользоваться, по примеру самих жрецов, двойной доктриной, доверяя только испытанным ученикам воззрения, которые слишком открыто нападали на предрассудки толпы.

Но жрецы представляли народам даже простейшие физические истины; как богохульство. Они преследовали Анаксагора за то; что он имел смелость сказать, что солнце гораздо больше Пелопоннеса.

Сократ не мог избежать их ударов. В Афинах не было уже больше Перикла, который неутомимо стоял на страже гения и добродетели. Сократ, сверх того, был более всех виновен. Его ненависть к софистам, его усердие, с которым он старался направить запутавшуюся философию к изучению предметов наиболее полезных - все говорило жрецам, что только истина была предметом его исканий, что он хотел не заставить людей принять новую систему и подчинить их воображение своему, но учить их пользоваться собственным разумом. Из всех преступлений именно это последнее жреческое высокомерие менее всего способно было простить.

Непосредственно после смерти Сократа Платон начал читать лекции, развивая заветы своего учителя.

Его обаятельный слог, его блестящее воображение, веселые или величественные картины, нарисованные им, тонкие и занимательные остроты, которые он щедро рассыпал, устраняли в его диалогах сухость философских рассуждений. Эти правила доброй и чистой морали, которые он умел распространять, это искусство, с которым он приводит в действие воображаемых участников своих бесед, сохраняя для каждого даже его пластическую характеристику. Все эти красоты, которые не потускнели от времени и перемен во взглядах, без сомнения, должны искупить философские мечтания, которые слишком часто являются подпочвой его трудов, то злоупотребление словами, которым его учитель так упрекал софистов и от которого он не мог предохранить своего первого ученика.

Читая эти диалоги, кажется невероятным, чтобы они могли принадлежать перу философа, который, как гласила надпись на дверях его школы, воспрещал вход туда всякому, кто не изучал бы геометрии; и чтобы тот, который с такой смелостью предлагает столь легкомысленные и пустые гипотезы, был бы основателем секты, где впервые подвергнуты были строгому исследованию основы достоверности человеческих знаний и даже были поколеблены те, которые более просвещенный ум заставил бы уважать.

Но недоумение исчезнет, если принять во внимание то обстоятельство, что Платон никогда не говорит от своего имени, что за него в диалогах всегда выражается со скромной неуверенностью его учитель Сократ; что системы излагаются от имени тех, которые действительно были их авторами, или которых Платон вообразил таковыми; что эти диалоги таким образом являются еще школой пирронизма и что Платон сумел показать одновременно смелое воображение ученого, которому нравится комбинировать и развивать блестящие гипотезы и осторожность философа, который увлекается своим воображением, не давая себя однако им увлечь; ибо его разум, вооруженный спасительной недоверчивостью, мель защищаться от иллюзий даже наиболее соблазнительных.

Эти школы, где доктрина и в особенности принципы и метод первого основателя упрочивались, причем, однако, его последователи были далеки от рабской покорности - эти школы имели то преимущество, что они объединяли узами свободного братства людей, стремившихся проникнуть в тайны природы. Если мнение учителя там слишком часто пользовалось авторитетом, который должен принадлежать только разуму; если в силу этого подобное учреждение тормозило прогресс знаний, то все-таки оно содействовало быстрому и широкому их распространению. И в то время, когда книгопечатание не было известно и даже рукописи были чрезвычайно редки, эти большие школы, слава которых привлекала учеников со всех концов Греции, являлись наиболее могущественным средством для развития склонности к философии и распространения новых истин.

Эти соперничающие школы боролись с враждебностью, характерной для сектантского духа, и часто истина приносилась в жертву успеху доктрины, которая являлась предметом гордости каждого члена секты. Личная страсть прозелитизма заглушала более почтенное стремление просвещать людей. Но в то же время это соперничество поддерживало полезную деятельность умов; зрелище этих диспутов, интерес, который возбуждала эта борьба мнений, привлекали к изучению философии массу таких людей; которых одна только любовь к истине не могла бы оторвать ни от повседневных занятий, ни от удовольствий, ни даже от лени.

Наконец, так как эти школы, эти секты, которые греки имели мудрость никогда не превращать в публичные учреждения оставались совершенно свободными, так как каждый мог по желанию открывать другую школу, или образовать новую секту, то нисколько не приходилось бояться того порабощения умов, которое у большинства других народов представляло собой неустранимое препятствие для прогресса человеческого разума.

Мы покажем, каково влияние философов на умы греков, на их нравы, законы, правительства, влияние, которое должно быть преимущественно и главным образом приписано тому, что они не имели, или не хотели иметь никакого политического положения, что добровольное удаление от общественных дел было правилом общего поведения почти всех сект, что, наконец, они старались отличаться от других людей своей жизнью, как они отличались своими воззрениями.

Рисуя картину этих различных сект, мы мало будем заниматься их системами, как и принципами их философии; мы не будем доискиваться, как это слишком часто делается, какие именно нелепые доктрины скрывает от нас этот мудреный язык, ставший почти непонятным, но мы постараемся показать, какие общие заблуждения привели их к этим ложным путям и вскрыть, таким образом, начало естественного движения человеческого разума.

Мы в особенности займемся изложением прогресса реальных наук и последовательного совершенствования их методов.

* Историческая ошибка Кондорсе. Известно из единодушного свидетельства Платона и Ксенофонта, что Сократ был убежденным противником занятия естествонаучными проблемами.

В эту эпоху философия обнимала почти все науки, исключая медицину, которая уже была выделена в самостоятельную дисциплину. Сочинения Гиппократов могут нам показать, каково было тогда состояние этой науки и тех, которые с ней естественно связаны. Последние существовали только как вспомогательные к медицине области знания.

Математические науки успешно разрабатывались в школах Фалеса и Пифагора и значительно выше поднялись у них над тем уровнем, на котором они остановились в жреческих коллегиях восточных народов. Но с возникновением платоновской школы они стремятся перейти границу, которую для них создала идея - ограничивать изучение математики непосредственной и практической ее полезностью.

Платон первый решил задачу удвоения куба, правда, посредством непрерывного движения, но процессом остроумным и способом несомненно точным. Его первые ученики открыли теорию конических сечений, определили главные их свойства и в силу этого открыли гению тот бесконечно широкий горизонт, где он сможет вечно и беспрестанно применять свои силы, но границы которого он, после каждого сделанного им шага вперед, увидит все больше удаляющимися от него.

Политические науки обязаны своим прогрессом у греков не только одной философии. В этих маленьких республиках, ревниво охранявших свою независимость и свободу, почти всюду было принято поручать одному человеку не законодательную власть, но функции составления законопроектов и представления их народу, который, обсудив их, давал им свою непосредственную санкцию.

Народ, таким образом, возлагал этот труд - философа, заслужившего его доверие своими добродетелями или мудростью, но он ему не даровал никакой власти. Только народ сам осуществлял то, что мы называем законодательной властью. Привычка, столь губительная, вносит в политические учреждения элемент суеверия, препятствовала воплощению столь чистой идеи - давать законам какой-нибудь страны, то систематическое единство, которое одно только может облегчить проведение их в жизнь и обеспечить им продолжительное существование. Сверх того, политика не имела еще достаточно твердых принципов, чтобы не могли явиться опасения, что законодатели внесут в законопроекты свои предрассудки и свои страсти.

Законодатели не могли еще ставить себе задачей построить на разуме и естественном праве, наконец, на правилах всеобщей справедливости здание общества равных и свободных людей. Они могли только установить законы, в силу которых наследственные члены уже существующего общества сохраняли бы свою свободу, жили бы в безопасности, располагали бы внешней силой, которая обеспечивала бы их независимость.

Так как предполагалось, что эти законы, почти всегда связанные с религией и освященные присягой, должны быть вечными, то мало заботились о том, чтобы обеспечить народу средства реформировать их мирным путем, предвидеть необходимость изменения этих основных законов, дабы предупредить те случаи, когда частичная реформа портит всю систему или вызывает брожение умов. Стремилась создать преимущественно учреждения, способные воспламенить и питать любовь к отечеству, уже предполагающую верность законам или даже обычаям страны, и организацию властей, которая охраняла бы законы от нарушения их нерадивыми или развращенными должностными лицами, от влияния могущественных граждан и от беспокойных движений толпы.

Богатые, которые одни только имели тогда возможность приобретать знания, могли, захватив власть, угнетать бедных и заставлять их отдаваться в руки тирана. Невежество и легкомыслие народа, его зависть к сильным гражданам могли вызвать у последних вполне осуществимое желание установить аристократический деспотизм, или передать ослабленную страну честолюбивым соседям. Вынужденные предохранить себя одновременно от этих двух опасностей, греческие законодатели прибегали к более или менее удачным комбинациям, но которые почти всегда носили отпечаток той хитрости, той пронизательности, которые с тех пор стали характерными для общего духа нации.

Вряд ли можно было бы найти в новейших республиках, и даже в проектах, составленных философами, учреждение, образец или пример которого не дали бы греческие республики. Ибо амфикионные лиги этолийцев, аркадийцев и ахейцев являются прототипами новейших федераций, союз которых был более или менее тесным; и между этими различными народами, связанными общностью происхождения и языка, сходством нравов, воззрений и религиозных верований, установились менее варварские отношения и более свободные правила торговли.

Взаимоотношения между земледелием, промышленностью и торговлей с одной стороны и государственным устройством и законодательством какой-либо страны - с другой, их влияние на ее благосостояние силу и свободу, не могли не быть замеченными народом умным, деятельным, заботящимся об общественных интересах. Наука столь обширная и столь полезная, известная теперь под именем "политической экономии" стала зарождаться у греков.

Одно только наблюдение образовавшихся форм правления было таким образом достаточно, чтобы скоро создать из политики обширную науку. И поэтому в сочинениях философов она представляет собой скорее науку фактов, так сказать, науку эмпирическую, чем истинную теорию, основанную на общих принципах, почерпнутых из явлений природы и проверенных разумом.

Такова точка зрения, с которой нужно смотреть на политические идеи Аристотеля и Платона, если мы хотим проникать в их смысл и справедливо их оценивать.

Почти все учреждения греков предполагали существование рабства и возможность собирать на площади всех граждан. Для того, чтобы правильно судить о деятельности этих учреждений, а в особенности для того, чтобы предугадать то, что они могли бы сделать, будучи восстановлены современными великими нациями, не следует ни на минуту терять из виду этих двух столь важных и столь различных обстоятельств. И нельзя без боли вспомнить о том, что тогда даже наиболее совершенные политические планы имели предметом свободу или счастье, самое большое, половины человеческого рода.

Воспитание было у греков важной частью политики. Оно готовило людей не столько для личной или семейной жизни, сколько для служения отечеству. Этот принцип может применяться только небольшими народами, которым более простительно мыслить национальный интерес отделенным от общечеловеческого. Он практичен только в тех странах, где наиболее тяжелые земледельческие и промышленные работы исполняются рабами. Это воспитание почти ограничивалось физическими упражнениями, развитием нравственных принципов и привычек, способных возбуждать исключительный патриотизм. Остальное свободно изучалось в школах философов, или риториков, в мастерских художников и эта свобода обучения является также одной из причин превосходства греков.

В их политике, как и в их философии мы открываем один общий принцип, исключений из которого история вряд ли может нам много представить. Он выражается в искании в законах не столько средства устранять причины зла, сколько способа уничтожить его следствия, противопоставляя эти причины одна другой; в желании вводить в учреждения предрассудки и пороки скорее, чем их рассеивать или обуздывать; в стремлении извращать человека, возбуждать и раздражать его чувствительность чаще, чем совершенствовать, исправлять его наклонности и привычки, являющиеся неизбежным порождением его моральной организации: ошибки, обусловленные заблуждением более общего характера смотреть на вещи под углом зрения современного им человека, т.е. человека, развращенного предрассудками, вожделениями искусственно привитых страстей, и социальными привычками.

Это наблюдение тем более важно, оно будет тем более необходимо для вскрытия источников этого заблуждения, чтобы его вернее избежать, что оно удержалось вплоть до нашего века и что оно еще слишком часто в наши дни уродует мораль и политику.

Если сравним законодательство и в особенности форму и правила судебных приговоров восточных народов и греков, то мы увидим, что у одних закон - это иго, под которое сила пригнула рабов, у других условия общего договора, заключенного между людьми. У одних предмет законных форм - это обеспечение исполнения воли владыки, у других - гарантия свободы граждан. У одних закон создан для того, который заставляет его исполнять, у других для того, кто должен ему подчиняться. У одних заставляют бояться закона, у других научают его нежно любить: различия, которые мы можем и теперь найти между законами свободных и пребывающих в рабстве народов. Мы увидим, что в Греции человек, по крайней мере, чувствовал свои права если он их еще не познал, если он еще не умел углубляться в их сущность, обнять и представить их себе в полном объеме.

В эту эпоху первых проблесков философии у греков и их первых научных шагов, изящные искусства поднялись на такую ступень совершенства, которая не была еще достигнута ни одним народом и которая впоследствии лишь для немногих оказалась доступной. Гомер жил в период тех смут, которыми сопровождалось падение тиранов и образование республик. Софокл, Еврипид, Пиндар, Фукидид, Демосфен, Фидий, Апеллес были современниками Сократа или Платона.

Мы нарисуем картину прогресса этих искусств и исследуем причины, обуславливавшие его. Мы расчленим то, что можно рассматривать, как усовершенствование искусства и то, что обязано своим происхождением счастливому гению художника; и благодаря этому приему мы увидим, как исчезнут те узкие границы, в которые заключили усовершенствование изящных искусств. Мы проследим влияние, которое оказали на их прогресс формы правления, законодательная система, дух религиозного культа; мы исследуем то, чем они обязаны философии и то, чем последняя сама им обязана.

Мы покажем, каким образом свобода, искусства, знания способствовали смягчению и улучшению нравов. Мы выясним, что пороки греков, так часто приписываемые прогрессу их цивилизации, имеют своим происхождением более грубые века и что просвещение, развитие искусств их умеряли, если не могли их уничтожить. Мы докажем, что эти красноречивые декламации против наук и искусств основаны на ложном применении истории и что, напротив, успехи просвещения всегда сопровождалась развитием добродетели, подобно тому как порча нравов всегда следовала или предвещала упадок.

ПЯТАЯ ЭПОХА

ПРОГРЕСС НАУК ОТ ИХ РАЗДЕЛЕНИЯ ДО ИХ УПАДКА

Еще при жизни Платона его ученик Аристотель открыл в Афинах же школу, соперничавшую со школой учителя.

Аристотель не только обнимал решительно все науки, но он применял также философский метод к красноречию и поэзии. Он первый дерзнул высказать ту мысль, что этот метод должен распространиться на все то, что доступно человеческому пониманию; ибо в познавательном процессе участвуют всегда одни и те же способности и результат этого процесса должен поэтому всегда подчиняться одним и тем же законам.

Чем обширнее был план, который он себе начертал, тем более он чувствовал потребность разделить его на составные части и установить с большей точностью пределы каждой. Начиная от этой эпохи, большинство философов и даже целых сект стали ограничиваться изучением некоторых из этих частей.

Математические и физические науки были разделены на много отдельных дисциплин. Так как они основывались на вычислении и наблюдении, так как то, чему они могли научить не зависело от воззрений, разделявших секты, - они отделились от философии, над которой эти секты еще господствовали. Они таким образом стали занятием ученых, которые почти все имели мудрость допускать посторонних к диспутам в свои школы. Там время посвящалось спорам более полезным для недолговечной славы философов, чем для прогресса философии.

Под словом "философия" стали даже понимать только общие принципы мироздания, метафизику, диалектику и мораль, часть которой составляла политика.

К счастью, эпоха этого разделения предшествовала времени, когда Греция, после долгих бедствий и потрясений, должна была потерять свою свободу. Науки нашли убежище в столице Египта, в котором деспоты, управлявшие этой страной, быть может отказали бы философии. Князья, которые большей частью своих богатств и своего могущества обязаны были международной торговле, рынком которой служила Александрия, куда стекались товары Средиземным и Австралийско-Азиатским морями, - должны были поощрять науки, полезные для мореплавания и торговли.

Эти науки избежали, таким образом, того быстрого упадка, который скоро почувствовался в области философии. Слава последней исчезла вместе с свободой. Деспотизм римлян, столь безразличный к успехам просвещения, распространился на Египет лишь долгое время спустя, когда город Александрия оказался необходимым для продовольствия Рима. Являясь уже тогда метрополией наук, как и центром торговли, Александрия сама сумела отстоять священный огонь просвещения, благодаря своему населению, богатству, большому стечению иностранцев и учреждениям, основанным Птолемеями, которые победители не намеревались разрушать.

Академическая секта, где математические науки разрабатывались с момента ее зарождения и философское обучение которой почти ограничивалось доказательством полезности сомнения и определением тесных пределов достоверности, должна была быть школой ученых; ее учение не могло внушать опасений деспотам: и потому мы видим ее господствующей в Александрийской школе.

Теория конических сечений, метод применения как для построения геометрических мест, так и для решения задач, открытие нескольких других кривых расширили область геометрии, до тех пор столь ограниченную. Архимед открыл квадратуру параболы и измерил поверхность сферы; им сделаны первые шаги в теории пределов, определяющей последнее значение какой-нибудь переменной величины, которая непрерывно приближается к постоянной, никогда с ней не совпадая; в той науке, помощью которой можно то находить отношения величин бесконечно малых, то, исходя из полученных данных, определить отношения конечных величин. Словом, в том вычислении, которому современные народы больше из гордости, чем по справедливости, дали название вычисления бесконечного. Архимед первый определил отношение окружности круга к своему диаметру, указал способ получения все более и более приближенных его значений и стал пользоваться методом приближенности, этим удачным добавлением к известным тогда недостаточным методам и часто к самой науке.

** Poleмический намек на Ж.-Ж.Руссо.

Его можно считать некоторым образом творцом рациональной механики. Ему мы обязаны теорией рычага и открытием гидростатического принципа, что тело, погруженное в жидкость, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им масса жидкости. Винт, названный его именем, его зажигательные зеркала, чудеса осады Сиракуз свидетельствуют о его талантах в области науки о машинах, которой современные ему ученые пренебрегали; ибо принципы механики, известные до Архимеда, были слишком недостаточны для создания этой науки.

Эти великие открытия, эти новые науки ставят Архимеда рядом с теми счастливыми гениями, жизнь которых отмечает собою эпоху в истории человека и существование которых является одним из благодеяний природы.

В Александрийской школе мы находим первые зачатки алгебры, т. е. науки, занимающейся исследованием свойств отвлеченных величин, рассматриваемых как таковых, независимо от того, к каким конкретным приложениям они способны. Сущность вопросов, предложенных и разрешенных в книге Диофанта, сводилась к тому, чтобы числа рассматривались, как имеющие общее значение, неопределенное и подчиненное только известным условиям.

Но эта наука не имела еще тогда, как теперь, своих знаков, своих собственных методов, своих технических приемов. Общие значения обозначались словами и последовательным рассуждением находились и развивались решения задач.

Результаты халдейских наблюдений, присланные Александром Аристотелю, ускорили прогресс астрономии. То, что в них было самого блестящего, принадлежит гению Гиппарха. Но если после него в астрономии, как после Архимеда в геометрии и механике не было сделано тех открытий, тех работ, которые способны некоторым образом изменить вид всей науки, они все же продолжали еще долго совершенствоваться, распространяться и обогащаться, по крайней мере второстепенными истинами.

В своей истории животных Аристотель дал принципы и драгоценный образец способа точного наблюдения и систематического описания природы, - классификацию этих наблюдений и обобщения результатов последних. История растений и история минералов были составлены после него, но они не отличаются точностью первой и в них проводятся менее широкие, менее философские взгляды.

Анатомия развивалась чрезвычайно медленно не только потому, что религиозные предрассудки препятствовали вскрытию трупов, но также потому, что по народным воззрениям прикосновение к мертвецам считалось как бы моральным осквернением.

Медицина Гиппократа представляла собою науку, основанную на наблюдениях, которая могла вести только к эмпирическим методам. Дух сектантства, склонность к гипотезам скоро заразили ее. Но если количество заблуждений превосходило количество новых истин, если предрассудки или системы врачей приносили больше зла, чем наблюдения могли сделать добра, тем не менее нельзя отрицать, что медицина в продолжение этой эпохи сделала весьма реальные успехи.

В физику Аристотель не внес ни той точности, ни той мудрой осторожности, которые характеризуют его "историю животных". Он заплатил дань привычкам своего века и духу школ, искажая эту науку теми гипотетическими принципами, которые со свойственной им общей неясностью объясняют все с некоторой легкостью, ибо не могут ничего объяснить с точностью.

Сверх того, наблюдение одно недостаточно, нужны также опыты. Последние требуют приборов, а по-видимому тогда еще не собрали достаточного количества фактов и эти факты изучались недостаточно подробно, чтобы могла возникнуть идея и явиться потребность вопрошать этим путем природу и заставить ее отвечать на вопросы.

И потому история прогресса физики в эту эпоху должна ограничиться картиной небольшого количества знаний, обязанных своим появлением случаю и наблюдениям, обусловленных промышленной деятельностью в большей мере, чем исследованиями ученых. Гидравлика и в особенности оптика пожали немного более обильную жатву; но и этот успех еще является скорее результатом наблюдения самопроизвольно возникших фактов, чем теорией или физическими законами, открытыми благодаря опытам, или постигнутыми умозаключением.

Земледелие до этого времени ограничивалось следованием рутине и несколькими правилами, которые жрецы, передавая их народам, исказили своими суевериями. У греков и в особенности у римлян оно становится занятием важным и почтенным. Обычаи и правила земледелия наиболее ученые люди старались собирать. Эти сборники точно отмеченных и сознательно собранных наблюдений могли бы способствовать усовершенствованию практических приемов и распространению полезных методов; но эта эпоха еще очень далека была от века опытов и вычисленных наблюдений.

Механические искусства начали приобретать научный характер. Философы стали ближе присматриваться к производству, исследовать его происхождение, изучать его историю, описывать процессы и продукты работ, производившихся в различных странах, собирать эти наблюдения и передавать их потомству.

Так, Плиний описывает в своей всеобъемлющей естественной истории (в этом драгоценном инвентаре всего того, что тогда составляло истинные богатства человеческого разума, человека, природу и искусства. И его права на нашу признательность не могут умаляться в силу того заслуженного им упрека, что он принимал слишком неразборчиво и с слишком большим доверием все то, что невежество, или суетное тщеславие историков и путешественников преподносило его ненасытной жадности все знать.

В эпоху упадка Греции, Афины, которые, в дни ее могущества, высоко чтили философию и литературу, в свою очередь обязаны последним сохранением на более продолжительное время некоторых остатков былой славы. Правда, на их трибуне уже не взвешивались судьбы Греции и Азии, но именно в афинских школах римляне изучали тайны красноречия и свет божественного дара Демосфена освещал путь их первого оратора.

Академия, Лицей, Стоя и сады Эпикура были колыбелью и главной школой четырех сект, которые оспаривали друг у друга господство в философии.

В Академии учили, что нет ничего несомненно достоверного, что никакого предмета человек не может не воспринять с истинной верностью, ни даже постигнуть с совершенной ясностью; что, наконец (и трудно было еще дальше идти), нельзя быть уверенным в этой невозможности ничего знать и что нужно сомневаться даже в необходимости сомневаться во всем.

Это учение излагалось, защищалось, им пользовались как наступательным оружием на воззрения других философов; но гипотезы его служили специально для гимнастики ума и для того, чтобы, подчеркивая неуверенность, которую обнаруживали диспутанты, дать сильнее почувствовать тщету человеческих знаний и бессмысленность догматической самонадеянности других сект.

Это сомнение, допускаемое разумом, когда оно направляет нашу мысль к тому, чтобы не рассуждать о словах, которыми мы не можем выражать ясных и точных идей, соразмерять наше согласие со степенью вероятности каждого положения, определять для каждого класса знаний пределы достоверности, доступной нашему пониманию - этот самый скепсис, если он распространяется на доказанные истины, если он нападает на принципы морали, становится или глупостью или безумием. Он благоприятствует невежеству и разврату, и таково излишество, до которого дошли софисты, заместившие в Академии первых учеников Платона.

Мы изложим ход развития мысли этих скептиков и причину их заблуждений; мы проследим то, что в преувеличениях их доктрины должно быть приписано мании обособиться странными воззрениями; мы покажем, что если они были довольно твердо отвергаемы людьми инстинктивно, в силу того чувства, которым они сами руководствовались в жизни, то они никогда не были ни хорошо поняты, ни вполне опровергнуты философами.

Однако, этот преувеличенный скептицизм не увлек всей академической секты. Мнение о существовании вечной идеи справедливости, красоты, честности, независимой от людских интересов, от условий их жизни, идеи, которая, запечатленная в нашей душе, стала для нас принципом наших обязанностей и правилом нашего поведения, - это учение, почерпнутое из диалогов Платона, продолжало излагаться в школе и легло в основу преподавания морали.

Аристотель не лучше своих учителей знаком был с искусством анализировать идеи, т. е. разлагать их сложные сочетания на простейшие, изучать процесс образования даже этих простейших и проследить в этих операциях движение разума и развитие его способностей.

Его метафизика, как и метафизика других философов, была, таким образом, неясной доктриной, основанной то на игре слов, то на простых гипотезах.

Тем не менее, ему мы обязаны этой важной истиной, этим первым шагом в теории познания человеческого разума, что наши идеи, даже наиболее отвлеченные, даже, так сказать, наиболее интеллектуальные, обязаны своим происхождением нашим ощущениям. Но он эту мысль не подкрепляет никаким рассуждением. Это было скорее замечание, мимоходом сделанное гениальным человеком, чем результат последовательных наблюдений, анализированных с точностью и комбинированных между собою для получения общей истины; это семя, брошенное на неблагоприятную почву, дало полезные плоды только более чем двадцать веков спустя.

В своей логике Аристотель, разлагая доказательства на ряд посылок, приведенных к силлогистической форме, разделяя затем все предложения на четыре класса, которые обнимают все отвлеченные типы всех правильных умозаключений из общих положений, учит распознавать между всеми возможными сочетаниями предложений, взятых по три; те из них, которые отвечают заключительным силлогизмам, и из которых заключение выводится неизбежно. Посредством этого способа можно судить о справедливости или ложности какого угодно аргумента, зная только к какому сочетанию он принадлежит; и искусство справедливо рассуждать некоторым образом подчинено техническим правилам.

Эта остроумная идея осталась неиспользованной до настоящего времени; но, быть может, настанет день, когда она явится первым шагом к усовершенствованию, в котором искусство рассуждать и спорить, по-видимому, еще нуждается.

По Аристотелю каждая добродетель является серединой между двумя пороками, из которых один дурной поступок, другой - излишество: добродетель это как бы одна из наших естественных наклонностей, благодаря которой разум помогает нам между крайностями выбирать справедливую середину.

Этот общий принцип он мог почерпнуть из смутных идей порядка и благопристойности, столь обычных тогда в философии; но он его проверил, применяя только к номенклатуре слов, которые в греческом языке выражали то, что он называл добродетелями.

Около того же времени две новые секты, строя свои учения о морали на противоположных принципах - по крайней мере по их внешнему виду - разделили умы, распространили свое влияние далеко за пределами своих школ и ускорили падение греческого суеверия, место которого должно было, к несчастью скоро занять суеверие еще более мрачное, более опасное и более враждебное просвещению.

Стоики учили, что добродетельным и счастливым, может быть человек, обладающий душой, равно нечувствительной к наслаждению и страданию, освобожденной от всех страстей, возвышающейся над всеми опасениями и слабостями, считающей истинным благом только добродетель, действительным '+', - угрызания совести. Они полагали, что человек в силах подняться на эту высоту, если он этого сильно и твердо пожелает; и что тогда независимый от судьбы, всегда сам себе господин, человек равно застрахован от порока и от несчастья.

Единый дух оживляет мир: он присутствует всюду, если даже он не все, если даже существует другая вещь кроме него. Человеческие души суть истечения этой мировой души. Душа мудреца, не осквернившая чистоту своего происхождения, присоединяется в момент смерти к мировому духу. Смерть, таким образом, была бы благом для мудреца подчиненного при жизни природе, подверженного тому, что простые люди называют бедствиями; если бы он не обладал еще большим величием рассматривать ее, как безразличную вещь.

Эпикур видит счастье в наслаждении удовольствием и в отсутствии страдания. Добродетель заключается в следовании естественным наклонностям, ненужно уметь их очищать и ими управлять. Воздержание, которое предупреждает страдание, которое, сохраняя наши естественные способности во всей их силе, обеспечивает нам возможность пользоваться всеми наслаждениями, приготовленными нам природой; забота о предохранении себя от страстей злобных или жестоких, которые мучают и терзают сердце, занятое их скорбью или яростью; забота, напротив, о развитии спокойных и нежных ощущений, доставляя себе наслаждения, вытекающие из добродетельных поступков, о сохранении чистоты своей души, дабы избежать стыда и угрызений совести, являющаяся наказаниями за преступление, и иметь возможность наслаждаться тем прекрасным чувством, которым вознаграждаются добрые поступки - таков путь, ведущий одновременно к счастью и добродетели.

Эпикур видел во вселенной только собрание атомов, различные сочетания которых подчинены законам необходимости. Человеческая душа является одним из этих сочетаний. Атомы, составляющие душу, соединяются в момент, когда тело начинает жить и рассеиваются в момент смерти, чтобы присоединиться к общей массе и входить в новые сочетания.

Не желая слишком непосредственно задевать народные предрассудки, он допускал божества; но равнодушные к поступкам людей, чуждые порядку вселенной и подчиненные, как другие существа, общим законам мироздания, они были некоторым механическим придатком к этой системе.

Люди жестокие, надменные и несправедливые скрывались под маской стоицизма. Люди сладострастные и развращенные часто заглядывали в сады Эпикура. Принципы эпикуреизма были ложно истолкованы. Говорили, будто бы согласно этому учению высшее блаженство заключается в грубых утехах. Учение мудреца Зенона о том, что раб, вращая жернов, или мучимый подагрой должен чувствовать себя не менее счастливым, свободным и самозаконным, обратили в насмешку.

Философия, стремившаяся подняться выше природы и та, которая хотела подчиняться только последней, мораль, не признававшая другого блага, кроме добродетели и та, которая видела счастье только в наслаждении, - обе эти доктрины, проповедуя столь противоположные принципы, говоря на столь различных языках, приводили к одинаковым следствиям. Это сходство нравственных заповедей у всех религий, всех философских сект было бы достаточно, чтобы доказать, что они заключают в себе истину, независимую от догматов этих религий и принципов этих сект. В моральной организации человека следует искать основание его обязанностей, происхождение его идей справедливости и добродетели истина, от которой эпикурейская секта меньше всякой другой удалялась: и ничто, быть может, не способствовало более возбуждению ненависти к эпикуреизму у лицемеров всех классов, для которых мораль является только предметом торговли, монополию которой они друг у друга оспаривают.

Падение греческих республик повлекло за собой упадок политических наук. После Платона, Аристотеля и Ксенофонта почти перестали включать эти науки в философию.

Но теперь своевременно остановиться на событии, которое изменило судьбу огромной части мира и оказало на прогресс человеческого разума влияние, продолжающееся до настоящего времени.

Почти на все нации, исключая Индии и Китая, где человеческий разум поднялся выше своего беспомощного младенческого состояния, город Рим распространил свое господство.

Он явился законодателем всех тех стран, куда греки вносили свой язык, свои науки и свою философию. Все эти народы, скованные цепью, которой победа приковала их к подножию Капитолия, существовали только по воле Рима и для удовлетворения страстей его властелинов.

Истинная картина государственного устройства этого царственного города отнюдь не будет чужда предмету настоящего труда: мы увидим происхождение наследственного патрициата и искусные комбинации, примененные для предоставления ему больше устойчивости, и больше силы, делая его в то же время менее ненавистным; народ, владеющий оружием, но не поднимающий его никогда в своих домашних смутах, сообщающий действительную силу законной власти и едва защищающийся против надменного сената, который, опутав его суеверием, ослеплял его блеском своих побед. Мы увидим великую нацию, которой попеременно играют ее тираны и ее защитники, страдалицу, обманутую в течение четырех веков нелепым, но священным способом подачи голосов.

Мы увидим этот государственный строй, который, созданный для одного города, оставался неизменным по форме, изменившись в своей сущности, когда его нужно было распространить на великую империю; который мог поддерживаться только непрерывными войнами, и разрушенный скоро собственными легионами, наконец, царственный народ, униженный привычкой питаться за счет общественных богатств, развращенный щедротами сенаторов, продающий человеку призрачные остатки своей бесполезной свободы.

Честолюбие римлян побуждало их искать в Греции учителей того искусства красноречия, обладание которым служило в Риме залогом успеха. Склонность к исключительным и утонченным наслаждениям, потребность в новых удовольствиях, развиваемая богатством и праздностью, заставляли их искать удовлетворения в занятиях искусствами греков и даже в беседах с их философами; но науки, философия, живопись были всегда растениями чуждыми римской почве. Жадность победителей покрыла Италию образцовыми произведениями Греции, похищенными силой из храмов и городов, которые они украшали и где они служили утешением для рабов, но ни один римлянин не поднялся до непревосходимого искусства греческих мастеров. Цицерон, Лукреций и Сенека красноречиво писали на своем языке о философии; но речь шла о греческой философии, и для того чтобы реформировать варварский календарь Нумы, Цезарь вынужден был обратиться за содействием к математику из Александрии. Раздираемый в течение долгого времени заговорами честолюбивых полководцев, увлекаемый новыми завоеваниями, или волнуемый гражданскими междоусобицами, Рим лишился наконец своей беспокойной свободы, и подпал под иго еще более бурного солдатского деспотизма. Разве могли иметь место спокойные занятия философией или науками при тираническом режиме повелителей Рима, или затем при деспотах, которые боялись истины, или равно ненавидели таланты и добродетели? Сверх того, наука и философия неизбежно пренебрегаются во всякой такой стране, где блестящая карьера, ведущая к богатству и почестям, открыта для всех тех, естественная склонность которых влечет их к знанию; и такова была карьера юриста в Риме.

Когда законы, как на Востоке, связаны с религией, право их толкования становится одной из наиболее сильных опор жреческой тирании. В Греции они составляли кодекс, данный каждому городу своим законодателем. Они были согласованы с духом государственного строя и образом правления, которые он установил. Они редко подвергались изменениям. Должностные лица там часто злоупотребляли своими полномочиями, частные несправедливости бывали нередко, но недостатки законов никогда не приводили к системе правильного и холодно рассчитанного грабежа. В Риме, где долгое время авторитетом пользовались только традиционные обычаи, где судьи каждый год объявляли согласно каким принципам они в течение срока своих полномочий решали представленные на их усмотрение дела; где первые писанные законы представляли собой компиляцию из греческих законов, составленную децемвирами, которые больше заботились о сохранении своей власти, чем об украшении Рима, дав ему хорошие законы. В Риме, где, начиная с этой эпохи, законы, попеременно продиктованные то сенатской, то демократической партией, чередовались быстро, беспрестанно уничтожались, или утверждались, исправлялись, или дополнялись новыми постановлениями - многочисленность, запутанность и неясность законов, неизбежное следствие изменения языка, скоро породили специальную науку, посвященную их изучению и толкованию. Сенат, эксплуатировавший уважение народа к старым учреждениям, скоро понял, что привилегия толковать законы стала почти равносильной праву создавать новые; и он наполнился юристами. Их могущество пережило власть самого сената; оно увеличилось при императорах, ибо влияние их тем сильнее, чем законодательство более запутано и переменчиво.

Юриспруденция является, таким образом, единственной новой наукой, которой мы обязаны римлянам. Мы начертаем историю этой науки, которая тесно связана с историей развития законодательства у современных народов и в особенности с историей затруднений, которые оно встречало на своем пути.

Мы покажем, каким образом уважение римлян к положительному праву способствовало сохранению некоторых идей естественного права, чтобы затем препятствовать развитию и распространению этих идей; каким образом мы обязаны римскому праву немногими полезными истинами и более многочисленными тираническими предрассудками.

Мягкость уголовных законов в республиканском Риме заслуживает того, чтобы мы остановили на них наше внимание. Они как бы сделали священной кровь римского гражданина. Смертная казнь могла быть совершена над ним только по распоряжению чрезвычайной власти, которая объявляла общественное бедствие или опасность отечества. Только весь народ мог присвоить себе право стать судьей между одним человеком и республикой. Римские законодатели понимали, что эта мягкость наказания является у свободного народа единственным средством для устранения возможности превращать политические раздоры в кровавые побоища. Они хотели человечностью законов смягчить жестокость нравов того народа, который даже в своих играх проливал кровь своих рабов. И потому, останавливаясь на времени Гракхов, мы увидим, что ни в одной стране политические бури, столь жестокие и столь часто повторяющиеся, никогда не стоили меньше крови, не вызывали меньше преступлений.

Римляне не оставили нам ни одного произведения по политике. Сочинение Цицерона о законах было, вероятно, только умело обработанной выдержкой из греческих книг. Почва Рима, где умирающая свобода билась в предсмертных судорогах, была слишком неблагоприятна для того, чтобы социальная наука могла там прививаться и совершенствоваться.

При деспотическом режиме Цезарей на изучение этой науки смотрели, как на стремление к ниспровержению существующего строя. Ничто, однако, не доказывает нам лучше насколько она была всегда чужда римлянам, как тот единственный до сих пор в истории факт, что при непрерывном следовании от Нервы до Марка Аврелия пяти императоров, которые соединяли в своем лице добродетели, таланты, знания, любовь к славе, ревнивое отношение к общественному благу, ни один из них не создал ни одного учреждения, которое свидетельствовало бы о желании ограничить деспотизм, предупредить революции и крепче стянуть новыми узами отдельные части этой несметной массы, которой все предвещало грядущее разложение.

Соединение стольких народов под единой властью, распространение двух языков, господствовавших в империи и хорошо знакомых почти всем образованным людям, должны были, без сомнения, способствовать более широкому и более равномерному распространению просвещения. В силу их естественного влияния должны были также постепенно сглаживаться различия, разделявшие философские секты, должна была создаваться единая школа, которая извлекала бы из каждой доктрины воззрения, наиболее отвечающие разуму, те, которые после тщательного исследования наиболее подтверждались бы. Именно по этому пути разум должен был повести философов, когда, ослабевший под влиянием времени, дух сектантства позволял прислушиваться только к его голосу. И действительно уже у Сенеки мы встречаем некоторые зачатки этой философии; она никогда не была чужда даже академической секте, которая затем почти всецело растворилась в ней. Последние ученики Платона были основателями эклектизма.

Почти все религии империи считались национальными. Но все имели также много общего и как бы фамильное сходство. Отсутствие метафизических догм, обилие странных обрядов, смысл которых был совершенно непонятен народу и часто даже жрецам; нелепая мифология, в которой толпа видела только чудесную историю своих богов, а люди более образованные подозревали аллегорическое изложение более возвышенных догматов; кровавые жертвы, идолы, представлявшие богов, из которых некоторым, освященным временем, приписывалось небесное свойство; главные жрецы, посвященные культу каждого божества, не образующие единого политического тела, не объединенные даже в религиозную общину; оракулы, имеющие пребывание в известных храмах, в известных статуях; наконец тайны, которые их иерофанты сообщали только как секрет, ненарушимость которого охраняется законом таковы были черты сходства у этих религий.

Нужно к этому еще добавить, что жрецы, являясь религиозными цензорами, никогда не осмеливались претендовать на роль судей в области морали. Они руководили обрядами культа, но не вмешивались в частную жизнь. Они продавали политике оракулов или авгуров; они могли вовлекать народы в войны, побуждать их к преступлениям; но они не оказывали никакого влияния ни на правительство, ни на законы.

Когда между народами, подданными одной и той же империи, установились регулярные сношения, когда успехи просвещения стали почти всюду одинаковыми, образованные люди скоро заметили, что все культы предполагают поклонение единому Богу, божества же столь многочисленные, предметы непосредственного народного обожания, являются только его видоизменениями или помощниками.

Между тем у галлов и в некоторых восточных провинциях римляне находили религии другого рода. Там жрецы были судьями народной нравственности; добродетель состояла в повиновении воле Бога, объяснить которую они называли себя единственно способными. Их власть обнимала человека всецело; храм смешивался с отечеством; там люди были поклонниками Иеговы прежде, чем быть гражданином или подданным империи, и жрецы определяли, каким человеческим законам их Бог позволяет повиноваться.

Эти религии должны были оскорблять чувство гордости владык мира. Религия галлов была слишком могущественна, чтобы они не поторопились ее уничтожить. Израильский народ был рассеян; но бдительное правительство или презирало, или не могло настичать тех мрачных сект, которые тайно образовались на развалинах этих древних культов.

Благотворное влияние распространения греческой философии выразилось, между прочим, в том, что она разрушила веру в народные божества во всех классах, получивших более или менее широкое образование. Смутный теизм, или чистый механизм Эпикура были даже во времена Цицерона обычной доктриной всякого мыслящего человека, всех тех, которые руководили общественными делами. Этот класс людей по необходимости исповедовал старую религию, но стремился очищать ее, ибо множество божеств, чтимых в разных странах, потеряли доверие даже в глазах народа. Мы видим тогда образование философских систем, основанных на учении о гениях посредниках между людьми и Богом. Философы подвергают себя очищениям, религиозному режиму, исполняют соответствующие обряды, чтобы стать достойными небесного откровения; и основания этой доктрины они искали в диалогах Платона.

Народная масса покоренных наций, обиженные судьбой, люди пылкого, но слабого воображения должны были по преимуществу склоняться к священническим религиям, ибо господствующее духовенство своекорыстно проповедовало им именно ту доктрину равенства в рабстве, отречения от временных благ, небесного воздаяния, приуготовленного за слепое подчинение, за страдания, за добровольные или терпеливо перенесенные унижения, - доктрину столь соблазнительную для угнетенного человечества! Но оно считало нужным прикрасить некоторыми философскими хитростями свою грубую мифологию; и оно также обратилось за помощью к Платону. Его диалоги были арсеналом, где обе партии выковывали свое теологическое оружие. Мы увидим впоследствии, как на долю Аристотеля выпадает подобная честь, и он является одновременно повелителем теологов и главой атеистов.

Множество еврейских сект, образовавшихся в Египте, подрывая общими силами основы имперской религии, но продолжая с не меньшей яростью вести борьбу между собой, в конце концов растворились в религии Иисуса. Из обломков этих сект создали историю, верование, обряды и мораль, к которым постепенно присоединилась масса этих фанатиков.

Все верили в пришествие Спасителя, Мессии, посланного Богом для исправления человеческого рода. Это основная догма всякой секты, которая строит здание своей религии на развалинах древних верований. Спор шел относительно времени и места его появления, о его человеческом имени; но имя пророка, который, говорят, появился в Палестине при Тиберии, затмило все другие; и новые фанатики объединились под знаменем сына Марии.

Чем больше империя слабела, тем шире и быстрее распространялась христианская религия. Унижение древних завоевателей мира разделяли и их божества, которые, некогда руководители их побед, были теперь только бессильными свидетелями их поражений. Дух новой секты лучше соответствовал времени упадка и неудач. Ее главари, не взирая на их обманы и пороки, были энтузиастами, готовыми погибнуть за свою доктрину. Религиозное рвение философов и вельмож было только политической набожностью. Всякая религия, которую стали бы отстаивать как верование полезное для народа, могла рассчитывать только на более или менее продолжительную агонию. Скоро христианская секта становится могущественной партией; она вмешивается в споры Цезарей; она возводит на трон Константина и сама садится на нем рядом с его слабыми преемниками.

Напрасно, один из тех необыкновенных людей, которых случай иногда поднимает на вершины могущества, Юлиан, хотел избавить империю от этого бича, который должен был ускорить ее падение. Его добродетели, его человечность, простота его нравов, возвышенность его души и характера, его таланты, его храбрость, его гениальные военные способности, блеск его побед - все, казалось, обещало ему успех. Юлиана можно было упрекнуть только в том, что он выказывал к религии, ставшей бессмысленной, привязанность, недостойную его, если он был искренним, свидетельствующую о его неискренности, если его преувеличение было только политическим маневром. Он погиб в расцвете своей славы после двухлетнего царствования. Колосс римской империи не находил более достаточно сильных рук, способных его поддержать и со смертью Юлиана пал единственный оплот, который мог еще оградить империю от наплыва новых суеверий, как и от вторжений варваров.

Презрение к гуманитарным наукам было одной из характерных черт христианства. Оно мстило философии за нанесенные ему оскорбления; оно боялось духа исследования и сомнения, той веры в свой собственный разум, которая является бичом для всех религиозных верований. Свет естественных наук был ему даже ненавистен и подозрителен; ибо они чрезвычайно опасны для успеха чудес. Нет такой религии, последователям которой не приходилось бы закрывать глаза на некоторые физические нелепости. Таким образом торжество христианства было сигналом полного упадка и наук и философии.

Науки могли бы избежать своей участи, если бы искусство книгопечатания было тогда известно; но рукописные экземпляры какой-либо книги были немногочисленны. Собрание полного комплекта произведений, трактующих о какой-либо науке, сопряжено было с большими хлопотами, часто даже путешествиями и расходами, которые могли себе позволить только богатые люди. Господствующей партии было не трудно уничтожить книги, которые оскорбляли ее предрассудки, или раскрывали ее обманы. Нашествие варваров могло в один день навсегда лишит страну средств образования. Уничтожение одной какой-либо рукописи было часто для целого края невознаградимой потерей. Сверх того, копировались только труды выдающихся авторов. Все те исследования, которые могли приобрести значение только при объединении всего материала, те изолированные наблюдения, те детальные усовершенствования, которые укрепляют положение занятое науками и готовят их дальнейший прогресс, все эти материалы, которые время накопило и ожидавшие гения, который бы их использовал, были обречены остаться на веки во мраке. Солидарность ученых, единение их сил, столь полезное и даже необходимое в известных эпохах, не существовало. Нужно было, чтобы один и тот же человек мог начать и окончить какое-либо открытие; и он был вынужден бороться один против всех препятствий, которые природа противопоставляет нашим усилиям. Произведения, которые облегчают изучение наук, устраняют затруднения, представляют истины в более удобных и простых формах, эти детальные наблюдения и подробные изложения, которые часто способствуют обнаружению ошибочности выводов и в которых читатель улавливает то, чего автор сам не замечал - эти произведения не могли бы находить ни переписчиков, ни читателей.

Таким образом, невозможно было, чтобы науки, достигшие уже такого объема, что ж прогресс и даже их тщательное изучение встречали серьезные затруднения, могли бы сами поддерживаться и устоять на той покатои плоскости, по которой они быстро увлекались к своему падению. И мы не должны удивляться тому, что христианство, которое впоследствии, после изобретения книгопечатания, не могло помешать блестящему возрождению наук, было тогда достаточно сильно, чтобы довершить их гибель.

За исключением драматического искусства, процветавшего только в Афинах обреченного пасть вместе с ними, и красноречия, способного жить только в атмосфере свободы, язык и литература греков сохранили надолго свой блеск. Люций и Плутарх были бы достойными современниками века Александра. Правда, Рим поднялся на уровень Греции в поэзии, красноречии, истории, в искусстве трактовать с достоинством, изяществом и приятностью о сухих предметах философии и наук. Греция сама не имела поэта, который дал бы, подобно Вергилию, идею совершенства; ни один из ее историков не мог бы сравниться с Тацитом. Но этот момент блеска сопровождался быстрым упадком. Со времени Люция писатели Рима почти варвары. Иоанн Златоуст говорить еще языком Демосфена. Но ни у Августина, ни даже у Иеронима, (которому едва ли может служить оправданием влияние на него африканского варварства), мы не встречаем более языка Цицерона или Тита Ливия.

И это потому, что изучение литературы, любовь к искусствам не было никогда в Риме истинной народной склонностью; что временное усовершенствование языка было делом рук не национального гения, но нескольких людей, воспитанных Грецией; что территория Рима была всегда почвой чуждой литературе, где благодаря усердному насаждению она могла восприниматься, но где она, предоставленная самой себе, должна была вырождаться.

Значение, которым долго пользовался в Риме и Греции талант трибуна и адвоката, обусловило образование многочисленного класса раторов. Их труды способствовали прогрессу ораторского искусства, принципы и тонкости которого они развили. Но они обучали также другому искусству, которым слишком пренебрегают современные народы, и которое следовало бы теперь применять также к печатным произведениям. Это искусство легко и скоро готовить речь так, что расположение ее частей, способ ее произнесения, украшения, которыми она уснащается, становятся по крайней мере сносными. Это было искусство, дающее возможность говорить почти экспромтом, не утомляя своих слушателей разбродом своих идей, неровностью стиля, не возмущая их нелепыми декламациями, грубыми нонсенсами, странными несообразностями. Сколь полезно было бы это искусство во всякой стране, где обязанности службы, общественный долг, или частный интерес могут заставить говорить, или писать, не давая времени обдумывать свои речи или сочинения! История этого искусства тем более заслуживает нашего внимания, что современные народы, которым оно, между прочим, было бы часто необходимо, по-видимому, ознакомились только с его смешной стороной.

В начале эпохи, картину которой я здесь заканчиваю, количество книг значительно увеличилось; протекшее время внесло много путаницы в книги первых греческих писателей; и это изучение книг и воззрений, известное под именем эрудиции, образовало значительную часть умственных трудов: александрийская библиотека пополнялась грамматиками и критиками.

Дошедшие до нас произведения этого рода свидетельствуют о склонности их авторов соразмерять свое восхищение или доверие к книге древностью ее происхождения, степенью трудности ее понимания или нахождения. Было принято судить о воззрениях не по их содержанию, но по имени их авторов; верить авторитету скорее, чем разуму; наконец, в этих же произведениях мы встречаем идею столь ложную и столь гибельную об упадке человеческого рода и о превосходстве древних. Значение, которое люди приписывают тому, что составляет предмет их занятий, тому, что им стоило многих усилий, является одновременно объяснением и извинением тех заблуждений, которые эрудиты всех стран и всех времен более или менее разделяли. Можно упрекнуть греческих и римских ученых и философов в том, что они абсолютно игнорировали тот дух сомнения, который подвергает строгому исследованию разума и факты и их доказательства. Просматривая в их сочинениях историю событий, или нравов, производства, или явлений природы, или продуктов и процессов искусств, просто поражаешься, видя как они спокойно рассказывают о нелепостях наиболее явных, о чудесах наиболее возмутительных. "Говорят, рассказывают", помещенное в начале фразы, казалось им достаточным, чтобы укрыться под защитой смехотворной ребяческой легковёрности. Индифферентизм, исказивший у них изучение истории и явившийся препятствием развитию их познания природы, следует, главным образом, приписать тому, что искусство книгопечатания, к несчастью, не было еще тогда известно. Возможность собрать относительно каждого факта все авторитеты, которые могут его подтвердить или опровергнуть, легкость сравнить различные свидетельства, освещать их в спорах, возникающих, когда последние не совпадают, все эти средства, гарантирующие нахождение истины, мыслимы только тогда, когда возможно располагать большим количеством книг, неограниченно увеличивать число их экземпляров и не бояться увеличения их объема.

Каким образом сообщения путешественников, от описаний которых часто существовала только одна копия, отнюдь не подвергавшиеся общественной цензуре, могли бы приобретать такой авторитет, если бы не то обстоятельство, что противоречие этих сообщений не могло быть установлено? Таким образом, принималось одинаково все, ибо трудно было выбрать с некоторой достоверностью то, что действительно заслуживало внимания. Сверх того, мы не вправе удивляться той легкости представлять с одинаковым доверием, опираясь на равные авторитеты, факты наиболее естественные и наиболее чудесные, легкости, свойственной писателям этой эпохи. Это заблуждение преподается еще теперь в наших школах, как философский принцип; между тем, как неверно преувеличенное в обратном смысле приводит нас к отрицанию без исследования всего того, что нам кажется сверхъестественным. Наука, которая одна только может научить нас находить между этими двумя крайностями точку, где разум предписывает нам остановиться, зародилась только в наши дни.

ШЕСТАЯ ЭПОХА

УПАДОК ПРОСВЕЩЕНИЯ, ДО ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ, КО ВРЕМЕНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

В эту несчастную эпоху мы увидим, как человеческий разум быстро спускается с высоты, на которую он поднялся и как невежество влечет за собой здесь дикость, там утонченную жестокость - всюду разврат и вероломство. Некоторые проблески таланта, некоторые черты величия души или доброты едва могут прорезать этот глубокий мрак ночи. Теологические бредни, суеверные обманы - единственные проявления человеческого духа, религиозная нетерпимость - единственная мораль людей; и Европа, сдавленная между тиранией духовенства и военным деспотизмом, вся в крови и слезах, ждет момента, когда новое просвещение позволит ей возродиться к свободе, гуманизму и добродетелям.

Здесь нам приходится разделить картину на две различные части: первая обнимет Запад, где упадок был более быстрым, более полным, но где свет разума должен был вновь появиться, чтобы уже никогда не погаснуть; и вторая - Восток, для которого этот упадок был более медленным, долго менее полным, но для которого еще не наступил момент, когда разум сможет его просветить и разбить его цепи.

Едва только христианское благочестие воздвигло алтарь своей победы; как Запад стал добычей варваров. Последние приняли новую религию, но не усвоили языка побежденных. Только духовенство сохранило его, и благодаря их невежеству, их презрению к гуманитарным наукам, мы не видим тех результатов, которые можно было бы получить от чтения латинских книг, так как отныне эти книги могли читать только священники.

Крепостные обрабатывали поля победителей. Этот угнетенный класс доставлял им домашнюю прислугу, зависимость которой была достаточна для удовлетворения их надменности и капризов. Они, таким образом, искали в войне не рабов, а земли и земледельцев.

Сверх того, рабы, которых они находили в завоеванных странах, были большей частью или пленниками, взятыми у какого-нибудь племени победоносного народа или детьми этих пленников. В момент завоевания большое количество рабов бежало, или присоединялось к армии завоевателей.

Наконец, принципы всеобщего братства, входящие в христианскую мораль, осуждали рабство; и духовенство, не имея никакого политического интереса противоречить своим поведением тем правилам, которые украшали их учение, помогло своими проповедями уничтожению рабства, к которому события и нравы должны были привести.

Этот акт был зародышем переворота в судьбе человеческого рода; благодаря этому человечество получило возможность познать истинную свободу. Но на судьбу отдельных людей он сначала оказал лишь едва заметное влияние. Мы составили бы себе ложное представление о рабстве у древних, если бы мы сравнили его с положением наших черных невольников. Правда, спартиаты, римские вельможи, восточные сатрапы были хозяевами-варварами. Жадность проявляла всю свою жестокость при работах в рудниках; но почти всюду участливое отношение к рабам смягчало их положение в семьях. Безнаказанность насилий, чинимых над крепостными, была еще больше, ибо она регламентировалась законом. Зависимость была почти равная, не будучи, однако, вознаграждаема в той же мере заботами и помощью. Унижение было не столь сплошное; но высокомерие проявлялось сильнее. Раб был человеком, случайно очутившимся в положении, в которое исход войны мог однажды поставить его хозяина. Крепостной был представителем низшего и униженного класса.

Таким образом, только в его отдаленных последствиях мы должны преимущественно рассматривать это уничтожение домашнего рабства.

Все эти варварские нации имели почти одинаковое государственное устройство: общий предводитель, называемый королем, который, при участии совета, разбирает дела и выносит приговоры в тех случаях, когда замедление решений представлялось опасным; собрание предводителей отдельных племен решало все маловажные дела; наконец, народное собрание, где обсуждались вопросы, интересовавшие весь народ. Наиболее существенные различия между этими конституциями выражались в большем или меньшем авторитете этих трех властей, которые отличались не по природе своих функций, но по свойству дел, и в особенности по интересу, который они возбуждали у массы граждан.

У этих земледельческих народов и в особенности у тех, которые уже обосновались на чужой территории, эти конституции вылились в формы более правильные и более постоянные, чем у пастушеских народов. Сверх того, народ был рассеян и не образовал более или менее многолюдных лагерей. Таким образом, король не имел вокруг себя всегда собранной армии; и деспотизм не являлся здесь неизбежным последствием завоевания, как в азиатских революциях.

Нация-победительница не была порабощаема. В то же время завоеватели занимали города, но сами их не заселяли. Несдерживаемые вооруженной силой, так как постоянной армии не существовало, города приобретают некоторое могущество; и это обстоятельство было точкой опоры для свободы побежденной нации.

Варвары часто вторгались в Италию; но они не могли здесь прочно обосноваться, ибо ее богатства беспрестанно возбуждали жадность новых завоевателей, и греки долгое время питали надежду присоединить ее к своей империи. Никогда ни один народ не покорял ее ни всей целиком, ни даже на продолжительное время. Латинский язык, единственно употреблявшийся народом, искажался здесь медленнее, невежество здесь было также не столь темное, суеверие не столь глупое, чем в остальных странах Запада.

Рим, признававший над собой начальников только для того, чтобы их сменять, сохранил некоторую независимость. Он был резиденцией главы религии. Таким образом, между тем, как на Востоке, подчиненном одному государю, духовенство, то управляя императорами, то устраивая заговоры против них, поддерживало деспотизм даже тогда, когда оно боролось с деспотом и предпочитало пользоваться всей полнотой власти абсолютного властелина, чем оспаривать у него часть этой власти - мы видим, что на Западе священники, объединенные властью общего главы, напротив, образуют силу, соперничающую с королевской и создают в этих разделенных государствах своего рода единую и независимую монархию.

Мы покажем, как этот царственный город пытается опутать вселенную цепями новой тирании, как его первосвященники порабощают невежественную доверчивость грубо сфабрикованными актами. Они вмещивают религию во все проявления гражданской жизни, чтобы играть ею в угоду своей жадности, или высокомерия; наказывают ужасной анафемой, страх перед которой поражал умы народов, разбивая их малейшее сопротивление папским законам и бессмысленным требованиям. Имея во всех государствах армию монахов, всегда готовых своими обманами вызывать суеверные ужасы, дабы еще сильнее возбуждать фанатизм, они лишают народы культа

и обрядов, на которых покоятся их религиозные упования, чтобы подстрекать их к гражданской войне, возмущают одних против других, чтобы над всеми господствовать; предписывают именем Бога вероломство и предательство; убийства и отцеубийства, превращают попеременно королей и воинов в орудия и жертвы своей мстительности. Располагая силой, но никогда ею не обладая, страшные своим врагам, но дрожащие перед своими собственными защитниками, они всемогущи во всей Европе до ее крайних границ, и безнаказанно оскорбляются у самого подножия своих алтарей; умудрившись найти на небе точку опоры для рычага который должен был поколебать мир, они, однако, не могли найти на земле регулятора, который мог бы по их усмотрению направлять и сохранять его действие. Наконец, как они воздвиг нули колосс, но на глиняных ногах, который и после освобождения Европы из под его гнета, должен был еще долго давить ее тяжестью своих обломков.

Завоевание подчинило Запад бурной анархии, при которой народ стонал под тройной тиранией королей, полководцев и духовенства; но эта анархия носила в своих недрах зародыши свободы. Под этой частью Европы должно разуметь те страны, куда римляне не проникали. Увлекаемые общим движением, будучи попеременно завоевателями и покоренными, имея общее происхождение и одинаковые нравы с завоевателями империи, эти народы смешались с последними в общую массу. Их политическое устройство должно было испытать те же изменения и следовать по аналогичному пути.

Мы начертаем картину революций этой феодальной анархии, имя которой служит для ее характеристики.

Законодательство этих стран было запутанным и варварским. Если мы там часто находим мягкие законы, то этот кажущийся гуманизм был только опасной безнаказанностью. Тем не менее, мы у них встречаем некоторые драгоценные учреждения, которые, правда, освящая только права класса угнетателей, были еще большим оскорблением для угнетенных, но они, по крайней мере, сохраняли некоторую слабую идею права и должны были однажды послужить путеводителем для его признания и восстановления.

Это законодательство отличалось двумя странными обычаями, которые характеризуют и младенчество народов и невежество грубых веков. Виновный мог откупить себя от наказания за определенную сумму денег, установленную законом, который оценивал жизнь людей сообразно с их общественным положением или происхождением. Преступления не рассматривались, как посягательство на общественную безопасность, на права граждан, которое страх наказания должен был предупредить, но как оскорбление, нанесенное индивидууму, за которое он сам, или его семья имели право отомстить и за которое закон предлагал им наиболее полезное удовлетворение. Идея доказательств, которыми может подтверждаться действительность факта, была им настолько чужда, что считали наиболее простым средством отмечать преступление от невинности, каждый раз обращаться к небу и просить чуда; и успех какого-нибудь суеверного опыта или исход борьбы рассматривались как пути наиболее верные для открытия и признания истины.

У людей, которые смешивали понятия независимости и свободы, споры между владельцами даже самых незначительных участков должны были превращаться в частные войны, и эти войны, перебрасываясь из округа в округ, из деревни в деревню, обыкновенно повергали всю территорию каждой страны всем тем ужасам, которые являются, по крайней мере, временными в великих нашествиях, а в общих войнах поражают только границы.

Всякий раз, когда тирания стремится подчинить народную массу воле одного из своих проявлений, она учитывает в числе своих средств предрассудки и невежество своих жертв; она старается сплоченностью и активностью меньшинства компенсировать количественное превосходство массы, которой, казалось бы, только и может принадлежать реальная сила. Но последний предел ее надежд, предел, которого она редко может достигать - это установить между господами и рабами действительное различие, которое самую природу как бы делает виновницей политического неравенства.

Таково было в отдаленны времена искусство восточных жрецов, когда мы видели их одновременно королями, первосвященниками, судьями, астрономами, землемерами, художниками и врачами. Но то, чем они обязаны были исключительному обладанию духовными способностями, грубые тираны наших слабых предков достигали своими учреждениями и своим военным навыком. Покрытые непроницаемыми доспехами, сражаясь только на неуязвимых, как они сами, лошадях, приобретая силу и ловкость, необходимые для дрессировки лошадей, верховой езды и умения носить и владеть оружием только путем долгого и трудного обучения, они могли безнаказанно угнетать и убивать без риска простого человека, который был не настолько богат, чтобы обзавестись этим дорого стоящим вооружением и который в молодости, занятый полезным трудом, не мог посвятить себя военным упражнениям.

Таким образом, тирания небольшого количества насильников, благодаря этой манере сражаться, приобрела действительное превосходство в силе, которая должна была предупреждать всякую попытку сопротивляться и сделать надолго бесполезными даже усилия отчаяния. Так естественное равенство исчезло перед этим искусственным неравенством физических сил.

Мораль, проповедуемая только духовенством, заключала те универсальные принципы, которых ни одна секта не отрицала; но она создала массу чисто религиозных обязанностей, и воображаемых грехов. Эти обязанности сильнее рекомендовались, чем естественные и поступки невинные, законные, часто даже добродетельные гораздо строже порицались и наказывались, чем действительные преступления. Между тем, раскаяние, освященное отпущением грехов священника; открывало нечестивым врата рая. Дары церкви и исполнение некоторых церковных предписаний, льстивших самолюбию грешника, были достаточны, чтобы искупить жизнь, отягченную преступлениями. Дошли даже до того, что установили тариф на эти отпущения. Понятие "грех" старательно распространялось на все, начиная от самых невинных слабостей любви, от простых желаний до утонченностей и безумств самого грязного разврата. Понятно, что никто не мог избегнуть этой цензуры; и торговля индульгенциями явилась одной из наиболее доходных статей для духовенства. Предполагалось, что церковь может сократить срок страдающих в чистилище грешников и даже совсем помиловать их; и священники продавали это прощение сначала живым, затем родителям и друзьям мертвых. Они продавали небесные блага за равное количество земных и были настолько скромны, что не требовали возврата.

Нравы этой мрачной эпохи достойны были системы столь глубоко безнравственной.

Развитие этой самой системы; монахи, то возрождающие старые чудеса, то фабрикующие новые, питающие баснями и чудесами невежественное тупоумие народа, которого они в целях грабежа всячески обманывают; ученые, изошряющие все свое воображение, чтобы обогатить свою веру новой нелепостью и, таким образом, перещеголять тех, от которых они эту веру унаследовали. Священники, заставляющие государей предавать огню и людей, которые осмеливались или сомневаться в истинности хотя бы одного из их догматов, или раскрывать их обманы, или возмущаться их преступлениями и тех, которые на минуту уклоняются от слепого подчинения, наконец до самих теологов, когда они позволяли себе иначе мыслить, чем главари, пользующиеся большим доверием церкви... таковы в эту эпоху единственные черты, которые нравы западной части Европы могли бы сообщить картине человеческого рода.

На Востоке, объединенном под единой властью; деспота, мы увидим более медленный упадок, сопровождающий постепенное ослабление империи; что невежество и развращенность каждого века превышают на несколько степеней невежество и развращенность прошедшего века, между тем как богатства уменьшались, границы империи приближались к столице, революции учащались, и тирания становилась более слабой и более жестокой.

Проследившая историю этой империи, читая книги, написанные в разные века, даже менее опытные и менее внимательные люди поразятся этим совпадением.

На Востоке народ более предавался теологическим спорам: последние занимают здесь большее место в истории и влияют более на политические события; богословские бредни проповедовались здесь с такой тонкостью, до которой завистливый Запад не мог еще додуматься. Религиозная нетерпимость носит также притеснительный характер, но она менее жестока.

Однако, произведения Фотия свидетельствуют о том, что склонность к разумным занятиям не была утрачена. Некоторые императоры, принцы и даже принцессы не ограничивались честью блистать в теологических спорах и изучали также гуманитарные науки.

Римское законодательство медленно искажалось здесь той примесью дурных законов, которые жадность и тирания диктовали императорам, или, которые суеверие, пользуясь их слабостью, заставляло признавать. Греческий язык потерял свою чистоту и свой характерные особенности, но он сохранил свое богатство, свои формы и свою грамматику. Жители Константинополя могли еще читать Гомера, Софокла, Фукидида и Платона. Анфемий изложил устройство зеркал Архимеда, которыми Прокл успешно пользовался для защиты столицы. К моменту падения империи в Константинополе находились некоторые выходцы из Италии, познания которых способствовали прогрессу просвещения. Таким образом, в эту самую эпоху, Восток не упал еще до последней степени варварства, но ничто здесь также не давало надежды на возрождение. Он стал добычей варваров; его жалкие остатки исчезли и древний гений Греции ждет еще своего освободителя.

На оконечностях Азии и границах Африки существовал народ, который благодаря географическому положению своей страны и своей храбрости избежал завоеваний персов, Александра и римлян. Для некоторых из его многочисленных племен источником существования служило земледелие; другие продолжали вести пастушеский образ жизни: все они занимались торговлей, а некоторые грабежом. Связанные общностью происхождения, языка и некоторых религиозных обычаев, они образовали великую нацию, различные части которой, однако, не были объединены никакими политическими узами. Вдруг из их среды выделился человек одаренный

пылким воображением и глубоким политическим умом, талантами поэта и воина. Он задумал смелый план объединить в одно политическое тело арабские племена и у него хватило храбрости его осуществить. Для того, чтобы подчинить власти одного начальника необузданный еще тогда народ, он начал с того, что из обломков древнего культа создал новую более очищенную религию. Законодатель, пророк, первосвященник, судья, главнокомандующий армией все средства для подчинения людей были в его руках и он умел ими пользоваться с ловкостью, но и с величием.

Он рассказывал много басен, которые он будто бы получил небесным откровением; но он одерживал победы. Свое время он проводил в молитве и любовных наслаждениях. После двадцатилетнего царствования, в течение которого он пользовался неограниченной властью, примера которой не знает история, он объявил, что, если им совершена несправедливость, он готов ее исправить. Все молчало: одна только женщина осмелилась потребовать небольшой суммы денег. Он умер, и энтузиазм, который он сообщил своему народу, вызвал изменение вида трех частей мира.

Нравы арабов отличались возвышенностью и мягкостью; они любили и занимались поэзией: и когда они господствовали в наиболее красивых странах Азии, когда время успокоило лихорадку религиозного фанатизма, склонность к литературе и наукам присоединилась к их усердию в распространении веры и укрощала их страсть к завоеваниям.

Они изучали Аристотеля, произведения которого они перевели на свой родной язык. Они занимались астрономией, оптикой, медициной во всех ее видах и обогатили эти науки некоторыми новыми истинами. Им мы обязаны обобщением метода алгебры, ограниченной у греков одним только кругом вопросов. Если химерическое искание секрета преобразовывать простые металлы в благородные и готовить напиток бессмертия оскверняло их химию, то именно они возродили, или скорее изобрели эту науку, до того времени смешанную с фармацией или наукой о процессах производства. Именно у них она впервые начинает заниматься анализом тел, элементы которых она распознает и является теорией их сочетаний и законов, которым эти сочетания подчинены.

Науки у них были свободны и этой свободе они обязаны тем, что сумели воскресить некоторые искры греческого гения; но они были подчинены деспотизму, освященному законом. И потому этот свет сиял недолго, уступив место непроницаемому мраку. Труды арабов погибли бы для человеческого рода, если бы они не послужили для приготовления возрождения более прочного, картину которого представит нам Запад.

Мы видим, таким образом, во второй раз, как гений оставляет народы, которые он просветил, но и на этот раз он исчезает под давлением тирании и суеверия. Рожденный в Греции в атмосфере свободы, он не мог ни остановить ее падения, ни защитить разум против предрассудков народов, уже униженных рабством. Рожденный у арабов в недрах деспотизма и вблизи колыбели фанатической религии, он явился только отражением великодушного и блестящего характера этого народа, временным исключением из общих законов природы, в силу которых народы порабощенные и суеверные обречены на унижение и невежество.

Итак, этот второй пример не должен нам внушать страха относительно будущего; но он может только служить предостережением для наших современников, чтобы они не пренебрегали никакими средствами для сохранения и увеличения знаний, если они хотят стать и оставаться свободными и укрепляли свою свободу, если они не хотят лишиться тех преимуществ, которые знания им доставили.

Я присоединю к истории трудов арабов историю быстрого возвышения и поспешного падения этой нации, которая, - некогда господствовавшая от берегов Атлантического океана до границ Инда, изгнанная затем варварами из большей части своих завоеваний, удержавшая остальные только для того, чтобы там представить отвратительное зрелище народа, павшего до последнего предела закрепощенности, разврата и нищеты - занимает еще теперь территорию своего старого отечества, сохранила там свои нравы, свой дух, свой характер и сумела отвоевать и защитить свою прежнюю независимость.

Я покажу, каким образом религия Магомета, простейшая в своих догматах, наименее абсурдная в своих обрядах, наиболее терпимая в своих принципах, как бы обрекла на вечное рабство, на неизлечимую тупость все это обширное пространство, на которое она распространила свое господство; между тем как мы увидим, что гений наук и свободы сияет в атмосфере наиболее нелепых суеверий, среди наиболее варварской нетерпимости. Питая представляет нам то же явление, хотя действия этого одуряющего яда там были менее губительны.

СЕДЬМАЯ ЭПОХА

ОТ ПЕРВОГО ПРОГРЕССА НАУК В ПЕРИОД ИХ ВОЗРОЖДЕНИЯ НА ЗАПАД ДО ИЗОБРЕТЕНИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Многие причины способствовали тому, что человеческий разум постепенно вновь приобрел ту энергию, которую цепи столь позорные и столь тяжелые, казалось, должны были сковать навсегда.

Нетерпимость духовенства, его усилия завладеть политической властью, скандальная жадность и беспутное поведение его представителей, еще более возмущавшие рядом с ханжеством последних, должны были восстановить против них всех тех, кто обладал душой чистой, умом ясным и характером смелым. Эти люди поражались противоречием между их догматами, правилами, поведением и теми самими Евангелиями, главным основанием их доктрины, как и морали, содержание которых они не могли всецело скрыть от народа. Против них поднялись, таким образом, сильные протесты. В Южной Франции целые провинции объединились, чтобы принять новую доктрину более простую, христианство более очищенное, где человек, подчиненный только божеству, мог бы по своему собственному разумению судить о том, что оно соизволило открыть людям в книгах от него исходящих.

Фанатические армии, под командой честолюбивых полководцев, опустошили эти провинции. Палачи, приведенные папскими легатами и местным духовенством надругались над теми, которых пощадили солдаты. Был учрежден трибунал монахов, которому было поручено, отправлять на костер всякого, кто был бы заподозрен в том, что он слушается еще голоса своего разума.

Тем не менее, они не могли помешать духу свободы и исследования прогрессировать тайно. Подавленный в странах, где он дерзнул проявиться, где лицемерная нетерпимость неоднократно зажигала кровавые войны, он возрождался и тайно распространялся в другой стране. Мы его вновь встречаем во всех эпохах вплоть до момента, когда, благоприятствуемый изобретением книгопечатания, он стал достаточно сильным, чтобы освободить часть Европы от ига Ватикана

Уже существовал целый класс людей, которые, возвысившись над всеми суевериями, довольствовались тем, что презирали их тайно, или, самое большее, позволили себе мимоходом высмеивать их, делая эти насмешки еще более пикантными, благодаря той почтительности, которой они старались их прикрывать. Насмешка была пощажена ради тех вольностей, которые, осторожно посеянные в произведениях, предназначенных для наслаждения вельмож или людей образованных, но не доступных народу, не возбуждали ненависти гонителей.

Фридрих был заподозрен в принадлежности к тем, кого наши священники XVIII века называли впоследствии философами. Папа обвинил его пред всеми нациями в том, что он рассуждал о религиях Моисея, Иисуса и Магомета, как о политических баснях. Его канцлеру Петру де Винье приписана была фантастическая книга о трех обманщиках. Но уже одно заглавие свидетельствовало о существовании воззрения, вполне естественный результат исследования этих трех верований которые, рожденные одной матерью, были только искажением более чистого культа, посвященного более древними народами универсальной мировой Душе.

Сборники наших сказок, "Декамерон" Боккаччо являются отражением этой свободы мыслить, этого презрения к предрассудкам, этой склонности писателей сделать из них предмет злобной и тайной насмешки.

Эта эпоха таким образом, представляет нам мирных людей, отвергающих все суеверия, рядом с энтузиастами-реформаторами их наиболее грубых злоупотреблений; и мы сможем почти связать историю этих глухих протестов, протестов в силу прав разума к истории последних философов александрийской школы.

Мы исследуем вопрос о том, не образовалось ли в эпоху, когда философский прозелитизм был столь опасен, тайных обществ, предназначенных увековечить, распространить тайно и без опасения среди некоторых адептов немногие простые истины, как верные предохранители против господствующих предрассудков.

Мы постараемся выяснить, не должно ли отнести к числу этих обществ тот знаменитый орден, под которым папы и короли с такой низостью подкапывались и который они с таким варварством разрушили.

Священники вынуждены были заниматься науками или в целях самозащиты, или для того, чтобы прикрыть благовидными предложениями захваты светской власти и совершенствоваться в искусстве изготовления вымышленных документов. С другой стороны, чтобы поддерживать с меньшими потерями эту войну, где претензии опирались на авторитете или примерах, короли поощряли образование школ для подготовки юристов, в которых они нуждались для борьбы с представителями церкви.

В этих спорах между духовенством и правительствами, между духовенством каждой страны и главою церкви, те, которые были более проникнуты духом справедливости, обладали характером более открытым и более возвышенным, отстаивали интересы светских людей против домогательств священников и интересы национального духовенства против деспотизма иноземного властелина. Они нападали на злоупотребления, на алчные захваты, происхождение которых они старались раскрывать. Эта смелость кажется нам только рабской робостью; мы смеемся, видя, какую массу трудов они потратили для доказательства того, чему простой здравый смысл должен был научить. Но эти истины, тогда новые, решали часто участь целого народа; эти люди смело искали их и храбро защищали: и именно благодаря им человеческий разум начал вспоминать свои права и свою свободу.

В спорах, возникших между королями и императорами, первые обеспечивали себе поддержку больших городов или привилегиями, или восстановлением некоторых естественных прав человека; они старались освободительными грамотами увеличивать число городов, пользующихся коммунальным правом. Эти самые люди, возрожденные к свободе, чувствовали насколько для них важно приобрести, путем изучения законов и истории, ловкость и умственный авторитет, которые помогали им уравновесить военное могущество феодальной тирании.

Соперничество между императорами и папами помешало Италии объединиться под властью одного государя и там сохранилось большое количество независимых обществ. В маленьких государствах нужно было помимо физической силы опираться также на силу убеждения, действовать словом столь же часто, как и оружием. Так как эта политическая война приобрела там характер борьбы мнений, так как Италия никогда совершенно не потеряла склонности к научным занятиям - она должна была стать для Европы очагом просвещения, еще слабым, но который обещал быстро увеличиваться.

Наконец, религиозный энтузиазм увлекал западные народы на завоевание святых мест, как они говорили, за смерть и чудеса Христа. В то же время как это умопомрачение было благоприятно для свободы, благодаря ослаблению и обеднению императоров, оно способствовало также тому, что европейские народы вступили в сношения с арабами и объединились с ними узами, которые смешение их с христианами Испании уже образовало; которые торговля Пизы, Генуи, Венеции укрепила. Европейцы изучили арабский язык; читали их произведения, позаимствовали у них часть их открытий и если они не двинули науки дальше того предела, до которого дошли арабы, они, по крайней мере, стремились с ними сравниться.

Эти войны, предпринятые во имя суеверия, послужили для его разрушения. Знакомство со многими религиями в конце концов внушило здравомыслящим людям полный индифферентизм ко всем этим верованиям, одинаково бессильным против пороков и страстей людских, равное презрение к преданности, как искренней, так и упрямой, их последователей к противоречивым мнениям. В Италии образовались республики, из которых некоторые подражали формам греческих республик, между тем как другие пытались согласовать с закрепошенностью подвластного народа свободу и демократическое равенство народа самодержца. На севере Германии некоторые города, получив почти полную независимость, управлялись своими собственными законами. В некоторых частях Швейцарии народ разорвал цепи феодализма, как и оковы королевской власти. Почти во всех больших государствах создаются несовершенные конституции, где право повышения налогов, издания новых законов было разделено то между королем, дворянством, духовенством и народом, то между королем, баронами и коммунами, где народ, находясь еще в состоянии унижения, был, по крайней мере, защищен от угнетения; где те элементы населения, которые действительно образуют нации, были призваны к праву защищать свои интересы и быть услышанными теми, которые распоряжаются их судьбами. В Англии знаменитый акт, торжественно утвержденный королем и вельможами, гарантировал право баронов и некоторые - народа.

Другие народы, провинции, даже города, также получили подобные хартии, хотя менее знаменитые и менее защищенные. Они являются зародышами "деклараций прав", рассматриваемых теперь всеми просвещенными людьми, как основы свободы. Идею этих деклараций древние не постигали и не могли постигнуть, ибо домашнее рабство оскверняло их конституции; ибо у них право гражданина было наследственным, или пожаловано добровольным согласием: и потому, что они не возвысились до понимания этих прав, присущих человеческому роду и принадлежащих восемь людям с полным равенством.

Во Франции, в Англии и у некоторых других великих наций, народ, казалось, хотел восстановить свои истинные права; но скорее ослепленный чувством угнетенности, чем просветленный разумом - единственными плодами его усилий были жестокости, скоро искупленные более варварской и в особенности, более несправедливой местью, и грабежи, сопровождавшиеся еще более страшной нищетой.

Между тем, принципы реформатора Виклефа были у англичан мотивами одного из тех движений, руководимых его учениками, которое явилось предзнаменованием более

последовательных и лучше задуманных выступлений, предпринятых народами впоследствии при других реформаторах и в более просвещенном веке.

Открытие рукописи кодекса Юстиниана возродило изучение юриспруденции, как и законодательства и содействовало гуманизации законов даже тех народов, которые умели их использовать, не желая им подчиняться.

Торговля Пизы, Генуи, Флоренции, Венеции, бельгийских городов и некоторых свободных городов Германии обнимала Средиземное и Балтийское моря и берега Атлантического океана. Их купцы отправлялись добывать драгоценные продукты Леванта в порты Египта и к крайним берегам Черного моря.

Политика, законодательство, общественное хозяйство не образовали еще самостоятельных наук; никто не занимался исследованием, углублением и развитием их принципов; но когда стали знакомиться с ними на практике, были собраны наблюдения, которые способствовали их зарождению; выгоды, обусловленные познаниями в области этих наук, должны были подсказать необходимость их изучения.

Аристотель стал известен в средние века только благодаря переводу, сделанному с арабского; и его философия, преследуемая в первые моменты ее появления, скоро заняла господствующее положение во всех школах: она не внесла туда новых знаний; но она придала больше правильности больше систематичности искусству аргументации, которое породили теологические споры. Эта схоластика не вела к открытию истины; она даже не способствовала лучшему обсуждению, лучшей оценке доказательств; но она заостряла умы; и эта склонность к хитрым толкованиям, эта необходимость беспрестанно расчленять идеи, схватывать их случайные оттенки, воспроизводить их новыми словами; весь этот аппарат, употреблявшийся для того, чтобы запутать противника в споре, или чтобы избежать, расставленной последним, ловушки, был зародышем того философского анализа, который впоследствии явился обильным источником нашего прогресса.

Схоластикам мы обязаны более точными понятиями об идеях Всевышнего Существа и его свойствах; о различии между первопричиной и вселенной, которой она как будто управляет; о различии между духом и материей; о различных значениях, которые можно понимать под словом свобода; о том, что разумеют под словом творение; о способе отличать между этими значениями различные операции человеческого ума и классифицировать идеи, образуемые о реальных предметах и об их существенных свойствах.

Но этот самый метод мог только тормозить в школах прогресс естественных наук. Некоторые анатомические исследования, туманные труды по химии; посвященные исключительно отысканию философского камня, занятия геометрией и алгеброй, которые не привели ни к усвоению всего того, что открыли арабы, ни к пониманию произведений древних; наконец, наблюдения и астрономические вычисления, которые ограничивались устройством, и усовершенствованием таблиц и которые искажались примесью бессмысленной астрологии - такова картина, которую представляют эти науки. Между тем механическое производство начало приближаться к тому совершенству, которого оно достигло в Азии. Культура шелка стала применяться на юге Европы; устраиваются ветряные мельницы и бумажные фабрики; искусство измерять время переходит границы, где оно остановилось у древних и у арабов. Наконец два важных открытия отмечают эту самую эпоху. Свойство магнитной стрелки устанавливаться всегда против одной и той же стороны света, свойство известное китайцам, которым они пользовались в мореплавании, было также замечено европейцами. Они научились пользоваться компасом, употребление которого способствовало усилению торговли, усовершенствовало искусство мореплавания, зародило идею тех путешествий, благодаря которым впоследствии был открыт новый мир, и дало возможность человеку обнять взором весь земной шар. Химик, смешивая серу с воспламеняющимся веществом, нашел секрет пороха, который произвел неожиданный переворот в военном искусстве. Не смотря на ужасные действия огнестрельного оружия, оно, удаляя сражающихся, сделало войну менее смертоносной и воинов менее жестокими. Военные экспедиции становятся более разорительными; богатство может уравновесить силу; народы даже наиболее воинственные чувствуют потребность подготовиться, обеспечить себе средства ведения войны, обогащаясь торговлей и промышленностью. Просвещенным народам не приходится больше бояться слепой храбрости варварских наций. Великие завоевания и сопровождающие их великие перевороты становятся почти невозможными. То превосходство, которое дворянство приобрело над народом, благодаря своему уменью править почти неуязвимыми лошадьми, владеть шпагой или копьем, в конце концов совершенно исчезло. Разрушение этого последнего препятствия свободе и действительному равенству людей обусловлено было изобретением, которое с первого взгляда, оказалось, угрожало уничтожить человеческий род.

В Италии, язык почти достиг своего совершенства в XIV веке. Данте часто благороден, точен и энергичен. Боккаччо отличается грацией, простотой и изяществом. Остроумный и чувствительный Петрарка нисколько не устарел. В этой стране, счастливый климат которой приближается к климату Греции, изучались образцовые произведения древности; делались попытки внести в новый язык некоторые красоты последних; старались им подражать; Уже некоторые опыты давали право надеяться, что, пробужденный видом древних памятников, обученный этими молчаливыми, но красноречивыми уроками, гений искусств во второй раз явился украшать существование человека и подготовить ему те чистые удовольствия, наслаждение которыми равно для всех и увеличивается по мере его распространения.

Остальная Европа следовала далеко позади Италии; но склонность к литературе и поэзии начала там, по крайней мере, шлифовать варварские еще языки.

Те же причины, которые разбудили человеческую мысль, спавшую долгим летаргическим сном, должны были также направлять ее усилия. Разум не мог быть призван решать вопросы, возникавшие при столкновении противоположных интересов: религия, далекая от признания за ним авторитета, стремилась его подчинить и высокомерно собиралась его унижить; политика считала справедливым то, что было освящено соглашениями, постоянной практикой и старыми обычаями.

Руководители общества не догадывались, что права людей начертаны самой природой и сочинять другие значило бы игнорировать и оскорблять их. Правила, или примеры, достойные подражания, они искали в священных книгах, у почитаемых авторов, в папских буллах, в королевских рескриптах, в сборниках обычаев и в церковных ежегодниках. Речь шла не об исследовании сущности какого-либо принципа, но о толковании, обсуждении, отрицании или подтверждении другими текстами те, на которых он опирался. Положение принималось не потому, что оно было истинно, но потому, что оно было написано в такой-то книге и было принято в такой-то стране и с такого-то века.

Таким образом, авторитет людей заменял всюду авторитет разума. Книги изучались гораздо более природы, и воззрения древних лучше, чем явления вселенной. Эта порабощенность разума, который не мог еще явиться даже источником освещающей критики, искажая метод изучения, вредила этим прогрессу человеческого рода более, чем своими непосредственными влияниями на науки. Древние еще были так недоступны пониманию, что не настало еще время их исправлять или превосходить.

В продолжение этой эпохи нравы сохраняли свою развращенность и свою жестокость; религиозная нетерпимость стала даже более активной; и гражданские междоусобицы, вечные войны массы мелких князей заменили нашествия варваров и более гибельный бич частных войн. Правда, учтивость менестрелей и трубадуров, институт рыцарства, основными принципами которого были великодушие и искренностью посвящавшего себя поддержанию религии и защите угнетенных, как и служению дамам, казалось, должны были сообщить нравам больше мягкости, благородства и возвышенности. Но это изменение, замечаемое в дворцах и замках, нисколько не отразилось на народную массу. Оно обусловило установление немного больше равенства между дворянством и уменьшение вероломства и жестокости в их взаимных отношениях; но их презрение к народу, свирепость их тирании, дерзость их грабежа остались те же; и нации по прежнему угнетенные, были по прежнему невежественными, варварскими и развращенными.

Эта поэтическая и военная вежливость, это рыцарство; обязанные своим происхождением большей частью арабам, естественное великодушие которых долгое время устояло в Испании против суеверия и деспотизма, были, конечно, полезны: они распространяли зародыши гуманизма, которые должны были дать плоды в более счастливые времена; и общий характер этой эпохи выразился в приготовлении человеческого разума к перевороту, к которому открытие книгопечатания должно было привести и подготовке почвы, которую следующие поколения должны были покрыть столь богатой и столь обильной жатвой.

ВОСЬМАЯ ЭПОХА

ОТ ИЗОБРЕТЕНИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ ДО ВРЕМЕНИ, КОГДА НАУКИ И ФИЛОСОФИЯ СБРОСИЛИ ИГО АВТОРИТЕТА

Те, которые задумывались над ходом человеческого разума в области открытий, будь то новых истин, или процессов производства, должны удивляться тому, что такой длинный промежуток времени отделяет умение печатать рисунки от изобретения искусства запечатлевать характеры.

Без сомнения, у некоторых граверов возникла идея об этом применении своего искусства, но они были более поражены трудностью исполнения, нежели выгодами, которые сулил успех: и это даже к счастью, что они не могли подозревать всеобъемлющего значения этой идеи. Духовенство и короли объединились бы иначе, чтобы задурить в зародыше врага, которому предстояло сорвать с одних маску и развенчать других.

Книгопечатание умножает в неопределенном количестве и при небольших расходах экземпляры одного и того же произведения. В силу этого, возможность иметь книги, приобретать их сообразно своему вкусу и своим потребностям стала доступной для всех умеющих читать: и эта легкость чтения увеличила и распространила желание и средства образования.

Эти многочисленные копии, распространяясь с большей быстротой, способствовали тому, что факты и открытия не только приобрели более широкую известность, но эту известность они приобретали гораздо скорее. Просвещение стало предметом деятельной и повсеместной торговли.

Отыскивать рукописи стало такой же необходимостью, как для нас теперь искание редких произведений. То, что читалось только немногими, могло, таким образом, быть прочитанным целым народом и повлиять почти одновременно на всех людей, владеющих одним и тем же языком.

Способ говорить с рассеянными нациями стал известен. Мы присутствуем при сооружении трибуны нового вида, откуда сообщаемые идеи производят менее живое, но более глубокое впечатление; власть которой менее тираническая над страстями, но более могущественная, более верная и более продолжительная над разумом; где все преимущества на стороне истины, ибо искусство находить истину оставило приемы, искажавшие ее, приобретая средства для ее освещения. Образуется общественное мнение, могущественное для тех, которые его разделяют, энергичное, ибо мотивы его определяющие действуют одновременно на все умы, даже на чрезвычайно отдаленные пространства. Таким образом, мы видим, как в уважение к разуму и справедливости создается трибунал, независимый от всякой человеческой силы, трибунал, от которого трудно что либо скрыть и которого невозможно избежать.

Новые методы, история первых шагов по пути, который должен привести к открытию, труды его подготовляющие, взгляды, которые могут способствовать возникновению идеи, или только возбудить желание работать в этом направлении, быстро распространяясь, доставляют каждому человеку всю совокупность средств, которые усилия всех могли создать; и благодаря этой взаимопомощи, человеческий гений многократно увеличил свои силы.

Всякое новое заблуждение разрушается в зародыше: подвергаясь часто нападениям даже раньше, чем оно могло распространиться, оно не успевает укорениться в умах. Заблуждения, усвоенные с младенчества, которые являются в некотором роде нераздельными с умом каждого человека, и которые страх, или надежда сделали дорогими для слабых характеров, были поколеблены в силу только того, что стало невозможно препятствовать их обсуждению, скрывать, что они могли быть отброшены и рассеяны, остановить прогресс истин, которые, последовательно разрушая их, должны были со временем обнаружить их нелепость.

Книгопечатанию же мы обязаны возможностью распространять произведения, появление которых обусловлено обстоятельствами данного момента, или временными течениями общественной мысли и благодаря этому заинтересовывать каждым вопросом, обсуждающимся в одном месте, всех людей, говорящих на одном и том же языке.

А книги, предназначенные для каждого класса людей, для каждой степени образования, мыслимо ли иметь в неограниченном количестве без помощи этого искусства? Продолжительные обсуждения, которые одни только могут внести верный свет в сомнительные вопросы, и укрепить на непоколебимом основании истины слишком абстрактные, слишком тонкие, слишком непохожие на народные предрассудки, или на ходячее мнение ученых, чтобы не быть скоро забытыми и игнорируемыми; книги чисто элементарные, словари, произведения, в которых собраны со всеми подробностями множество фактов, наблюдений, опытов, где все доказательства развиты, все сомнения выяснены; эти драгоценные коллекции, заключающие то все, что было замечено, написано, придумано о данной отрасли наук, то результаты годовых трудов всех ученых какой-либо страны; эти таблицы, эти картины всякого вида, из которых одни представляют результаты, открывающиеся уму лишь путем тяжелого труда, другие показывают по желанию факт, наблюдение, количество, формулу, предмет, который необходимо знать, между тем как третьи, наконец, представляют в удобной форме, в систематическом порядке материалы, из которых гений должен извлекать новые истины: все эти средства, направленные к тому, чтобы движение человеческого разума, стало более скорым, более верным, более легким, суть также благодетельные книгопечатания.

Мы обнаружим еще другие благодетельные, когда проанализируем последствия введения в науку национальных языков вместо одного научного языка, почти исключительно употреблявшегося учеными всех стран.

Наконец, разве не книгопечатание освободило народное образование от всех цепей политических и религиозных? Напрасно один или другой деспотизм стал бы вторгаться во все школы; тщетно стал бы он под страхом суровых кар устанавливать какими заблуждениями он предписывает неизменно заражать умы и от каких истин он велит их предохранять; тщетно кафедры, посвященные моральному воспитанию народа, или обучению молодежи философии или наукам, обрекались бы излагать всегда только учение, благоприятное для этой двойной тирании: книгопечатание все же может распространить знание независимое и чистое. Образование, которое каждый человек может почерпнуть из книг в тиши и уединении, не может быть повсеместно искажено: достаточно, чтобы существовал уголок свободной земли, где печатный станок мог бы беспрепятственно работать. Каким образом при наличии множества различных книг, многочисленных экземпляров одной и той же книги и оттисков, которые в несколько мгновений сызнова умножают число ее экземпляров, можно будет достаточно плотно прикрыть все двери, через которые истина стремится проникнуть? То, что было трудно даже когда речь шла только об уничтожении нескольких экземпляров какой-нибудь рукописи, чтобы ее бесповоротно погубить, когда достаточно было изгонять истину, воззрение в течение нескольких лет, чтобы ее признать навеки забытой, разве это не стало невозможным теперь, когда для этого нужна была бы неусыпная бдительность и непрерывная никогда не прекращающаяся деятельность? Каким образом, если бы даже удалось изгнать истины слишком очевидные, непосредственно задевающие интересы инквизиторов, можно было бы воспрепятствовать проникновению и распространению книг, которые заключают в себе эти гонимые истины, которые их готовят и должны однажды к ним привести, не возбуждая слишком большого внимания к ним? Можно ли это сделать, не будучи вынужденным сбросить маску лицемерия, падение которой было бы для силы заблуждения почти также губительное как и истина? И потому мы увидим разум торжествующим над этими тщетными усилиями; мы его увидим в этой войне, всегда, возрождающейся и часто жестокой, торжествующим над жестокостью, как и над коварством, презирающим костры и не подающимся соблазнам, сокрушающим своей всемогущественной рукой поочередно и фанатическое лицемерие, которое требует искреннего обожания своих догматов и политическое лицемерие, которое закликает смиренно терпеть, когда оно извлекает выгоду в мире, из поддерживающих его заблуждений, и считать его продолжительное существование столь же полезным для народов, как для него самого.

Изобретение книгопечатания почти совпадает с двумя другими событиями, из которых одно оказало непосредственное влияние на прогресс человеческого разума, между тем как влияние другого на судьбы всего человечества должно продолжаться беспредельно, пока люди будут существовать на земле.

Я говорю о взятии Константинополя турками и об открытии нового мира, или нового пути, благодаря которому Европа получила прямое сообщение с восточными частями Африки и Азии.

Греческие литераторы, избежав татарского владычества, искали убежища в Италии. Они обучали чтению в оригинале поэтов, ораторов, историков; философов и ученых древней Греции, они способствовали увеличению количества сперва рукописей, а вскоре затем и изданий. То, что принято было называть доктриной Аристотеля не является уже больше предметом общего поклонения; начинают искать в его собственных сочинениях того, что она собой действительно представляла, дерзают ее обсуждать и опровергать. Ему противопоставляют Платона; и эта смелость в обращении с Аристотелем свидетельствовала о том, что люди начали уже сбрасывать с себя иго авторитета, как считать себя вправе избрать себе учителя.

Чтение Евклида, Архимеда, Диофанта, Гиппократ, книги о животных и физики даже Аристотеля вдохновляло гений геометрии и физики; и противохристианские воззрения философов разбудили почти заглохшие идеи о древних правах человеческого разума.

Люди отважные, увлекаемые любовью к славе и страстью к открытиям, расширили для Европы границы вселенной, показали ей новое небо, и открыли неизвестные страны. Гама проник в Индию после того, как он с неистощимым терпением обошел несметное пространство африканского побережья; между тем как Колумб предаваясь волнам Атлантического океана, достиг этого мира, дотоле неизвестного, растянувшегося между западной Европой и восточной Азией.

Если эта беспокойная деятельность, проявлявшаяся с тех пор во всех областях, доступных человеку, предвещала великий прогресс человеческого рода, если благородное любопытство воодушевляло героев мореплавания, то с другой стороны низкая и жестокая жадность, глупый и дикий фанатизм руководили королями и разбойниками, которым предстояло воспользоваться их трудами. Несчастные существа, обитавшие в этих новых странах, отнюдь не рассматривались как люди, ибо они не были христианами. Этот предрассудок более унижительный для тиранов, чем для их жертв, заглушал всякий намек на угрызения совести, оставил без узды неутолимую жажду золота и крови тех жадных и жестоких людей, которых Европа извергала из своих недр. Кости пяти миллионов людей покрыли эти несчастные земли, куда португальцы и испанцы вносили свою жадность, свои суеверия и свою ярость. Они до скончания веков будут служить свидетельством

против учения о политической полезности родины, которое находит себе еще между нами защитников.

Только в эту эпоху человек получил возможность узнать весь земной шар, изучить во всех странах человеческий род, видоизмененный в силу долгам влияния естественных причин, или социальных учреждений, наблюдать продукты земли или морей во всех температурах, во всех климатах. Таким образом, источники всякого рода, которыми эти продукты являлись для людей, еще столь далеких исчерпать, или даже подозревать все их обилие, все то, что знакомство с этими предметами может добавить к наукам, обогащая их новыми истинами и рассеивая распространенные заблуждения, деятельность торговли, которая сообщила новый подъем промышленности, мореплавание и, в силу неизбежной связи, всем наукам, как и всем искусствам; сила, которую приобрели благодаря этой деятельности свободные народы для борьбы с тиранами, и поработанные народы, чтобы разорвать свои цепи, или чтобы, по крайней мере, ослабить оковы феодализма, - таковы были счастливые последствия этих открытий. Но эти выгоды искупят то, что они стоили человечеству лишь в тот момент, когда Европа, отказавшись от притеснительной и скряжнической системы монополевой торговли, вспомнить, что люди всех климатов, равные и братья по воле самой природы, созданы отнюдь не для насыщения высокомерия и жадности некоторых привилегированных наций; когда, поняв лучше свои собственные интересы, она призвет все народы разделять ее независимость, свободу и просвещение. К сожалению, мы не можем еще определенно сказать, будет ли этот переворот достойным результатом прогресса философии, или только, как мы уже видели, позорным следствием национальной зависти и крайностей тирании.

До этой эпохи посягательства духовенства оставались безнаказанными. Протесты угнетенного человечества и оскорбленного разума были подавлены в крови и пламени. Дух, продиктовавший эти протесты, не был заглушен; но это молчание ужаса ободряло духовенство на новые скандалы. Наконец, предоставление монахам права продавать в кабаках и публичных местах отпущения грехов явилось причиной нового взрыва протестов. Лютер, опираясь на священное писание, показал, что папа присвоил себе право разрешать преступления и продавать прощение; по отношению к епископам давно равным ему, он проявляет наглый деспотизм; что братская вечеря первых христиан стала под именем мессы своего рода магической операцией и предметом торговли; что священники обречены на разврат благодаря неотменяемому безбрачию; что этот варварский или постыдный закон распространяется на монахов, на этих благочестивых, которыми папское тщеславие наводнило и осквернило церковь; что все тайны мирской жизни становятся благодаря исповеданию предметом интриг и страстей священников; что, наконец, на долю самого Бога едва приходится ничтожная часть в этих боготворениях, расточаемых хлебу, людям, костям или статуям.

Лютер возвестил изумленным народам, что эти возмутительные учреждения ничего общего с христианством не имеют, но являются искажением и посрамлением его и для того, чтобы быть верным религии Иисуса Христа, нужно начать с отречения от религии духовенства. В своей борьбе с церковью он пользовался равным образом силой диалектики, или эрудиции и не менее могущественным оружием сатирой. Он писал одновременно на немецком и латинском языках. Условия борьбы были не такие, как во времена альбигойцев или Иоанна Густа, учение которых, неизвестное за пределами их церквей, было так легко оклеветать. Немецкие книги новых апостолов проникали одновременно во все уголки империи, между тем как их латинские книги отрывали всю Европу от позорного сна, в который суеверие ее повергло. Те, разум которых предвосхитил реформаторов, но которых страх удерживал в молчании, те, которых волновало тайное сомнение, и которые дрожали признаться в этом даже своей собственной совести; те, более простые, которые игнорировали всю совокупность богословских нелепостей; которые, никогда не размышлявшие о спорных вопросах, были изумлены, узнав, что им предоставляется выбор между различными воззрениями - все набросились с жадностью на эти споры, от которых, они видели, зависят одновременно и их временные интересы и их будущее счастье.

Вся христианская Европа от Швеции до Италии, от Венгрии до Испании мгновенно покрылась сторонниками новых учений. И реформация освободила бы от римского ига все европейские народы, если бы ложная политика некоторых государей не подняла бы тогда того самого священнического скипетра, который так часто обрушивался на головы королей.

Их политика, от которой их преемники, к сожалению; еще не отреклись, выражалась тогда в разрушении собственных государств ради приобретения новых и в тенденции измерять свое могущество обширностью территории скорее; чем количеством подданных.

И потому Карл V и Франциск I, оспаривая друг у друга права на Италию, пожертвовали интересу сбережения папы выгодами которые реформация доставляла странам, сумевшим ее принять.

Император, видя, что государи империи содействуют распространению воззрений, которые должны были увеличить их власть и их богатства, стал покровителем старых злоупотреблений, надеясь, что религиозная война предоставит ему случай завладеть их государствами и уничтожить их независимость. Франциск воображал, что, сжигая протестантов и покровительствуя их главарям в Германии, он сохранит дружбу папы, не теряя полезных связей.

Но это было не единственным их мотивом; деспотизм также имеет свой инстинкт; и этот инстинкт подсказал королям, что после того, как религиозные предрассудки будут подвергнуты исследованию разума, люди скоро обратятся к предрассудкам политическим; что просветленные относительно узурпаций пап, они в конце концов пожелают просветиться и относительно узурпаций королей; и что реформа в области религиозных злоупотреблений, столь полезная для королевского могущества, повлечет за собой реформу еще более угнетающих злоупотреблений, на которых это могущество основано. Поэтому ни один король великой нации не принимал добровольно сторону партии реформаторов. Генрих VIII, пораженный папской анафемой, также их преследовал; Эдуард и Елизавета, дабы своим присоединением к папизму не объявить себя узурпаторами, установили в Англии верование и культ, которые наиболее к нему приближались. Протестантские монархи Великобритании неизменно покровительствовали католицизму, всякий раз, когда он переставал им угрожать претендентом на их корону.

В Швеции, в Дании короли смотрели на утверждение лютеранства, только как на необходимую предосторожность для обеспечения изгнания католического тирана, которого они заменили; и мы видим уже в прусской монархии, основанной государем философом, что его преемник таит тайную склонность к этой религии, столь дорогой королям.

Религиозная нетерпимость была обычна во всех сектах, которые ее сообщали всем правительствам. Паписты преследовали все реформационные общины; последние, ведя между собою жестокую борьбу, объединялись против не признающих Троицы, которые, будучи более последовательными, подвергали одинаково все догматы исследованию, если не разума, то, по крайней мере, систематической критики и не считали себя обязанными избавляться от некоторых нелепостей ради сохранения других столь же возмутительных.

Эта нетерпимость сыграла в руку папизму. Издавна в Европе и в особенности в Италии существовал класс людей, который, отбросив все суеверия, относясь безразлично ко всем культам, подчиняясь только разуму, рассматривал религии, как человеческие изобретения, над которыми можно втайне смеяться, но которым мудрость и политика вспячь оказывать почтение.

Потом их смелость пошла гораздо дальше; и между тем как в школах пользовались только плохо понимаемой философией Аристотеля для усовершенствования искусства придумывать теологические хитрости, представить замысловатым то, что в действительности было только нелепо, некоторые ученые стремились построить на его истинной доктрине систему, разрушающую всякую религиозную идею, в которой человеческая душа рассматривалась как способность, исчезающая одновременно с прекращением жизни; которая провидением и распорядителем мира признавала только неизменные законы природы. Они были разбиты платониками, воззрения которых, приближаясь к тому, что впоследствии назвали деизмом, были еще более страшными для ортодоксального духовенства.

Страх наказаний скоро остановил эту неблагоразумную откровенность. Италия, Франция были осквернены кровью этих мучеников свободы мыслить. Все секты, все правительства, все авторитетные люди показывали себя в согласии только против разума. Нужно было прикрыть его покрывалом, которое, скрывая его от глаз тиранов, было - бы пронцаемо для взоров философии.

Таким образом, явилась необходимость окружить себя боязливой осторожностью того тайного учения, которое всегда имело большое количество последователей. Оно распространялось преимущественно между высшими представителями правительств, как и между сановниками церкви; и ко времени реформации принципы религиозного макиавеллизма стали единственными основами веры государей, министров и пап. Эти воззрения заразили даже философию. Какую, в самом деле, мораль ожидать от системы, один из принципов которой гласит, что нужно народную мораль строить на ложных взглядах; что просвещенные люди вправе его обманывать, лишь бы только они сообщали ему полезные заблуждения, и удерживать его в цепях, от которых они сами сумели освободиться!

Если естественное равенство людей является главным базисом их прав и основанием всякой истинной морали, то что могла ей обещать философия, одно из правил которой было открытое презрение к этому равенству и к этим правам! Эта самая философия, конечно, могла служить прогрессу разума, царство которого она подготовляла в тиши; но ее непосредственное влияние выразилось только в том, что она заменяла фанатизм лицемерием и развращала вершителей судеб государств, даже поднимая их выше предрассудков.

Истинно просвещенные философы, чуждые честолюбию, которые ограничивались тем, что раскрывали перед людьми заблуждения только с крайней осторожностью, не позволяя себе, однако, поддерживать их в их ошибках - эти философы естественно должны были быть расположенными принять реформацию; но отталкиваемые нетерпимостью, которую всюду одинаково находили, большая часть из них не считала себя обязанными хлопотать из-за реформы, по проведению которой они оказались бы подчиненными тем же стеснением. Так как они были всегда вынуждены показывать вид, что верят нелепостям, которые они отвергали, они не видели большой выгоды в некотором уменьшении количества последних; они опасались, что своим отречением они дадут повод видеть в них добровольных лицемеров, и, оставаясь в числе приверженцев старой религии, они укрепили ее авторитетом своего имени.

Дух, оживлявший реформаторов, не привел к истинной свободе совести. Каждая религия, в стране где она господствовала, допускала только известные воззрения. Между тем, так как эти различные верования были между собой в антагонизме, то было мало воззрений, которые не были бы преследуемы или поддерживаемы в некоторых частях Европы. Сверх того, новые общины вынуждены были насколько ослабить догматическую строгость. Они не могли без грубого противоречия ограничить право исследования слишком тесными пределами; ибо они сами на этом же праве обосновали законность своего отпадения. Если они отказывали разуму в полной свободе, они соглашались, чтобы его тюрьма была менее тесной: цепь не была разбита, но она стала менее тяжелой и более удлиненной. Наконец в стране, где одна религия не имела возможности подавить все другие, устанавливалось то, что наглость господствующего культа смела называть терпимостью, т. е. позволение, данное людьми другим людям верить в то, что признает их разум, делать то, что повелевает им их совесть, оказывать своему общему Богу то благоговее, которое по их мнению ему более понравится. Таким образом, оказалось тогда возможным поддерживать все терпимый учения с более или менее полной откровенностью.

Мы видим, что в Европе зарождается подобие свободы совести не для людей, но для христиан; и исключая Франции, она и теперь всюду существует только для христиан.

Но эта нетерпимость заставила человеческий разум искать прав уже очень давно забытых, или которые скорее никогда не были ни хорошо поняты, ни достаточно освещены.

Некоторые смелые люди, возмущенные тем, что, народы преследуются до святая святых своей совести королями, рабами суеверий, или вдохновляемыми политикой духовенства, решились, наконец, подвергнуть исследованию основы их могущества и открыли народам ту великую истину, что их свобода есть благо неотчуждаемое; что нет такого благоприятного тиражи предписания, ни соглашения, в силу которых нация должна была бы быть неизменно связана с какой либо династией; что должностные лица, каковы бы ни были их титулы, их функции, их сила суть слуги народа, отнюдь не его господа; что он сохраняет власть лишая их авторитета, исходящего только от него, будь то когда они злоупотребляют своими полномочиями, или тогда, когда он не считает более полезным для своих интересов сохранить за ними этот авторитет; что, наконец, он вправе их наказывать, как и увольнять со службы.

Таковы воззрения, которые Алтузиус, Ланге и затем Неедам, Гаррингтон смело исповедовали и энергично развивали.

Платя дань своему веку, они слишком часто ссылаются на тексты, авторитеты и примеры: видно, что они обязаны этими воззрениями в гораздо большей степени возвышенности своего ума, силе своего характера, чем точному анализу истинных принципов социального порядка.

Между тем, другие философы, более осторожные, удовлетворялись установлением между народами и королями точной взаимности прав и обязанностей, равного обязательства не нарушать соглашений, определявших права и обязанности каждой стороны. Можно отрешать от должности или наказать наследственного представителя власти только в том случае, если он нарушил этот священный договор, который не менее обязателен для его семейства. Это учение, отвергавшее естественное право, чтобы все свести к положительному ораву, встретило поддержку в лице юристов и теологов; оно было более благоприятно интересам сильных мира, для честолюбивых замыслов, ибо оно гораздо больше поражало человека, облеченного властью, чем самую власть. И потому оно было почти повсеместно принято публицистами и признано базой в революциях и политических смутах.

История этой эпохи покажет нам слабые успехи свободы, но более порядка и силы у правительств и признана более сильное, и, в особенности, более справедливое о своих правах у наций. Законы лучше составлены; они оказываются не столь часто бесформенными порождениями обстоятельств и каприза: они составлены учеными, если еще не философами.

Народные движения и революции, которые волновали итальянские республики, Англию и Францию, должны были привлечь внимание философов к той части политики, состоящей в наблюдении и предвидении влияний, которые конституции, законы, общественные учреждения могут оказать на свободу народов, на благосостояние и силу государств, на сохранение их независимости и формы их правлений. Одни, как Мор и Гоббс, подражая Платону, строили на некоторых общих принципах проекта целой социальной системы и представили образец, к которому практика должна была беспрерывно приближаться. Другие, как Макиавелли, стремились путем глубокого исследования исторических фактов находить правила, руководствуясь которыми можно было бы надеяться на господствующую роль в будущем.

Экономическая наука еще не существовала; государи считали не своих подданных, но количество солдат; финансовая наука представляла собой только искусство грабить народы, не вызывая их возмущения; а правительства интересовались торговлей только для того, чтобы ее облагать пошлинами, стеснять ее привилегиями, или оспаривать себе монополию.

Европейские нации, имея общие интересы, объединявшие их и противоположные, относительно которых они считали долгом расходиться, почувствовали потребность установить между собой некоторые правила, которыми, даже независимо от договоров, они руководились бы в своих мирных сношениях, между тем как другие, уважаемые даже в военное время, смягчали бы ярость сражающихся, уменьшали бы опустошения и предупреждали бы, по крайней мере, бесполезные бедствия.

Таким образом, наука о правах людей существовала; но, к сожалению, отправным пунктом для этих международных законов служили не разум и природа, единственные авторитеты, которые могли бы признать независимые народы, но создавшаяся практика, иди воззрения древних. Составители этих законов не столько заботились о правах человечества, о справедливости по отношению к личности, сколько об удовлетворении честолюбия, высокомерия, или жадности правительств.

Подобно тому, как в эту самую эпоху мы не видим моралистов, изучающих сердце человека, анализирующих его способности и его переживания, чтобы таким путем вскрыть его сущность, определить происхождение, правило и санкцию его обязанностей; но они умеют использовать всю схоластическую хитрость, чтобы установить для поступков, законность которых казалась сомнительной, точные границы, где кончается невинность и начинается грех; определить какой авторитет является достаточно веским, для оправдания - практика одного из этих сомнительных поступков, классифицировать систематически грехи, то по родам и видам, то сообразно их взаимной тяжести; тщательно отличать в особенности те, один из которых достаточен, чтобы заслужить вечное осуждение.

Наука о нравственности, конечно, не могла еще существовать, ибо духовенство пользовалось исключительной привилегией быть ее толкователями и судьями. Но эти самые лукавства, одинаково бессмысленные и постыдные, побуждали искать, помогали познавать степень нравственного достоинства поступков, их мотивов, порядок и пределы обязанностей, принципы, которыми нужно руководствоваться при выборе, когда последние кажутся противоречивыми: так искусный механик, изучая примитивную машину, которая случайно очутилась в его руках, часто додумывается до устройства новой более совершенной и истинно полезной.

Реформация, уничтожив исповедь, индульгенции, институт монахов и безбрачие священников, очистила принципы морали и даже уменьшила развращенность нравов в странах, где она утвердилась; она освободила их от священнических искуплений, этого опасного поощрения преступлений и от религиозного безбрачия, разрушителя всех добродетелей, ибо оно враг семейных добродетелей.

Эта эпоха была более, чем какая либо другая осквернена большими жестокостями. Она была эпохой религиозных убийств, священных войн, опустошения нового мира.

Она была свидетельницей восстановления древнего рабства, но более варварского, более изобилующего преступлениями против природы. Она видела, как меркантильная жадность распоряжалась кровью людей, продавая их как товары, приобретая их путем измены, грабежа и убийства, перебрасывая их из одного полушария на другое, чтобы там обрекать их среди унижений и оскорблений на длительные мучения медленного и жестокого разрушения.

В то же время лицемерие покрывает Европу кострами и убийцами. Чудовище фанатизма, встревоженное от нанесенных ему ран, казалось, удвоило свою жестокость и торопилось сожрать свои жертвы, чувствуя, что разум скоро вырвет их из его рук. Между тем, мы видим, как, наконец; вновь появляются некоторые из тех кротких и бодрящих добродетелей, которые украшают и утешают человечество. Их история дает имена, которые оно может не краснея, произносить; души чистые и сильные, великие характеры в счастливом сочетании с превосходными талантами показываются время от времени среди сцен предательства, разврата и резни.

Человеческий род возмущает еще философа, созерцающего его картину; но он его больше не унижает и подает ему более близкие к осуществлению надежды.

Движение наук становится быстрым и блестящим. Алгебра обобщается, упрощается и совершенствуется, или скорее, она тогда только действительно создается. Положены первые основания общей теории уравнений; свойства решений, которые они позволяют находить, тщательно изучаются; найден способ решения уравнений третьей и четвертой степени.

Гениальное изобретение логарифмов, упрощая арифметические операции, облегчает все применения вычисления к конкретным предметам и таким образом расширяет сферу всех наук, в которых эти численные применения, частные случаи искомой истины, являются одним из способов сравнения с фактами результатов гипотезы или теории и путем этого сравнения дойти до открытия законов природы. В самом деле, в математике протяженность и умножение чисто практических вычислений имеют предел, который ни время ни даже силы не позволяют переходить; и без помощи этих удачных сокращений, время отметило бы границы самой науки и предел, которого усилия гения не могли бы преодолеть. Законы падения тел были открыты Галилеем, который сумел вывести теорию равномерного ускоренного движения и вычислить кривую, которую описывает тело, брошенное в пустоте с определенной скоростью и толкаемое постоянной силой, которая действует по параллельным направлениям.

Коперник воскресил истинную систему мира, так давно забытую, разрушил посредством теории кажущихся движений то, что было в существовавшей системе противно здравому смыслу, противопоставил крайнюю простоту действительных движений, совершающихся согласно этой системе, бессмысленной путанице тех движений, которые предполагала гипотеза Птолемея. Движения планет были лучше изучены и гений Кеплера открыл форму их орбит и вечные законы, согласно которым они оббегают эти орбиты.

Галилей, применяя в астрономии недавнее изобретение зрительных труб, которые он усовершенствовал, открыл взорам людей новое небо. Пятна, которые он наблюдал на солнечном диске, внушили ему мысль об обращении солнца вокруг своей оси, период и законы которого он определил. Он объяснил фазы Венеры; открыл эти четыре луны, окружающие Юпитера и сопровождающие его по его несметной орбите.

Он научил точно измерять время посредством качаний маятника.

Таким образом, Галилею человек обязан первой математической теорией движения, которое не было одновременно равномерным и прямолинейным и первым понятием об одном из механических законов природы; Кеплеру он обязан познанием одного из тех эмпирических законов, открытие которых имеет двойную выгоду; они приводят к познанию механического закона, результат которого они выражают и добавляют к этому познанию то, чего еще не дано человеку постигнуть.

Открытие веса воздуха и кровообращения отмечают собой прогресс экспериментальной физики, рожденной в школе Галилея и анатомии уже слишком обширной, чтобы не отделиться от медицины.

Естественная история, химия, вопреки химерическим надеждам, которые на эту науку возлагались, не взирая на ее загадочный язык, также медицина и хирургия изумляют быстротой своего прогресса, но они часто удручают зрелищем чудовищных предрассудков, которые они еще сохраняют.

Не говоря о произведениях, в которые Жезнер и Агрикола вложили столько реальных знаний, которые смешение научных или народных заблуждений так редко искажало, мы видим Бернарда де Палисси, то показывающего нам и каменоломни, где мы можем черпать материал для наших зданий, и массы камня, составляющие наши горы, образованные из остатков морских животных, достоверных памятников бывших переворотов на земном шаре, то объясняющего, каким образом, воды, поднимающиеся с моря, в силу испарения возвращающиеся на землю в виде дождей, задерживаемые пластами жирной глины, превращаясь в льдины на горах, поддерживают вечное течение фонтанов, ручьев и рек; между тем как Жан Рей открыл тайну сочетаний воздуха с металлами - первый зародыш тех блестящих теорий, которые несколько лет спустя расширили границы химии.

В Италии эпическая поэзия, живопись, скульптура достигли совершенства, какого не знали древние. Корнель возвестил, что драматическое искусство во Франции способно еще более совершенствоваться; ибо если восторженное поклонение древности, быть может справедливо, признавало некоторое превосходство тех гениальных людей, которые создали образцы искусства, то очень трудно это признать, сравнивая их сочинения с произведениями Италии и Франции: разум замечает только реальный прогресс, который само искусство совершило в руках новейших народов.

Итальянский язык был окончательно образован, и языки других народов с каждым днем все более очищались от древнего варварства.

Польза метафизики и грамматики стала оцениваться; появилась потребность ознакомиться с искусством анализировать и философски объяснять правила, или процессы составления слов и фраз, выработанные практикой.

Всюду в эту эпоху мы видим, что авторитет и разум оспаривают друг у друга власть борьба, которая подготовляла и предвещала торжество последнего.

Тогда же должен был зародиться тот дух критики, который один только может сделать образование действительно полезным. Почувствовалась также потребность узнать все, что было сделано древними и начали понимать, что если должны им удивляться, то также имеют право их судить. Разум, который иногда опирался на авторитет и против которого последним так часто пользовались, хотел оценить, как достоинство той помощи, которую он надеялся в нем находить, так и мотив жертвы, которой от него требовали. Те, которые клали в основание своих воззрений авторитет, видели в нем путеводную звезду своего поведения, почувствовали, насколько для них важно было обеспечить силу своего оружия, дабы не присутствовать при его крушении от первых атак разума.

Исключительное употребление латинского языка в науках, философии, юриспруденции и почти в истории, уступило постепенно место употреблению местных языков каждой страны. И здесь уместно исследовать, каково было влияние этого изменения на прогресс человеческого разума, изменения, в силу которого науки стали более популярными, но затруднялась для ученых возможность следить за их общим движением; которое способствовало тому, что книга прочитывалась в одной и той же стране большим количеством людей слабо образованных, но меньше читалось в Европе людьми просвещенными; которое избавило от необходимости изучать латинский язык многих людей, жаждущих образования и не имеющих ни времени, ни средств для получения обширного всестороннего образования, но заставило ученых тратить много времени на изучение многих различных языков.

Мы покажем, что если невозможно было сделать латынь народным языком, общим для всей Европы, то сохранение ее как литературно-научный язык, имело бы для ученых только временную полезность; что существование научного языка одинакового у всех наций, между тем, как народ каждой из них говорил бы на различном, разделило бы людей на два класса, увековечило бы в народе предрассудки и заблуждения, создало бы вечное препятствие истинному равенству, равному пользованию одним и тем же разумом, равному познанию необходимых истин и остановив, таким образом, прогресс массы человеческого рода, в конце концов положило бы, как на Востоке, предел прогрессу самих наук.

Долгое время образование можно было получить только в церквях и монастырях.

В университетах господствовало еще духовенство. Вынужденное уступить правительствам часть своего влияния, оно удерживало его всецело на общем и начальном образовании; на образовании, заключающем в себе необходимые знания для всех обычных профессий, для всех классов людей и которое, обнимая детство и юношество, формирует по желанию гибкий ум и впечатлительную и слабую душу. Светской власти оно предоставило только право руководить изучением юриспруденции, медицины, литературы, ученых языков, глубоким научным образованием, - школами не столь многочисленными, куда люди поступали уже обработанные монахами. Духовенство потеряло это влияние в странах, где утвердилась реформация. Правда, общее обучение, хотя зависимое от правительства, было по прежнему проникнуто теологическим духом, но оно не было исключительно доверено членам духовного сословия. Последнее продолжало развращать умы религиозными предрассудками, но оно не сгибало их больше под игом духовного авторитета; оно создавало еще фанатиков, мечтателей, софистов, но оно не делало больше людей рабами суеверия.

Между тем, обучение, находясь всюду в поработанном состоянии, развращало всюду общую массу умов, подавляя разум детей тяжестью религиозных предрассудков их страны, заглушая политическими предрассудками дух свободы молодых людей, предназначенных получить более широкое образование.

Каждый человек, предоставленный самому себе, не только находил между собой и истиной густую и ужасную фалангу заблуждений своей страны и своего века, но ему лично уже были привиты наиболее опасные из этих заблуждений. Прежде чем рассеять чужие заблуждения, он должен был начать с познания своих собственных, прежде чем устранить затруднения, которые природа создает на пути к открытию истины, ему необходимо было некоторым образом переделать свой собственный ум. Обучение давало уже знания; но для того, чтобы они могли быть полезны, нужно было их очистить и отделить от мрака, которым суеверие в согласии с тиранией сумели их покрыть.

Мы покажем, какие препятствия, более или менее сильные; создавали прогрессу человеческого разума эти недостатки народного образования, эти противоречивые религиозные верования, это влияние различных форм правления. Мы увидим, что этот прогресс совершался тем медленнее, чем предметы, подчиненные контролю разума, более затрагивали интересы политические, или религиозные; что общая философия, метафизика, истины которых непосредственно нападали на все суеверия, были более упорно задерживаемы в своем движении, чем, политика, усовершенствование которой угрожало только авторитету королей и аристократических сенатов; что это самое наблюдение может одинаково применяться к прогрессу физических наук.

Мы обнаружим другие причины неравенства успехов различных наук, обусловленные природой вещей, изучаемых каждой наукой, или методами, которыми она пользуется.

Неравенство, которое мы можем наблюдать относительно одной и той же науки, одинаково в различных странах является также сложным продуктом политических и естественных условий. Мы проследим, чем это неравенство обязано различию в религиозных воззрениях, форме правления, богатству, могуществу нации, ее характеру, ее географическому положению, событиям, ареной которых была ее территория, наконец; случаю, благодаря которому из ее недр вышли некоторые из тех необыкновенных людей, влияние которых, распространяясь на все человечество, сказывается тем не менее с большей силой вокруг них.

Мы отличим прогресс самой науки, мерилom которого является только сумма заключающихся в ней истин, от успеха нации в каждой науке, который определяется тогда количеством людей, обладающих наиболее употребительными, наиболее важными истинами, и количеством и природой этих общеизвестных истин.

Действительно, мы дошли до той ступени цивилизации, где польза просвещения для народа выражается не только в тех услугах, которые оказывают ему просвещенные люди, но также в том, что он сумел сделать знания своим неотчуждаемым достоянием и употребляет их непосредственно для своей защиты от заблуждения, для предупреждения, или удовлетворения своих потребностей, для ограждения себя от жизненных невзгод, или, для смягчения их новыми наслаждениями.

История преследований, которым подвергались в эту эпоху защитники истины, отнюдь не будет забыта. Мы увидим, как эти гонения распространяются от философских, или политических истин до принципов медицины, естественной истории, физики и астрономии. В VIII веке один невежественный папа преследовал диакона за то, что последний объявил себя сторонником учения о шарообразности земли против мнения ратора Августина. В XVII веке еще более постыдное невежество другого папы предало в руки инквизиторов Галилея, убежденного, что он доказал суточное и годичное движения земли. И величайший гений, который новая Италия дала наукам, отягченный старостью и слабостью, был вынужден, чтобы избежать наказания, или тюрьмы, просить прощения у Бога за то, что он научил людей лучше познать его творения и восхищаться простотой вечных законов, которыми он управляет вселенной.

Однако, нелепость системы мироздания теологов была столь очевидна, что, уступая уважению человечества, они позволяли поддерживать учение о движении земли, но лишь как гипотезу, и чтобы вера от этого нисколько не пострадала. Но астрономы поступали как раз наоборот; они верили в действительное вращение земли и вычисляли согласно гипотезе о его неподвижности.

Трое великих людей, Бэкон, Галилей и Декарт, отметили переход от этой эпохи к следовавшей за ней. Бэкон открыл истинный метод изучения природы, способ пользования тремя орудиями: наблюдением, опытом и вычислением, которые она предоставила в наше распоряжение. Он хочет, чтобы философ, очутившийся среди вселенной, начал бы с отречения от всех верований, которые ему были внушены и даже от всех понятий, которые он сам образовал, чтобы воссоздать себе в некотором роде новое мирозерцание, в котором он отныне должен допускать только точные идеи, справедливые понятия и истины, степень достоверности, или вероятности которых была строго взвешена. Но Бэкон, великий гений философии, не отличался научными дарованиями; и эти методы открытия истины, примера применения которых он не дает, удивляли философов, но нисколько не изменили движения наук.

Галилей обогатил их полезными и блестящими истинами; он собственным примером показал, какими средствами нужно пользоваться, чтобы возвыситься до понимания законов природы, методом верным и плодотворным, который нисколько не обязывал жертвовать надеждой успеха опасности заблуждения. Он основал первую школу для наук, где они разрабатывались без всякой примеси суеверия, как основанного на предрассудках, так и опирающегося на авторитете; где все другие средства нахождения истины, кроме опыта и вычисления, были отброшены с философской строгостью. Но, ограничиваясь исключительно математическими и физическими науками, он не мог вызвать того движения умов, которого они, казалось, ожидали.

Эта честь выпала на долю Декарта, философа остроумного и смелого.

Обладая гениальными научными дарованиями, он добавлял пример к правилу, дал метод нахождения и познания истины. Он показал применение этого метода в открытии законов преломления и удара тел, наконец, в открытии новой отрасли математики, которая должна была расширить все границы.

Он хотел распространить свой метод на все вещи, доступные человеческому пониманию: Бог, человек, вселенная были поочередно предметами его размышлений. Если его движения в области физических наук не отличаются уверенностью Галмея, если его философия не поражает мудростью Бэкона, если его можно упрекнуть в том, что уроки одного и пример другого недостаточно научили его остерегаться своего воображения, вопрошать природу только опытами, верить только вычислениям, наблюдать вселенную, вместо того, чтобы ее строить, изучать человека, вместо того, чтобы его разгадывать - смелость даже его заблуждений способствовала прогрессу человеческого рода. Он взволновал умы, которых не могла пробудить мудрость его соперников. Он звал людей сбросить с себя иго авторитета и признавать только то, что будет одобрено их разумом. Он заставил повиноваться, ибо он подчинял обаянием своей смелости, ибо он увлекал своим энтузиазмом.

Человеческий разум не был еще свободен, но он знал, что создан для свободы. Те, которые осмеливались упрямо удерживать его в цепях, или пытались надеть на него новые, вынуждены были доказать ему, что он должен сохранять одни, или надевать другие; и отныне можно было предвидеть, что они были бы скоро разбиты.

ДЕВЯТАЯ ЭПОХА

ОТ ДЕКАРТА ДО ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мы видели, как человеческий разум медленно формировался в силу естественного прогресса цивилизации, как суеверие овладевало им, чтобы его развращать, как деспотизм унижал и притуплял умы под тяжестью страха и бедствий.

Только один народ избегает этого двойного влияния. Человеческий разум, освобожденный от уз своего младенчества, идет твердым шагом вперед по пути к истине из той счастливой страны, где свобода зажигает факел гения. Но завоевание скоро влечет за собой тиранию, которой сопутствует ее верный товарищ суеверие, и человечество всецело вновь повергается во мрак, который, казалось, должен быть вечным. Между тем, день постепенно проясняется; глаза, долгое время обреченные на темноту, смотрят на него мельком, вновь закрываются, медленно привыкают к свету и, наконец, пристально в него вглядываются; и гений дерзает вновь показаться на этой планете, откуда фанатизм и варварство его изгнали.

Мы уже видели, как разум поднимает свои цепи, ослабляет некоторые из них и, приобретая непрерывно новые силы, подготавливает и ускоряет момент своей свободы.

Нам остается бросить взгляд на эпоху, когда он окончательно разбивает их, когда, вынужденный еще влачить их остатки, он постепенно от них освобождается; когда, свободный, наконец, в своих движениях, он, может быть остановлен только теми препятствиями, возобновление которых неизбежно при каждом новом прогрессе, ибо они обусловлены самой организацией нашего ума, или отношением, установленным природой между нашими средствами открывать истину и сопротивлением, которое она противопоставляет нашим усилиям. Религиозная нетерпимость заставила семь бельгийских провинций сбросить с себя иго Испании и образовать федеративную республику. Только она разбудила английскую свободу, которая, утомленная долгими и кровавыми волнениями, отдыхала в конституции, издавна служившей предметом удивления для философии и доведенной отныне до состояния, когда она опиралась только на национальное суеверие и политическое притворство.

Наконец, преследованиям же духовенства шведская нация обязана была той храбростью, с которой она отвоевала часть своих прав.

Между тем, среди этих движений, вызванных теологическими спорами, во Франции, Испании, Венгрии, Богемии угасала их жалкая свобода, или то, которое, по крайней мере, напоминало о ней.

Напрасно стали бы мы искать в странах, называемых свободными, ту свободу, которая не нарушает ни одного из естественных прав человека, которая гарантирует не только обладание правом, но также и пользование. Та, которую мы там находим, основанная на неравномерно распределенном положительном праве, предоставляет человеку больше или меньше преимуществ в зависимости от его местожительства, происхождения, богатства, профессии; и общая картина этих странных различий у разных наций будет лучшим возражением, которое мы могли бы направить против тех, которые видят еще в неравенстве выгоды и необходимость.

Но в этих самых странах законы гарантируют личную и гражданскую свободу. Но, если человек не является там всем тем, чем он должен быть, его природное достоинство не унижается: по крайней мере, некоторые из его прав признаны; нельзя больше сказать, что он раб, но только, что он не сумел еще быть истинно свободным.

У наций, где, в течение этого же времени, свобода понесла более или менее реальные потери, политические права, которыми пользовалась народная масса, были заключены в столь тесные пределы, что уничтожение почти самовластной аристократии, под гнетом которой он стонал, казалось, с лихвой вознаградило потерю. Он потерял звание гражданина, которое неравенство сделало почти призрачным; но человеческое достоинство более уважалось, и королевский деспотизм спас его от феодального гнета, избавил его от состояния унижения, тем более тягостного, чем количество и присутствие его тиранов чаще давали ему это чувствовать.

Законы должны были совершенствоваться при полусвободных конституциях, ибо интерес тех, которые пользуются действительной властью, обыкновенно не противоположен общим интересам народа и в деспотических государствах, - потому ли, что интерес общественного благосостояния часто смешивается с интересом деспота, или потому, что он сам старается уничтожить остатки власти дворянства или духовенства, законы проникнуты духом равенства, мотивом которых было установить равное для всех рабство, но действия которых могли часто быть благотворными.

Мы подробно изложим причины, обусловившие в Европе этот род деспотизма, примера которого мы не находим ни в предшествовавших веках, ни в других частях света, где почти самовластный авторитет, сдерживаемый общественным мнением, регулируемый просвещением, смягченный собственным интересом, способствовал часто прогрессу богатства, промышленности, образования и иногда даже гражданской свободы.

Нравы смягчались благодаря ослаблению предрассудков, поддерживавших их жестокость, благодаря влиянию духа коммерции и промышленности, врага жестокостей и потрясений, изгоняющих богатство, вследствие отвращения, которое внушала свежая еще картина варварства прошедшей эпохи, благодаря более широкому распространению философских идей равенства и гуманизма, наконец, в силу медленного, но верного общего прогресса просвещения.

Религиозная нетерпимость существовала, но как измышление человеческое, как уважение к народным предрассудкам, или как предосторожность против народных волнений. Она потеряла свою ярость; костры, редко зажигаемые, были заменены притеснением часто более самовластным, но менее варварским; и в эти последние времена религиозные преследования имели место только изредка и то скорее в силу привычки, или из угождения. Всюду и во всех вопросах, правительства на практике следовали, хотя медленно и как бы нехотя, за движением общественного мнения и даже философии.

В самом деле, если в моральных и политических науках существует в каждый момент большая дистанция между тем пунктом, до которого философы довели знания, и средним пределом, до которого дошли образованные люди, общая доктрина которых образует тот род верования, всеми признаваемого, и именуемого общественным мнением, то те, которые руководят общественными делами, которые непосредственно влияют на судьбы народа, какова бы ни была их конституция, не способны возвыситься до уровня этого мнения; они следуют за ним, но не достигая его, весьма далекие от возможности его опередить и неизменно отстают и на многие годы и во многих истинах.

Таким образом, картина прогресса философии и распространения просвещения, наиболее общие и наиболее осязательные результаты которой мы уже изложили, приводят нас к эпохе, когда влияние этого прогресса на общественное мнение и влияние последнего на народы, или на их повелителей, перестав вдруг быть медленным и нечувствительным, произвело во всей массе некоторых народов переворот, верный залог революции, которая должна охватить всю совокупность человеческого рода.

После долгих заблуждений, после шатаний в неполных и неясных теориях, публицисты, наконец, дошли до понимания истинных прав человека, научились выводить их из той единственной истины, что он существо, - наделенное чувствительностью, способное образовывать умозаключения и приобретать моральные идеи.

Они увидели, что поддержание этих прав было единственным мотивом соединения людей в политические общества, и социальное искусство должно было состоять в том, чтобы гарантировать сохранение этих прав с наиболее полным равенством, как и в наиболее полном объеме. Они поняли, что средства обеспечения прав каждого, долженствующие быть подчиненными в каждом обществе общим правилам, власть избрать эти средства, определять эти правила могли принадлежать только большинству членов самого общества, ибо каждый человек не мог бы следовать в этом выборе собственному разуму, не подчиняя умы других, мнение большинства является единственным признаком истины, которая могла бы быть принята всеми без нарушения равенства.

Каждый человек может действительно наперед присоединиться к этому мнению большинства, которое становится тогда мнением человечества; но он может присоединять только самого себя: даже это большинство обязательно для него лишь постольку, поскольку оно, признав его личные права, не будет их нарушать.

Таковы одновременно права большинства на общество, или на его членов и пределы этих прав. Таков генезис единогласия, которое делает обязательными для всех обязательства, принятые только большинством. Обязательство это теряет свою законную силу, когда вследствие изменения людей, эта единогласная санкция сама собою перестает существовать. Без сомнения, есть вещи, относительно которых большинство могло бы, быть может, высказаться очень часто ошибочно и против общего интереса всех; но ему же принадлежит право решить, каковы те вещи, относительно которых оно не должно полагаться непосредственно на свои собственные решения; оно должно определить, кто будут те лица, разум которых он считает долгом предпочесть своему, и урегулировать метод, которым они должны пользоваться, чтобы вернее достигнуть истины; и оно не может отречься от авторитета высказаться, не нарушили ли принятые ими решения прав общих всем.

Итак, пред столь простыми принципами исчезли эти идеи о договоре между народом и его должностными лицами, который мог бы быть уничтожен только по взаимному согласию; или вследствие неверности одной из сторон, и это воззрение, менее рабское, но не менее абсурдное, которое приковывало народ к раз установленным формам правления, как будто право их изменять не было первой гарантией всех других, как будто человеческие учреждения, неизбежно страдающие недостатками и способные совершенствоваться по мере того, как люди просвещаются, могли быть обречены на вечное существование. Публицисты увидели себя вынужденными оказаться от этой коварной и ложной политики, которая, забывая, что все люди наделены равными правами самой природой; хотела то измерять объем тех прав, которые нужно было им предоставить сообразно величине территории, температуре климата, национальному характеру, народному богатству, степени совершенства торговли и промышленности, то распределять эти самые права неравномерно между различными классами людей в зависимости от их происхождения, богатства, профессии и создавать таким образом противоречивые интересы, противоположные силы, чтобы затем установить между ними равновесие; которое стало необходимым только благодаря этим учреждениям и которое даже не смягчало опасных влияний.

Итак, никто уже не осмеливался разделять людей на две различные расы, из которых одна предназначена управлять, другая подчиняться; одна призвана лгать, другая быть обманутой: пришлось признать, что все имеют равное право просвещаться о всех своих интересах, познать все истины, и что ни одна из властей, установленных ими над самими собой, не может иметь права скрыть от них какую либо истину.

Эти принципы, за которые великодушный Сидней заплатил своей кровью, которые Локк подкрепил авторитетом своего имени, были затем развиты Руссо с большей точностью, в большем масштабе и с большей силой. И заслуга его состоит в том, что он возвел их на степень тех истин, которых нельзя больше ни забыть, ни оспаривать.

Человек имеет потребности и способности их удовлетворять; результатом применения этих способностей является различно видоизмененный и распределенный продукт, составляющий массу богатств, предназначенных для удовлетворения общих потребностей. Но каковы законы, согласно которым эти богатства образуются, или распределяются, сохраняются, или потребляются, увеличиваются или расточаются? Каковы также законы этого равновесия, которое стремится беспрестанно устанавливаться между потребностями и источниками, и благодаря которому представляется больше легкости удовлетворения потребностей, следовательно увеличивается благосостояние, когда богатство возрастает, до того, что они достигают предела своего увеличения; и наоборот, когда богатство уменьшается, увеличиваются затруднения и следовательно страдания до того, что опустошение и лишения восстанавливают уровень? Каким образом, в этом удивительном разнообразии трудов и продуктов, потребностей и источников, в этом ужасном сцеплении интересов, которые связывают существование, благосостояние изолированного человека с общей системой обществ, которые делают его зависимым от всех случайностей природы, от всех политических событий, которые некоторым образом распространяют на весь земной шар его способность испытывать или удовольствия, или страдания, каким образом, в этом кажущемся хаосе, мы видим, тем не менее, в силу общего мирового морального закона, что усилия каждого для самого себя способствуют благосостоянию всех и, не взирая на внешнее столкновение противоположных интересов, общий интерес требует, чтобы каждый понимал бы свой собственный интерес и мог бы беспрепятственно его преследовать?

Итак, человек должен иметь возможность применять свои способности, располагать своими богатствами, удовлетворять свои потребности с полной свободой. Общий интерес каждого общества, отнюдь не требуя сокращения пользования, защищает его, напротив, от нанесения ему ущерба, и в этой части общественного порядка, забота обеспечить каждому его естественные права является одновременно единственной полезной политикой, единственным долгом социальной власти и единственным правом, которое общая воля могла бы закономерно осуществлять.

Но раз этот принцип признан, долг общественной силы его исполнить; она должна установить меры, признанные законом, для констатирования во всевозможных случаях обмена вес, объем, ширину и длину обмениваемых вещей.

Она должна создать общую меру для всех ценностей, которой они все могли быть представлены, которая облегчает вычисление их видоизменений и их отношений, которая, имея затем свою собственную ценность, могла бы быть обменена на все вещи, обладающие таковой; средство, без которого торговля, ограниченная прямым обменом, не может развиваться.

Производство каждого года доставляет свободную для потребления часть, ибо она не предназначена для вознаграждения ни труда, продуктом которого является это воспроизводство, ни труда, который должен обеспечить новое воспроизводство равное или более обильное. Владелец этой свободной части обязан ею отнюдь не своему непосредственному труду: он обладает ею независимо от той деятельности, к которой он может применять свои способности для удовлетворения своих потребностей. Таким образом, эту свободную часть ежегодного достатка общественная сила может, не нарушая ничьих прав, использовать, как источник для покрытия расходов, необходимых для обеспечения государственной безопасности, его внутреннего спокойствия, для гарантии прав личности, для содержания органов власти, учрежденных для составления или исполнения законов; наконец, для поддержания общественного благосостояния.

Есть работы, установления, учреждения полезные обществу, которые она должна организовать, должна ими руководить, или контролировать их, и которые дополняют то, что личная воля и содействие личных интересов не могут сделать непосредственно, как для прогресса земледелия, промышленности, торговли, так и для того, чтобы предупреждать, ослаблять неизбежные бедствия природы, или те, которые обуславливаются непредвидимыми случаями.

До эпохи, о которой мы теперь говорим и даже долгое время спустя, эти различные предметы были предоставлены случаю, жадности правительств, ловкости шарлатанов, предрассудкам, или интересу всех командующих классов; но ученик Декарта, знаменитый и несчастный Жан де Вит, понял, что они должны были, как все науки, подчиняться принципам философии и точности вычисления.

Эта наука слабо развивалась до момента, когда Утрехтский мир обещал Европе продолжительное спокойствие. В эту эпоху мы видим, что стремление изучать эту, до тех пор игнорируемую, область знания охватывает почти все умы; и эта новая наука была возведена Стюартом, Смитом и в особенности французскими экономистами, по крайней мере в смысле точности и чистоты принципов, на ступень, которой невозможно было надеяться достигнуть столь быстро, после столь долгого к ней индифферентизма.

Но этот прогресс в области политики и политической экономии был главным образом обусловлен прогрессом общей философии, или метафизики, понимая это слово в самом широком его смысле.

Декарт направил свои философские изыскания в область самосознания человека; он ясно видел, что оно должно было всецело проистекать из очевидных и первичных истин, которые наблюдение операций нашего ума должно было нам открыть. Но скоро его нетерпеливое воображение удалило его от того самого пути, который он проложил, и некоторое время казалось, что философия только для того отвоевала свою независимость, чтобы запутаться в новых заблуждениях.

Наконец, Локк ухватился за нить, которая должна была ему служить путеводной; он показал, что строгий анализ, определяя с точностью идеи, разлагая их последовательно на идеи более непосредственные в их происхождении, или более простые в их сочетании, был единственным предохраняющим средством, чтобы не затеряться в хаосе неполных, несвязных и неопределенных понятий, случайно и беспорядочно представившихся нам и воспринятых нами без размышления. Помощью этого самого анализа он доказал, что все понятия суть результаты операций нашего ума над полученными нами ощущениями, или еще более точно - сочетания этих ощущений, которые память нам одновременно воспроизводит, но когда при этом внимание останавливается и когда представление ограничивается только частью каждого из этих сложных ощущений. Он показал, что, представляя словом каждую идею, предварительно анализированную и ограниченную, мы достигаем возможности постоянно припоминать ту же идею, т. е. всегда образованную из тех же самых более простых идей, всегда заключенную в тех же границах и, следовательно, получаем возможность пользоваться ею в целом ряде рассуждений, не рискуя сбиться с пути. Наоборот, если слова не соответствуют точно определенной идее, они могут последовательно возбуждать различные представления в одном и том же уме, и таков наиболее обильный источник наших заблуждений. Локк же первый дерзнул установить границы человеческому уму, или скорее - определить сущность истин, которые он может познать, и природу вещей, которые он может обнять.

Этим методом скоро стали пользоваться все философы, и именно, применяя его к морали, политике, общественной экономии, они получили возможность следовать в области этих наук путем почти столь же верным, как в области естественных наук; допускать только доказанные истины, отделять эти истины от всего того, что может еще остаться сомнительным и неизвестным; наконец, игнорировать то, что еще невозможно и то, что всегда будет невозможно познать.

Таким образом, анализ наших психических переживаний открывает нам, в развитии нашей способности испытывать удовольствие и страдание, происхождение наших моральных идей, основание общих истин, которые, происходя от этих идей, определяют неизменные и необходимые законы справедливости и несправедливости; наконец, мотивы нашего поведения, почерпнутые в самой природе нашей чувствительности, в том, что можно было бы назвать некоторым образом нашей моральной конституцией.

Этот самый метод стал в некотором роде универсальным орудием; научились пользоваться им для усовершенствования метода физических наук, для объяснения их принципов, для оценки их доказательств; его распространили на исследование фактов, на правила вкуса.

Итак, эта метафизика, применяясь ко всем предметам, доступным человеческому пониманию, анализировала процессы ума в каждом роде познания, вскрывала сущность истин, образующих его систему, степень достоверности, которой можно ожидать. И это является тем последним шагом философии, благодаря которому образовалась некоторым образом вечная пропасть между человеческим родом и старыми заблуждениями его младенчества, который должен воспрепятствовать тому, чтобы новые предрассудки когда либо привели вновь человека к старому невежеству, как и обеспечить падение всех тех, которые мы сохраняем, не зная еще может быть, их всех; даже тех, которые смогут их заменить, но которые будут иметь только слабое влияние и эфемерное существование.

Между тем, в Германии, человек широкого и глубокого ума набросал основы новой доктрины. Его пылкое и смелое воображение не может успокоиться в скромной философии, оставившей нерассеянными сомнения в этих великих вопросах о духе, или о сущности человеческой души; о свободе человека, или Бога, о существовании страдания и преступления во вселенной, управляемой всемогущим разумом, мудрость, справедливость и доброта которого, казалось, должны были исключить возможность их существования. Он рассек узел, который мудрый анализ не мог бы развязать. Он построил вселенную из простых неразрушимых существ, равных по своей природе. Отношения каждого из этих существ к каждому из тех, которые входят с ним в систему вселенной, определяют его качества, которыми оно отличается от всех других; человеческая душа и последний атом, заканчивающий каменную глыбу, суть одинаково один из этих монадов. Они различаются только благодаря тому или иному местоположению, которое они занимают в порядке вселенной.

Из всех возможных сочетаний этих существ бесконечный разум избрал наиболее совершенное и он мог избрать только это. Если существующий мир удручает нас зрелищем бедствий и преступлений, то всякое другое сочетание дало бы еще более печальные результаты.

Мы изложим эту систему, которая, принятая, или по меньшей мере, поддержанная соотечественниками Лейбница, задержала у них прогресс философии. Целая школа английских философов с одушевлением ухватилась и красноречиво защищала оптимистическую доктрину. Менее искусные и менее глубокие чем Лейбниц, который обосновал ее главным образом на том, что всемогущий разум в силу необходимости, обусловленной самой его природой, мог избрать только лучший из возможных миров, они стремились в наблюдении нашего мира найти доказательство его превосходства и, потеряв все преимущества, которыми отличается эта система, поскольку она остается в области абстракции, они слишком часто заблуждались в подробностях, или возмутительных, или бессмысленных.

Между тем, в Шотландии другие философы, не соглашаясь с мнением, что анализ развития наших реальных способностей может привести к принципу, который явился бы достаточно чистым, достаточно твердым основанием для наших моральных поступков, изобрели новую способность человеческой души, отличную от способности чувствовать, или рассуждать но вступающую с последними в сочетания, способность, существование которой они доказывали только, уверяя, что без нее не могли бы обойтись. Мы начертаем историю этих воззрений и покажем, что если они были вредны для движения философии, то они были полезны для более быстрого распространения философских идей.

До сих пор мы говорили о прогрессе философии только среди людей, которые ее разрабатывали, углубляли и совершенствовали; нам остается показать, каковы были ее влияния на общественное мнение и каким образом, между тем как, возвысившись, наконец, до познания истинного метода открывать и познавать истину, разум научился предохранять себя от заблуждений, куда уважение к авторитету и воображение так часто его увлекали, он в то же время разрушил в общей массе людей предрассудки, которые так долго изнуляли и развращали человеческий род. Было, наконец, позволено громко провозглашать право, столь долго не признаваемое, - подчинять все воззрения нашему собственному разуму, т. е. пользоваться для

понимания истины единственным орудием, которое нам дано для того, чтобы ее познать. Каждый человек с некоторой гордостью узнавал, что природа отнюдь не предназначала его верить слову другого; и древнее суеверие, унижение разума перед бредом сверхъестественной веры исчезли из общества, как и из философии.

В Европе скоро образовался класс людей, менее занятых открытием и углублением истины, чем ее распространением, которые, поставив себе целью преследовать предрассудки в убежищах, где духовенство, школы, правительства, старые корпорации собирали их и покровительствовали им, стремились разрушать народные заблуждения скорее, чем расширить границы человеческих знаний косвенный путь содействовать их прогрессу, который был ни менее опасен, ни менее полезен.

В Англии Коллинс и Болингброк, во Франции Бейль, Фонтенель, Вольтер, Монтескье и школы, образованные этими знаменитыми людьми, сражались за истину, пользуясь попеременно всеми средствами, которые эрудиция, философия, ум, литературное дарование могут доставить разуму, употребляя все формы, от шутки до патетических произведений, от наиболее ученой и наиболее обширной компиляции до романа, или злободневного памфлета; покрывая истину покрывалом, защищавшим от ее света слишком слабые глаза и доставлявшим удовольствие отгадывать ее; лаская предрассудки с ловкостью, чтобы нанести им более верные удары; почти никогда им не угрожая, ни нескольким одновременно, ни даже одному в полном его объеме. Утешая иногда врагов разума, показывая вид, что хотят в религии только полутерпимости, в политике только полусвободы; щадя деспотизм, когда они боролись против религиозных нелепостей, и культ, когда восставали против тирании; нападая на эти два бича в их принципе, хотя бы показывали вид, что метить только в возмутительные или бессмысленные их злоупотребления и поражая эти гибельные деревья в их корнях, когда, казалось, что они ограничиваются обрезанием некоторых запутавшихся ветвей; то уча друзей свободы, что суеверие, покрывающее деспотизм непроницаемым щитом, первая жертва, которую они должны принести, первая цепь, которую они должны разбить; то напротив, представляя его деспотам, как истинного врага их власти и ужасая их картиной его лицемерных заговоров, его кровавой ярости: но никогда не уставая провозглашать независимость разума, свободу печати, как право, как спасение человеческого рода; поднимаясь с неутомимой энергией против всех преступлений, фанатизма и тирании; преследуя в религии, в администрации, в нравах, в законах, все то, что носило характер угнетения, жестокости, варварства; приказывая, именем природы, королям, воинам, судьям, священникам уважать кровь людей; строжайше упрекая их в крови, которую их политика, или индифферентизм проливали еще в сражениях, или наказаниях, выставляя, наконец, лозунгом войны: разум, терпимость, человечность.

Такова была эта новая философия, предмет общей ненависти всех тех многочисленных классов, которые существуют только в силу предрассудков, живут только заблуждениями, могущественны только благодаря легковерию; почти всюду принимаемая, но преследуемая, имеющая королей, священников, вельмож, судей учениками и врагами. Ее главари почти всегда обладали искусством избегать мести, возбудив против себя ненависть и укрыться от преследования, показав себя достойными своей славы.

Часто правительство вознаграждало их одной рукой, платя другой их клеветникам, изгоняло их и гордилось, что они родились на его территории, наказывало их за их воззрения и сочло бы себя оскорбленным подозрением, что оно их не разделяет.

Этими воззрениями скоро должны были, таким образом, проникнуться все просвещенные люди, признаваемыми одними, скрываемыми другими с более или менее прозрачным лицемерием, в зависимости от их более, или менее робкого характера и их желания поступаться противоречивыми интересами своей профессии, или тщеславия.

Но уже последнее обстоятельство было достаточно сильно, для того, чтобы, вместо глубокой скрытности прошедших веков, довольствовались для самих себя и часто для других разумной осторожностью.

Мы проследим прогресс этой философии в различных частях Европы, куда инквизиция правительств и духовенства не могла помешать французскому языку, ставшему почти всеобщим, быстро вносить ее. Мы покажем с какой ловкостью политика и суеверие употребляли против нее все то, что человеческое знание может представить как мотивы недоверия своему разуму, как аргументы для указания его границ и слабости и как они сумели пользоваться даже пирронизмом для защиты легковерности.

Эта столь простая система, которая предоставляла неограниченную свободу всему тому, что наиболее верно поощряло торговлю и промышленность, которая освобождала народы от бича разрушителя, - унижительного ига налогов, распределенных столь неравномерно, взимаемых с такими издержками и часто с таким варварством, заменяя их справедливой, равной и почти нечувствительной податью; Эта теория, которая связывала действительное могущество и богатство государств с благосостоянием индивидов и уважением к их правам; которая объединяла узами общего счастья различные классы, на которые эти общества естественно разделены; эта

столь утешительная идея о братстве человеческого рода, приятную гармонию которого никакой национальный интерес не должен был тревожить; эти принципы, подкупающие своим великодушием, как своей простотой и обширностью пропагандировались с энтузиазмом французскими экономистами. Их успех был менее быстрым, менее общим, чем успех философов; им пришлось бороться с менее грубыми предрассудками, с более тонкими заблуждениями. Им нужно было просвещать прежде чем выводить из заблуждения, и воспитать здравый смысл прежде чем сделать его судьей.

Но если они сумели привлечь к своему учению лишь небольшое количество последователей; если они пугали общностью своих правил и непреклонностью своих принципов; если они сами вредили своему делу, прибегая к туманному и догматическому языку, обнаруживая слишком часто забывчивость относительно политической свободы, ради интересов свободы торговли, представляя тоном слишком безусловным, слишком наставительным некоторые части своей системы, которые они только поверхностно изучили - им, по крайней мере удалось сделать ненавистной и презренной эту трусливую, коварную и развращенную политику, которая видела благополучие нации в обеднении ее соседей, в узких взглядах запретительного режима, в мелких комбинациях тиранического фиска.

Но новые истины, которыми гений обогатил философию, политику и общественную экономию, признанные в большем или меньшем объеме просвещенными людьми, далеко распространяли свое спасительное влияние.

Искусство книгопечатания охватило такие вопросы, так умножало книги, последние были так умело приносивлены ко всем степеням знания, применения и даже богатства; ими с такой ловкостью удовлетворялись все вкусы, все умственные запросы; содержание их так легко и часто даже так приятно усваивалось; они открыли для истины столько дверей, что стало почти невозможно все закрывать, что не было больше класса, профессии, достигнуть которых ей можно было помешать. И хотя всегда оставалось большое количество людей, обреченных на добровольное, или вынужденное невежество, граница, проведенная между некультурной и просвещенной частями человеческого рода, тогда почти совершенно стерлась и незаметная постепенность заполнила промежуток между двумя крайностями, между гением и тупоумием.

Таким образом, общее сознание естественных прав человека, даже воззрение, что эти права неотчуждаемы и неизменны, сильно высказанное желание свободы совести и печати, свободы торговли и промышленности, облегчения участи народа, уничтожения всякого уголовного закона против диссидентских религий, уничтожения пытки и варварских наказаний; желание иметь уголовное законодательство более мягкое, юриспруденцию, которая гарантировала бы полную безопасность невинности, гражданские законы более простые, более отвечающие разуму и природе; индифферентизм ко всем религиям, рассматриваемым, наконец, как суеверия, или политические изобретения ненависть к лицемерию и фанатизму, презрение к предрассудкам, ревность в распространении просвещения, - эти принципы, переходя постепенно из произведений философов ко всем классам общества, где образование не ограничивалось катехизисом и умением писать, стали общим исповеданием, символом для всех тех, которые не были ни макиавеллистами, ни слабоумными. В некоторых странах эти принципы образовали общественное мнение, достаточно общее для того, чтобы сама народная масса казалась готовой руководиться им и ему подчиняться. Чувство гуманности, т. е. нежное и активное сострадание ко всем бедствиям, поражающим человеческий род, отвращение ко всему тому, что в общественных учреждениях, в правительственных актах, в частных поступках добавляло новые страдания к неизбежным страданиям природы, этот гуманизм был естественным следствием этих принципов; им были проникнуты все сочинения, все речи и его счастливое влияние отражалось уже на законах и общественных учреждениях даже народов, подчиненных деспотизму.

Философы различных наций, обнимая в своих размышлениях интересы всего человечества без различия стран, расы, или секты, образовали, не взирая на несогласие в своих спекулятивных воззрениях, сильно сплоченную фалангу против всех заблуждений, против всякого рода тирании. Воодушевляемые чувством всеобщего человеколюбия, они боролись с несправедливостью, когда она, чуждая их отечеству, не могла им лично вредить; они не щадили ее также тогда, когда виновным в ней оказывалось само их отечество по отношению к другим народам; они вооружались в Европе против преступлений, которыми жадность оскверняла берега Америки, Африки, или Азии. Философы Англии и Франции считали для себя честью носить имя и исполнять обязанности друзей тех самых черных, которых их глупые тираны гнушались признавать людьми. Похвалы французских писателей были наградой за терпимость признанной в России и Швеции, между тем как Беккариа опровергал в Италии варварские правила французской юриспруденции.

Во Франции старались излечить Англию от ее коммерческих предрассудков, от ее суеверной почтительности к недостаткам ее конституции и ее законов, между тем как почтенный Говард укорял французов в варварской беспечности, поглощавшей в их госпиталях и тюрьмах столько человеческих жертв. Жестокости, или развращенность правительств, нетерпимость духовенства, сами национальные предрассудки потеряли свою губительную власть заглушать голос истины, и

никто ни враги разума, ни угнетатели свободы не могли избежать суда, который скоро становился судом всей Европы.

Наконец, начало развиваться новое учение, которое должно было нанести последний удар уже потрясенному зданию предрассудков; то учение о способности человеческого рода неограниченно совершенствоваться, первыми и наиболее знаменитыми апостолами которого были Тюрго, Прис и Пристли; оно относится к десятой эпохе, где мы разовьем его более подробно. Но мы должны изложить здесь происхождение и прогресс одной ложной философии, против которой это учение явилось столь необходимой опорой для торжества разума.

Созданная одними из гордости, другими из своекорыстных соображений, имея тайной целью увековечить невежество и продлить царство заблуждений, она приобрела многочисленных последователей, которые то развращали разум блестящими парадоксами, или соблазняли его удобной ленью абсолютного пирронизма то, настолько презирали человеческий род, что объявляли прогресс просвещения бесполезным и даже опасным для его счастья, как для его свободы; то, наконец, вводили его в заблуждение ложным энтузиазмом воображаемых величия или мудрости, наделяющих добродетельной склонностью к просвещению и здравым смыслом опираться на реальные знания; здесь говорили о философии и серьезных науках, как о теориях слишком недоступных для существа ограниченного, окруженного потребностями, и подчиненного повседневным и тяжелым обязанностям; там презрительно высказывались о них, как о наборе шатких отвлеченностей, которые должны исчезать перед деловым опытом и ловкостью государственного человека. Они беспрестанно жаловались на упадок просвещения, когда оно прогрессировало, сокрушались о принижении человеческого рода, по мере того как люди припоминали свои права и пользовались своим разумом; объявляли даже ближайшую эпоху эпохой тех потрясений, которые должны привести его к варварству, невежеству, рабству в момент, когда все объединялось для доказательства, что ему не приходится больше их бояться. Они, казалось, были унижены его совершенством, ибо нисколько не разделяли славы, способствовавших этому, или были испуганы его прогрессом, который предвещал падение их значения, или власти. Между тем, некоторые шарлатаны - более ловкие чем те, которые неискусной рукой старались поддерживать здание древних суеверий, основания которого подкопала философия, пытались, одни использовать развалины этого здания для построения религиозной системы, где от разума, восстановленного в его правах, требовалось только полуподчинение; где он остался бы почти свободным в своей вере, лишь бы только согласился считать некоторую вещь непостижимой; между тем как другие пробовали воскресить в тайных обществах забытые мистерии древней феургии и оставляя народу его старые заблуждения, опутывая своих учеников новыми суевериями, они имели наглость надеяться восстановить, благодаря некоторым адептам, древнюю тиранию королей-первосвященников Индии, или Египта. Но философия, укрепленная на непоколебимом основании, которое науки ей подготовили, противопоставила им барьер, о который их жалкие усилия должны были скоро разбиться.

Сравнивая состояние умов, эскиз которого я выше набросал, с политической системой правительств, можно было легко предвидеть, что великая революция была неминуема; и не трудно было судить, что она могла быть проведена только двумя способами: нужно было или, чтобы народ сам установил эти принципы разума и природы, которые философия сумела сделать для него дорогими, или, чтобы правительства поспешили его предупредить и согласовали бы свои действия с его воззрениями. Одна из этих революций должна была быть более полной, более быстрой, но более бурной; другая более медленной, менее полной, но более мирной; в одной свобода и счастье должны были быть куплены ценою временных бедствий; в другой эти бедствия избегались, но задерживалось, быть может надолго, наслаждение частью благ, которые она тем не менее должна была неминуемо произвести.

Развращенность и невежество правительств предпочли первый способ, и быстрое торжество разума и свободы отомстило за человеческий род.

Простой здравый смысл должен был подсказать жителям британских колоний, что англичане, рожденные по ту сторону Атлантического океана, получили от природы точно такие же права, как и другие англичане, рожденные под Гринвичским меридианом и что разница на семьдесят градусов долготы не могла их изменить. Они, может быть, лучше европейцев знали, каковы были права, общие всем индивидам человеческого рода, и они также понимали свое право не платить никакой пошлины, на установление которой они своего согласия не давали. Но британское правительство притворилось верующим, что Бог создал Америку, как Азию, для удовольствия лондонских жителей и, не шутя, хотело удержать в своих руках по ту сторону морей подчиненную нацию, которой оно, в случае надобности, могло бы пользоваться для угнетения европейской Англии. Оно приказало покорным представителям английского народа нарушить права Америки и обложить ее принудительными пошлинами. Последняя провозгласила, что несправедливость разорвала узы, соединявшие ее с метрополией и объявила свою независимость.

Мир тогда впервые увидел, как великий народ, освободившись от всех своих цепей, сам мирно дает своей стране конституцию и законы, которые он считал наиболее способными содействовать его счастью, и так как его географическое положение и старый политический строй вынуждали его образовать федеративную республику, он в своих недрах вырабатывает одновременно тринадцать республиканских конституций, имеющих общей базой торжественное признание естественных прав человека и главной целью - сохранение этих прав. Мы начертаем картину этих конституций; мы покажем то, чем они обязаны прогрессу политических наук и то, что предрассудки воспитания могли им сообщить в виде старых заблуждений; почему, например, система равновесия властей портит еще их простоту; почему принцип тождества интересов занимает в них еще больше места, чем равенство прав. Мы докажем не только то, что этот принцип тождества интересов, если он служит регулятором политических прав, является нарушением по отношению к тем, которым предоставляется пользование этими правами не в полном их объеме, но также и то, что это тождество перестает существовать именно в тот момент, когда оно становится истинным неравенством. Мы подробно остановимся на этом вопросе, ибо это единственное заблуждение, внушающее еще опасения. Оно является единственным, от которого истинно просвещенные люди еще не освободились. Мы покажем, каким образом американские республики осуществили эту, тогда еще почти новую в теории, идею о необходимости установить и регулировать законом правильный и мирный способ реформировать сами конституции и отделять эту власть от законодательной.

Но в войне, возникшей между двумя просвещенными народами, из которых один защищал естественные права человечества, а другой противопоставлял последним ложное учение, подчиняющее эти права предписанию, политическим интересам, писанным соглашениям, эта великая тяжба предстала пред трибуналом общественного мнения в присутствии всей Европы; права людей были громко поддержаны и развернуты без ограничения и без изъятия в сочинениях, свободно циркулировавших от берегов Невы до Гвадалквивира.

Эти споры проникали в страны наиболее поработанные, в края наиболее отдаленные и люди, населявшие их, были удивлены, узнав, что они имеют права; они учились разбираться в них; они знали, что другие люди дерзали их отвоевать, или защищать.

Американская революция должна была скоро распространиться на всю Европу. И если существовал народ, среди которого, ради интереса американцев, распространялись более, чем где-либо их сочинения и их принципы, который был одновременно наиболее просвещенным и одним из наименее свободных; страна, где философы обладали наибольшим количеством истинных знаний, и правительство обнаруживало невежество наиболее наглое, наиболее грубое; где законы настолько не соответствовали бы общему состоянию умов, что ни национальная гордость, ни какой-либо предрассудок не могли привязать народ к его старым учреждениям, - разве этот народ не был предназначен, в силу самой природы вещей, дать первый толчок той революции; которой друзья человечества столь нетерпеливо ожидали и на которую они возлагали столько надежд? Она должна была, таким образом, начаться во Франции.

Неискусность ее правительства ускорила эту революцию; философия явилась ее идейной руководительницей; народная сила разрушила препятствия, которые могли остановить движения.

Она была более полной, чем американская и, следовательно, более нарушила внутренний мир. Ибо американцы, довольствовавшиеся гражданскими и уголовными законами, данными им Англией, не имевшие надобности реформировать скверную налоговую систему; которым не приходилось разрушать ни феодальной тирании, ни наследственных различий, ни привилегированных богатых, или могущественных корпораций, ни системы религиозной нетерпимости - ограничились установлением новых властей, заменив ими ту, которая до сих пор принадлежала британской нации. Эти нововведения нисколько не отразились на народной массе; ничто не изменилось в отношениях, установившихся между индивидами. Во Франции, наоборот, революция должна была охватить всю экономическую жизнь общества, изменить все социальные отношения и проникнуть до последних звеньев политической цепи, до индивидов, которые, живя спокойно доходами от своего имущества или своей промышленности, не побуждаются к участию в народных движениях ни своими воззрениями, ни своими занятиями, ни интересами богатства, честолюбия или славы.

Американцы, которые, казалось, боролись только против тиранических предрассудков метрополии, имели союзниками могущественных соперников Англии; между тем как другие завистливые к ее богатству и гордости, своими тайными обещаниями содействовали скорому торжеству справедливости; таким образом, вся Европа, казалось, объединилась против угнетателей. Французы, напротив, атаковали одновременно и деспотизм королей, и политическое неравенство полусвободных конституций, и надменность дворянства, и господство, нетерпимость и богатства духовенства, и злоупотребления феодалов, свирепствовавших еще почти во всей Европе; и могущественные европейские государи должны были общими силами встать на защиту тирании. И Франция могла услышать в свою пользу только голоса некоторых мудрецов и робкие обещания угнетенных народов, помощь, которой клевета должна была еще стараться лишить ее.

Мы покажем, почему принципы, легшие в основание конституции и законов Франции, были более чисты, более точны, более глубоки, чем те, которыми руководствовались американцы; почему они гораздо более полно избежали влияния всякого рода предрассудков; каким образом равенство прав не было здесь нигде заменено тем тождеством интересов, которое является только жалким и лицемерным придатком; как это равновесие властей, которым столь долго восхищались, оказалось бесполезным, когда власти были ограничены точными пределами; каким образом в великой нации, по необходимости рассеянной, разделенной на большое количество изолированных и частичных собраний, впервые решились сохранить народу его право верховной власти, право подчиняться только законам, способ составления которых, если оно поручено представителям, был узаконен его непосредственным одобрением; возможность реформировать которых, если они нарушают его права, или интересы, он мог бы всегда получить посредством правильного акта своей верховной воли.

С момента, когда гений Декарта оказал на умы это общее впечатление, и первый принцип революции в судьбах человеческого рода был провозглашен, до счастливой эпохи полной и чистой социальной свободы, когда человек мог вступить в пользование своей естественной независимостью, лишь пройдя длинный ряд веков рабства и бедствий, картин прогресса математических и физических наук представляет нам необозримый горизонт, различные части которого нужно выделить и привести в порядок, если хотят лучше обнять целое и лучше заметить отношения между этими частями.

Не только приложение алгебры к геометрии стало обильным источником открытий в этих двух науках; но, доказав этим великим примером, как методы вычисления величин вообще могли распространиться на все вопросы, имевшие предметом измерение протяженности, Декарт заранее объявил, что они могли бы с равным успехом применяться ко всем предметам, отношения которых доступны точной оценке; и это великое открытие, показав впервые конечную цель наук - подчинять все истины строгости счета, дало возможность надеяться ее достигнуть, наметив необходимые для этого средства.

Вскоре после этого открытия последовало изобретение нового исчисления, позволяющего - находить отношения последовательных возрастных, или убываний переменной величины, или самую величину, зная это отношение; как в том случае, когда предполагается предел этим возрастаниям, так и тогда, когда отношение ищется только в момент превращения их в нуль; метод, который, распространяясь на все сочетания переменных величин, на все гипотезы их изменений, приводит равным образом к определению, для всех вещей, изменения которых могут быть точно измерены, или отношений их элементов, зная отношения самих вещей, или отношений вещей, когда известны только отношения их элементов.

Лейбницу и Ньютому мы обязаны открытием этих исчислений, которое было подготовлено трудами геометров предшествовавшего поколения. Их прогресс, непрерывно продолжавшийся более века, явился продуктом трудов и источником славы многих гениальных людей; и глазам философа, который может его обозреть, даже не следя за ним, представляется внушительный памятник сил человеческого ума.

Излагая образование и принципы алгебраического языка, единственно истинно точного, истинно аналитического, существующего еще теперь; сущность технических процессов этой науки; сравнивая эти процессы с естественными операциями человеческого ума, мы покажем, что если этот метод употребляется только как частное средство в науке о величинах, он включает в себе принципы универсального орудия, применимые ко всем сочетаниям идей.

Рациональная механика становится скоро обширной и глубокомысленной наукой. Истинные законы соударения упругих тел, относительно которых Декарт заблуждался, наконец найдены.

Гюйгенс открывает законы движения по циклоиду; он дает в то же время метод определения к какому кругу должен принадлежать каждый элемент какой-нибудь кривой. Соединив эти две теории, Ньютон нашел теорию криволинейного движения; он применил ее к тем законам, согласно которым Кеплер открыл, что все планеты обращаются по эллипсам, в одном из фокусов которых находится солнце.

Планета, которая предполагается брошенной в пространство в данный момент определенной скоростью и по определенному направлению, обегает, вокруг солнца, эллипс, вследствие притяжения, испытываемого ею к этому светилу, обратно пропорционального квадрату расстояний. Эта самая сила удерживает спутников в их орбитах вокруг главной планеты. Она распространяется на всю систему небесных тел; все элементы, составляющие последние, взаимно друг к другу притягиваются.

Правильность планетных эллипсов иногда нарушается; и вычисление объясняет эти пертурбации с точностью до самых незначительных их уклонений. Эта сила действует на кометы и теория позволяет определить их орбиты и предсказать их возвращение. Движения земли и луны вокруг своих осей также свидетельствуют о существовании этой всемирной силы. Наконец, она же является причиной веса земных тел, в которых он кажется постоянным, ибо мы не можем наблюдать их на расстояниях достаточно различных между собой от центра притяжения.

Итак, человек узнал наконец один из физических законов вселенной, и он является еще до сих пор единственным, как и слава того, который его открыл.

Труды целого столетия подтвердили этот закон, которому все небесные явления оказались подчиненными с поразительной точностью; каждый раз, когда какое-нибудь из них, казалось, уклонялось от нормы, то это временное недоумение становилось скоро причиной нового торжества.

Философия почти всегда вынуждена искать в произведениях гениального человека тайной нити, которой он руководился; но здесь интерес, побуждаемый восхищением, заставил открыть и сохранить драгоценные анекдоты, которые позволяют проследить шаг за шагом движение Ньютона. Мы ими воспользуемся, чтобы показать, как случайные счастливые комбинации содействуют усилиям гения в великом открытии и как комбинации менее благоприятные могли бы их замедлять, или сберечь плоды их для других.

Но Ньютон сделал для прогресса человеческого разума нечто, может быть, еще большее, чем открытие этого общего закона природы; он учил людей допускать в физике только точные и вычисленные теории, которые доказывают не только существование явления, но также его величину. Между тем, его обвинили в возобновлении таинственных приемов древних, ибо общую причину небесных явлений он сводил к простому факту, неопровержимая реальность которого доказывало наблюдение. И само это обвинение показывает насколько научные методы нуждались еще в философском освещении.

Масса проблем статики и динамики были последовательно предложены и разрешены, когда д'Аламбер открыл общий принцип, который один, был достаточен для определения движения какого-либо количества точек, движущихся под влиянием каких-либо сил и соединенных между собой в силу известных условий. Этот самый принцип он скоро распространил на конечные тела определенной фигуры; на тела, которые, вследствие своей эластичности или гибкости, могут поменять свою фигуру, но согласно известным законам и сохраняя известные отношения между частями. Наконец на жидкости, как сохраняющие постоянную плотность, - так и на находящиеся в состоянии расширения. Для разрешения этих последних вопросов необходимо было новое исчисление; оно не могло миновать своего гения; и механика отныне становится точной наукой.

Эти открытия относятся к математическим наукам; но сущность, как закона всемирного тяготения, так и принципов механики, следствия, которые можно извлечь из них для объяснения вечного порядка вселенной, суть предметы философии. Она научила людей понимать, что все тела подчинены необходимым законам, в силу которых они сами стремятся придти в равновесие, или таковое поддержать, создать или сохранить правильность в движениях.

Познание законов, управляющих небесными явлениями, открытия математического анализа, которые приводят к более точным методам вычисления кажущихся явлений, то совершенство, на которое невозможно было даже надеяться, до которого были доведены и оптические инструменты и те, в которых точность делений становится мерилем точности наблюдений; точность машин, приспособленных для измерения времени; более общая склонность к наукам, связанная со стремлением правительств умножать число астрономов и обсерваторий, - все эти причины, взятые вместе, обеспечили прогресс астрономии.

Небо, в глазах человека, обогащается новыми светилами и он умеет верно определять их положения и предвидеть их движения.

Физика, постепенно освобождаясь от смутных объяснений введенных Декартом, как она уже избавилась от схоластических нелепостей, приобретает характер искусства проникать в тайны природы путем опыта, чтобы затем, основываясь на полученных данных, выводить посредством вычисления более общие факты.

Вес воды определен и измеряется; становится известным, что передача света не мгновенна; скорость ее определяется. Вычисляется отношение этого обстоятельства к видимой картине неба; солнечный луч разложен на лучи более простые, различно преломляющиеся и различно окрашенные. Явление радуги объяснено и средства, позволяющие образовать, или удалять его цвета, подчинены вычислению. Электричество, которое было известно только, как свойство некоторых веществ, при трении их о другие, притягивать легкие тела, становится одним из общих явлений вселенной. Причина молнии уже не тайна, и Франклин открывает людям искусство ее отводить или направлять по своему желанию. Вводятся в употребление новые инструменты для измерения колебаний веса атмосферы, изменений влажности воздуха и градусов температуры тел. Новая наука, под названием метеорологии, учит познавать, иногда предвидеть, явления атмосферы, законы которых, теперь еще неизвестные, она позволит нам со временем открыть.

Представляя картину этих открытий, мы покажем, как методы, которыми руководились физики в своих исследованиях, очищались и совершенствовались; как искусство производить опыты, изготавливать физические приборы последовательно достигало все большей точности; так что физика, не только каждый день обогащалась новыми истинами, но что истины, уже доказанные, приобрели гораздо больше достоверности; что не только была замечена и анализирована масса новых фактов, но что все были подчинены, в их подробностях, измерениям более строгим.

Физике приходилось бороться только со схоластическими предрассудками и столь соблазнительными для лени общими гипотезами. Другие препятствия замедляли прогресс химии. Предполагалось, что она должна дать секрет изготовления золота и тайну бессмертия.

Великие интересы делают человека суеверным. Не допускали мысли, чтобы такие надежды, которые выражали две наиболее сильные страсти дюжинных натур и возбуждали также страсть к славе, могли бы быть осуществлены обыкновенными средствами; и все сумасбродства, которые вздорная легковёрность когда-либо изобрела, казалось, соединились в головах химиков.

Но эти химеры постепенно уступали место механической философии Декарта, которая была также скоро отброшена и заменена истинно экспериментальной химией. Наблюдение явлений, сопровождающих соединения и разложения тел, исследование законов этих операций, анализ веществ на простейшие элементы, приобретали все возрастающую точность и строгость.

Но к успехам химии нужно добавить некоторые из тех усовершенствований, которые, обнимая всю систему какой-либо науки, занимаясь более распространением ее методов, чем увеличением количества, заключающихся в ней истин, предвещают и готовят счастливый переворот. Таково было открытие новых способов удерживать и подвергать опытам газы, которые до тех пор были недоступны исследованию; открытие, которое, позволяя оперировать над целым классом новых существ и над уже известными, уменьшенными до состояния, когда они ускользали от наших исследований и добавляя почти ко всем сочетаниям один элемент сверх, изменило, так сказать, всю систему химии. Таково было образование языка, где названия, означающие вещества, выражают то отношения, или различия веществ, имеющих общий элемент, то класс, к которому они принадлежат. Таковы были также и употребление научной письменности, где вещества представлены аналитически комбинированными буквами, посредством которой можно выразить даже простейшие операции и общие законы химического сродства, и пользование всеми средствами, всеми приборами, которые служат в физике для вычисления со строгой точностью результата опытов, и, наконец, применение математики к явлениям кристаллизации, к законам, согласно которым элементы известных тел, соединяясь, принимают правильные и постоянные формы.

Люди, которые долгое время, отнюдь не стремясь познать образование земного шара, умели объяснять его только суеверными, или философскими бреднями, почувствовали наконец необходимость изучить с сугубым вниманием, как на его поверхности, так и в той его внутренней части, куда потребности заставляли их проникать, и вещества, там находящиеся и их случайное, или правильное распределение, и расположение масс, ими образованных. Они научились распознавать следы медленного и продолжительного действия морской воды, земных вод и огня; отличать часть поверхности и внешней земной коры, где неровности, расположение, находящихся там веществ и часто сами эти вещества, являются продуктом действия огня, земных и морских вод, от другой части земного шара, образованной преимущественно из разнородных веществ и носящей печать более древних революций, факторы которых нам еще неизвестны.

Минералы, растения, животные разделяются на множество видов, представители которых различаются незаметными и преходящими особенностями, или обусловленными чисто местными причинами: многие из этих видов имеют большее или меньшее количество общих качеств, которые служат для установления последовательных и все более и более обширных делений. Натуралисты научились методически классифицировать индивидов по их определенным, легко замечаемым признакам - единственное средство ориентироваться в этом бесчисленном множестве различных существ. Эти методы являются родом реального языка, где каждый предмет означен некоторыми из его наиболее постоянных качеств и посредством которого, зная эти качества, можно находить в условном языке название предмета. Эти самые языки, когда они хорошо составлены, показывают еще, каковы, для каждого класса естественных существ, действительно существенные качества, наличие которых влечет за собой более или менее полное сходство в их остальных свойствах.

Если высокомерие, которое увеличивает в глазах людей предметы исключительной науки и трудно усваиваемых знаний, приписывало иногда этим методам преувеличенное значение и принимало за самую науку то, что было только в некотором роде словарем и грамматикой ее реального языка, то часто также, вследствие преувеличения обратного смысла, ложная философия слишком низводила эти методы, смешивая их с произвольными номенклатурами, как и с бесполезными и тяжеловесными компиляциями.

Химический анализ веществ, доставляемых тремя великими царствами природы, описание их внешней формы, изложение их физических качеств, их обыкновенных свойств; история развития организованных тел, животных и растений, их питания, их размножения, подробности их организации, анатомия их различных частей, функции каждой из них, история нравов животных, их промыслов для доставления себе пищи, убежища, жилища; описание приемов, к которым они прибегают, преследуя свою добычу, или спасаясь от своих врагов; общества, состоящие из семьи, или вида, образующиеся между ними; эта масса истин, обнаруживающихся, при обозрении неизмеримой цепи существ; отношения между ее последовательными звеньями, от грубой

материи на самой низкой ступени организации, от организованной частицы до той твари, у которой замечаются первые признаки чувствительности и самопроизвольного движения; наконец, от последней до человека; отношения всех существ к человеку, как относительно его потребностей, так и в сходных чертах, приближающих его к ним, или в различиях, которые его от них отделяют: такова картина, которую представляет нам теперь естественная история.

Физический человек является сам предметом отдельной науки - анатомии, заключающей в своем широком смысле физиологию. Эта наука, развитие которой замедлялось вследствие суеверного уважения к мертвым, воспользовалась общим ослаблением предрассудков и удачно противопоставила последним интерес сохранения трупов, обещавший ей помощь сильных мира. Ее прогресс был таков, что она кажется как бы исчерпанной, ожидающей более совершенных инструментов и новых методов, занятой почти исключительно отыскиванием, путем сравнения частей животных и человека, органов общих различным видам, форм, в которые выливаются аналогичные функции последних, истин, которые прямое наблюдение человека теперь, как будто, отвергает. Почти все, что глаз наблюдателя, вооруженный микроскопом, мог заметить, уже открыто. Анатомия, по-видимому, нуждается в помощи опытов, столь полезной для успехов других наук, и природа предмета, подлежащего ее исследованию, лишает ее этого средства, необходимого теперь для ее совершенствования.

Циркуляция крови была давно известна, но расположение сосудов, носящих влагу, предназначенную, смешиваясь с ней, возмещать ее потери, но существование желудочного сока, приводящего пищу в состояние разложения, необходимое для приготовления части, способной ассимилироваться с живыми жидкостями, с организованной материей; но изменения, которые испытывают различные части, различные органы как в периоде, отделяющем зачатие от рождения, так и начиная с этого момента, в различных возрастах жизни; но отличие частей, наделенных чувствительностью, или раздражительностью свойство открытое Галлером и общее почти всем органическим существам, - вот то, что физиология сумела открыть в эту блестящую эпоху, опираясь на данные, добытые наблюдениями; и столько важных истин обязано своей известностью этим механическим, химическим и органическим объяснениям, которые, следуя поочередно друг за другом, обременяли науку гипотезами, губительными для ее прогресса, опасными, когда их применение распространяется на медицину.

К картине наук должна присоединиться картина искусств, которые, опираясь на последние, пошли более верным путем и разбили цепи, которыми рутину до тех пор их сковывала.

Мы покажем, какое влияние прогресс механики, астрономии, оптики и искусства измерять время, оказал на искусства строить, приводить в движение и управлять кораблями. Мы объясним, как увеличение числа наблюдателей, большая ловкость мореплавателя, более строгая точность в астрономических определениях положений и в топографических методах, позволили, наконец, узнать нашу планету, еще почти неизвестную к концу последнего века; насколько механические искусства, в собственном смысле, обязаны своими усовершенствованиями производству инструментов, машин, постройке мастерских, и последние своим развитием обязаны прогрессу рациональной механики и физики; то, чем эти самые искусства обязаны науке, давшей возможность употреблять уже известные двигатели с меньшими издержками и меньшей потерей, или изобретению новых двигателей.

Мы увидим, что архитектура черпает в науке о равновесии и теории жидкостей средства придать сводам более удобные и менее разорительные формы, не рискуя нарушить прочность построек; строить заграждения для вод более верно вычисленные, направлять их течение, использовать их в каналах с большим искусством и большим успехом.

Мы увидим также, что химия обогащается новыми процессами; что старые методы очищаются, упрощаются, освобождаясь от всего того, чем обременила их рутину, от бесполезных, или вредных веществ, от напрасных, или несовершенных практических приемов; между тем как, в то же самое время, находили средства предупреждать некоторые опасности, часто ужасные, которым подвергаются рабочие, занятые в производстве химических продуктов; и что, таким образом, доставляя больше наслаждения, больше богатств, оно не заставляло уже покупать их ценою стольких прискорбных жертв и стольких угрызений совести.

Между тем, химия, ботаника, естественная история распространили плодотворный свет на сельскохозяйственную промышленность, на культуру растений, предназначенных удовлетворять наши различные потребности, на искусство кормить, размножать и сохранять домашних животных, улучшать породы и продукты; на способы приготовления, сохранения земных плодов, или съестных припасов, доставляемых нам животными.

Хирургия и фармация становятся почти новыми искусстваами, с того момента, когда они начали черпать в анатомии и химии более ясные, более верные указания.

Медицина, которая на практике должна рассматриваться, как искусство, освобождается, по крайней мере, от своих ложных теорий, от своего педантического жаргона, от своей мертвящей рутины, от своего рабского подчинения авторитету людей, факультетским учениям; она научается верить только опыту. Она умножает свои средства; она умеет лучше их сочетать и ими пользоваться; и если ее успехи, в некоторых частях, носят характер отрицательный, если они выражаются в уничтожении опасных практических приемов, вредных предрассудков, то новые методы изучения химической медицины и сочетания наблюдений предвещают более реальный, более обширный прогресс.

Мы в особенности постараемся проследить движение гения наук, который, то нисходя от абстрактной и глубокой теории до ученых и тонких применений; упрощая затем свои средства, соразмеряя их с потребностями, в конечном итоге распространяет свое благотворное влияние на наиболее простые практические приложения, и то пробужденный потребностями этой самой практики, ищет в наиболее возвышенных спекуляциях источников, недоступных при обыкновенном состоянии знаний.

Мы покажем, что декламации о бесполезности теорий, даже для самых простых ремесел, доказывали всегда только невежество фразеров. Что отнюдь не глубокомысленности этих теорий, а, напротив, их несовершенству нужно приписать бесполезность, или гибельные последствия стольких неудачных применений.

Эти наблюдения приведут нас к той общей истине, что во всех искусствах теоретические принципы по необходимости видоизменены на практике; что существуют действительно неизбежные неточности, влияние которых нужно стараться сделать нечувствительным, не предаваясь химерической надежде их предупреждать; что большое количество данных, относящихся к потребностям, средствам, времени, издержкам, по необходимости пренебрегаемых в теории, должны быть приняты во внимание при непосредственном и действительном практическом применении этой теории; и что, наконец, вводя эти данные с ловкостью, являющейся настоящим гением практики, можно одновременно расширить тесные границы, где предрассудки против теории угрожают задержать искусства и предупредить ошибки, которые могли бы иметь место при неумелом применении теории.

Для успешного своего распространения разделившиеся науки должны были между собой сближаться, между ними должны были образоваться точки соприкосновения.

Изложение прогресса каждой науки было бы достаточно, чтобы показать, какова была для многих польза непосредственного приложения вычисления; насколько последнее могло употребляться почти во всех, чтобы придать опытам и наблюдениям больше точности, то, чем они обязаны механике давшей им более совершенные, более верные инструменты; насколько изобретение микроскопов и метеорологических приборов способствовало совершенствованию естественной истории: то, чем эта наука обязана химии, которая одна только могла привести к более глубокому познанию, рассматриваемых ею предметов; открывая ей наиболее скрытую природу последних, их наиболее существенные различия, показывая ей соединения и элементы; между тем как естественная история доставляла химии столько продуктов, которые необходимо было отделять и собирать, столько операций, подлежащих исполнению, столько сочетаний, образованных природой, действительные элементы которых нужно было выделять, и иногда открывать тайну этих соединений или даже искусственно воспроизводить их; наконец, какую взаимную помощь оказывали друг другу физика и химия и что анатомия уже почерпнула или из естественной истории, или из этих наук.

Но мы изложили бы лишь самую незначительную часть выгод, которые уже извлечены, которых можно ожидать от этого применения. Многие геометры предложили общие методы находить, на основании наблюдений, эмпирические законы явлений, методы, которые распространяются одинаково на все науки, ибо могут равным образом привести к открытию, как закона последовательных значений какой либо величины для ряда моментов, или положений, так и закона, согласно которому распределяются или различные свойства, или различные значения подобного качества между данным количеством предметов.

Уже некоторые применения доказали, что науку о сочетаниях можно успешно употреблять для расположения наблюдений в порядке, позволяющем улавливать с большей легкостью отношения, результаты и целое.

Применения теории вероятностей показывают насколько они могут способствовать прогрессу других наук; здесь, определяя правдоподобие необыкновенных фактов, и научая судить должны ли они отбрасываться, или, напротив, заслуживают быть проверенными; там, вычисляя вероятие постоянного повторения этих фактов, наблюдающихся в практике искусств и которые сами не связаны ни с каким порядком, рассматриваемым уже как общий закон; таково, например, в медицине спасительное действие некоторых лекарств, успех некоторых предохранительных средств. Эти применения показывают нам еще, какова вероятность, что совокупность явлений обусловлена волей разумного существа; того, что зависит от других явлений, сосуществующих с ним, или предшествовавших ему и того, что должно быть приписано необходимой и неизвестной

причине, называемой случаем; слово, истинный смысл которого можно понять только посредством изучения этого исчисления.

Эти применения, равным образом, научили распознавать различные степени достоверности, где мы можем надеяться достигнуть правдоподобия. Согласно последнему мы можем принять мнение, сделать его основанием наших рассуждений, не нарушая прав разума и правила нашего поведения, не погрешая против мудрости, или не оскорбляя чувства справедливости. Они показывают, каковы преимущества, или неудобства различных форм выборов, всевозможных способов решений, принимаемых большинством голосов; различные степени вероятности, которые могут здесь иметь место; ту, которой общественный интерес должен требовать, сообразно природе каждого вопроса; средства, как для того, чтобы почти верно получить ее; когда решение не необходимо, или когда затруднения двух решений не равны - определить, что одно из них не может быть законным, пока она остается ниже этой вероятности; так и для того, чтобы заранее быть обеспеченным в получении часто этой самой вероятности, когда, напротив, решение необходимо и когда самое слабое правдоподобие достаточно, чтобы с ним сообразоваться.

К числу этих применений можно еще добавить исследование вероятности фактов, необходимое для того, кто своего согласия не может обосновать на своих собственных наблюдениях; вероятность, вытекающая или из авторитета свидетельств, или из соединения этих фактов с другими, полученными непосредственным наблюдением.

Исследования продолжительности жизни людей, влияния, которое оказывает на эту продолжительность различие полов, температур климата, профессий, форм правления, привычек; исследования смертности, обусловленной различными болезнями; колебаний народонаселения; о распространенности действия разных причин, вызывающих эти изменения; о распределении этого действия в каждой стране сообразно возрастам, полам, занятиям, - насколько все эти исследования могли бы быть полезны для изучения физики человека, для медицины, для общественной экономии!

Как плодотворно общественная экономия могла бы использовать эти самые вычисления для учреждения пожизненных доходов, возрастающей пожизненной ренты, сберегательных касс, фондов помощи бедным, страховых обществ всякого рода!

Применение вычисления разве не является также необходимым к той части общественной экономии, которая обнимает теорию мер, монет, банков и финансовых операций; наконец, теорию налогов, их распределение, установленное законом - от которого столь часто уклоняется их действительная раскладка, - их влияний на все части социальной системы?

Сколько важных вопросов этой самой науки могло быть правильно разрешено лишь при помощи знаний, приобретенных в области естественной истории, земледелия, физики растений, механических, или химических искусств!

Одним словом, таков был общий прогресс наук, и нет, так сказать, ни одной, которую можно было бы обнять всецело в ее принципах, в ее подробностях, не будучи вынужденным прибегать к помощи всех других.

Представляя эту картину, как новых истин, которыми обогатилась каждая наука, так и того, чем каждая обязана применению теорий или методов, которые, казалось, скорее приспособлены к знаниям другого порядка, мы проследим, каковы сущность и предел истин, к которым наблюдение, опыт, размышление могут нас привести в каждой науке. Мы рассмотрим, равным образом, и то, в чем, собственно, заключается, для каждой из них, дар изобретения - эта первая способность человеческого ума, названная гением; посредством каких операций разум может достигнуть, намеченных им открытий, или иногда натолкнуться на те, которых он не искал, которых он не мог даже предвидеть. Мы покажем, каким образом методы, приводящие нас к открытиям, могут исчерпаться, так что наука вынуждена была бы, некоторым образом, остановиться, если бы новые методы не снабдили гения новым орудием, или облегчили ему пользование теми, которыми он может употреблять теперь; лишь затрачивая слишком много времени и трудов.

Если бы мы ограничились перечислением выгод, которые были извлечены из непосредственного пользования науками, или из применения их к искусствам, как для блага отдельных людей, так и для благосостояния наций, нам удалось бы показать лишь незначительную часть их благодетельности. Наиболее важное, может быть, заключается в том, что они разрушили предрассудки и как бы изошрили человеческий ум, вынужденный ступать по ложным направлениям, которые приводили его к нелепым верованиям, передаваемым каждому поколению в его младенчестве вместе с ужасами суеверия и страхом тирании.

Все заблуждения в политике и морали покоятся на заблуждениях философских, которые в свою очередь связаны с заблуждениями в области физики. Нет ни одной религиозной системы, ни одной сверхъестественной нелепости, которые не основывались бы на незнании законов природы. Изобретатели и защитники этих нелепостей не могли предвидеть последовательного совершенствования человеческого разума. Убежденные, что люди знали в их время все то, что они могли когда-нибудь узнать и будут всегда верить в то, что тогда составляло предмет их веры, они самонадеянно обосновывали свои бредни на общих воззрениях своей страны и своего века.

Прогресс физических знаний тем более губителен для этих заблуждений, что они разрушают их, не нападая на них прямо и подвергая тех, которые упрямо их защищают, унижительной насмешке в невежестве.

В то же время привычка справедливо рассуждать о предметах этих наук, точные идеи, которые дают их методы, средства познать или доказать истину должны естественно привести к сравнению чувства, заставляющего нас соглашаться на воззрения, основанные на реальных мотивах достоверности с тем, которое привязывает нас к предрассудкам привычки, или заставляет нас отступить пред авторитетом; и это сравнение достаточно, чтобы внушить сомнение к этим последним воззрениям, чтобы дать понять, что в них не верят даже тогда, когда об этом громко заявляют, когда их исповедуют с наиболее чистой искренностью. А раз этот секрет открыт, их разрушение становится быстрым и верным.

Наконец, это движение физических наук, которое страсти и интерес не могут нарушить, где происхождение, профессия, общественное положение не дают права судить о том, чего вы не в состоянии понимать; это движение, более верное, не могло быть замечено, если бы просвещенные люди не стремились в других науках беспрестанно к нему приближаться; оно им доставляло для каждого шага образец, которому они должны были следовать, согласно которому они могли судить о своих собственных усилиях; распознавать ложные пути, куда они могли бы уклониться, предохранять себя от скептицизма, как и от легковерия, от слепой недоверчивости и от слишком безусловного подчинения даже научному или признанному авторитету.

Без сомнения, метафизический анализ приводил к тем же результатам; но эта наука давала только абстрактные правила, и здесь эти самые абстрактные принципы, примененные на практике, были освещены примером и укреплены успехом.

До этой эпохи науки были неотчуждаемым достоянием некоторых людей; они уже стали общедоступными, и приближается момент, когда их элементы, их принципы, их простейшие методы станут истинно народными. Именно тогда их приложение к искусствам, их влияние на общую справедливость умов будут поистине общепользны.

Мы проследим прогресс европейских наций в области образования, как начального, так и высшего; прогресс до сих пор слабый, если рассматривать только философскую систему этого образования, которая почти всюду проникнута еще схоластическими предрассудками; но чрезвычайно быстрый, если принять во внимание объем и природу предметов обучения, которое, обнимая теперь почти только реальные знания, включает в себе элементы почти всех наук, между тем как люди всех возрастов находят в словарях, в конспектах, в газетах необходимые им знания, хотя бы они были не всегда достаточно чисты.

Мы исследуем вопрос о полезности присоединения устного преподавания наук к образованию, получаемому непосредственно из книг и путем изучения; обусловлена ли какая либо выгода тем обстоятельством, что компилятивный труд стал настоящим ремеслом и средством существования; обстоятельство, благодаря которому умножилось число посредственных произведений, но в то же время увеличились для мало образованных людей средства приобретать общие знания. Мы покажем, каково было влияние на прогресс человеческого разума ученых обществ, являющихся той оградой, которую еще долго полезно будет противопоставлять шарлатанству и ложной учености; наконец, мы начертает историю поощрений, данных правительствами прогрессу человеческого разума и препятствий, созданных ими на его пути, часто в той же стране и в ту же эпоху; мы покажем, какими предрассудками или какими принципами макиавеллизма они руководствовались; задерживая движение умов к истине; какими корыстными политическими целями, или даже преследующими общественное благо, задавались они, когда, казалось, они, напротив, хотели ускорить его и покровительствовать ему.

Картина изящных искусств представляет не менее блестящие результаты. Музыка стала в некотором роде новым искусством, именно в то время, когда наука о сочетаниях и применение вычисления к вибрациям звучащих тел и колебаниям воздуха осветили ее теорию. Живопись, которая уже перешла из Италии в Фландрию, Испанию, Францию, возвысилась в последней стране до той самой степени совершенства, на которую она поднялась в Италии в прошедшую эпоху и расцвела там еще пышнее, чем в самой Италии. Искусство наших художников не уступает искусству Рафаэля и Карраша. Все их приемы, сохранившиеся в школах, не только не забыты; но еще более распространены. Тем не менее, однако, протекло слишком много времени, не давшего равного им гения; чтобы эту долгую бесплодность можно было приписать только случаю. Это не потому, что средства искусства исчерпаны, хотя достигнуть большого успеха было бы действительно трудно. Это также не потому, что природа не наделила нас органами столь же совершенными, как у итальянцев шестнадцатого века; но единственно изменениям в политике и нравах нужно приписать, не упадок искусства, но слабость его произведений.

Изящная литература, разрабатывавшаяся в Италии с меньшим успехом, не вырождаясь, однако, там, совершила на французском языке прогресс, доставивший ему честь стать в некотором роде языком всеевропейским.

Трагедия в руках Корнеля, Расина, Вольтера, последовательно развиваясь, достигла совершенства до тех пор неизвестного. Комедия, благодаря Мольеру, была быстро возведена на высоту, на которую она ни у одной нации не могла еще подняться.

В Англии, с начала этой эпохи, и в более близкое к нам время, в Германии, язык совершенствовался. Поэзия и проза были подчинены, но с меньшей покорностью, чем во Франции, тем всеобщим правилам разума и природы, которые должны ими управлять. Они одинаково истинны для всех языков, для всех народов, хотя до сих пор лишь небольшое число из них могло их познать и возвыситься до того справедливого и верного вкуса, являющегося чувственным выражением этих самых правил, которым проникнуты произведения Софокла и Вергилия как и сочинения Попа или Вольтера; который учил греков, римлян, как и французов, поражаться теми же красотами и возмущаться теми же уродствами.

Мы покажем то, что в каждой нации поддерживало или замедляло прогресс этих искусств; в силу каких причин различные виды поэзии, или прозы достигли в разных странах столь неравного совершенства, каким образом эти всеобщие правила могут, не нарушая даже своих основных принципов, видоизменяться, в зависимости от нравов, воззрений народов, которые должны пользоваться произведениями этих искусств и сообразно употреблению, которому предназначены их различные виды. Так, например, трагедия, рассказываемая каждый день в небольшом зале при ограниченном количестве зрителей, не может иметь тех самых практических правил, что трагедия, распеваемая в необозримом театре, в дни торжественных праздников, в присутствии всего народа. Мы попытаемся доказать, что правила вкуса имеют ту же общность, то же постоянство, но способны к такому же роду видоизменений, как и другие законы вселенной - моральные и физические - когда их нужно применять непосредственно на практике к употребительному искусству.

Мы покажем, как печать, умножая, распространяя произведения, даже предназначенные к чтению, или представлению публично, доставляла их количеству читателей несравнимо большему числу слушателей; что, так как почти все решения, принятые в многочисленных собраниях, определялись образованием, полученным их членами из чтения, то в силу этого, между правилами искусства убеждать у древних и у новейших народов, должны были образоваться различия аналогичные разнице между эффектом, который оно должно производить и средством, которым оно для этого пользуется; как, наконец, даже у древних народов ограничивались чтением сочинений, по истории, или по философии; что легкость, с которой изобретение книгопечатания позволяет предаваться подробным изложениям, должна была также влиять на эти самые правила.

Прогресс философии и наук расширил и благоприятствовал успехам изящной литературы, а последняя служила для популяризации наук и философии. Они оказывали друг другу взаимную поддержку, невзирая на усилия невежества и глупости, стремившиеся их разъединить и посеять между ними вражду. Эрудиция, которую подчинение человеческому авторитету и уважение к предметам древности, казалось, обрекли на роль защитницы вредных предрассудков, тем не менее помогла их разрушить, ибо наука и философия снабдили ее факелом более здоровой критики. Она уже умела взвешивать авторитеты, сравнивать их между собою; и в конце концов подчинила последние суду разума. Она отбрасывала чудеса, нелепые рассказы, факты, противоречащие правдоподобию, критикуя свидетельства, на которые они опирались; впоследствии она сумела их отбросить вопреки силе этих свидетельств, отступая только пред тем, которое могло бы устранить физическое или моральное неправдоподобие необыкновенных фактов.

Итак, все интеллектуальные занятия людей, как бы они не различались по своему предмету, методу, или необходимым для них умственным способностям, содействовали прогрессу человеческого разума. Вся система трудов людей, в самом деле, подобна хорошо составленному произведению, части которого, методически разделенные, должны, тем не менее, быть тесно связаны, образовать одно целое и стремиться к одной цели.

Бросая теперь общий взгляд на человеческий род, мы покажем, что открытие истинных методов во всех науках, обширность, заключающихся в них теорий, применение их ко всем предметам природы, ко всем потребностям людей, пути сообщения, установившиеся между ними, многочисленность контингента лиц, разрабатывающих их, наконец, умножение печатных станков, служат достаточной порукой, что отныне ни одна из них не может спуститься ниже той ступени, на которую она возведена. Мы дадим возможность заметить, что принципы философии, правила свободы, сознание истинных прав человека и его действительных интересов распространены среди слишком большого числа наций, руководят в каждой из них воззрениями слишком большого количества просвещенных людей, чтобы можно было бы опасаться, что они когда-нибудь будут преданы забвению.

И какое опасение может еще остаться, видя, что два наиболее распространенных языка суть также языки двух народов, пользующихся наиболее полной свободой, наилучше познавших ее принципы; так что никакой союз тиранов, никакая из возможных политических комбинаций не может помешать громко защищать на этих двух языках права разума, как и права свободы?

Но если все нам говорить за то, что человеческий род не должен более впасть в свое древнее варварство, если все должно нас укрепить против той малодушной и извращенной системы, которая обрекает его на вечные колебания между истиной и заблуждением, свободой и рабством, мы в то же время видим, что свет знаний освещает еще лишь небольшую часть земного шара и что количество людей, обладающих действительными знаниями, бледнеет пред массой, коснеющей в предрассудках и невежестве. Мы видим обширные страны, изнывающие в рабстве, где народы, здесь унижены пороками цивилизации, развращенность которой замедляет ее движение, там прозябают еще в младенчестве своих первых эпох. Мы видим, что труды этих последних лет много сделали для прогресса человеческого разума, но мало для совершенства человеческого рода; много для славы человека, кое-что для его свободы, почти ничего еще для его счастья. В некоторых пунктах наши глаза поражены ярким светом; но густой мрак покрывает еще необозримый горизонт. Душа философа с утешением отдыхает на немногих предметах; но зрелище тупоумия, рабства, сумасбродства, варварства еще чаще ее удручает; и друг человечества может вкусить удовольствие без примеси, только предаваясь сладким надеждам на будущее.

Таковы предметы, которые должны войти в историческую картину прогресса человеческого разума. Представляя их, мы в особенности, постараемся показать влияние этого прогресса на воззрения, на благосостояние общей массы различных наций, в разных эпохах их политического существования; какие истины они знали; от каких заблуждений они были освобождены; какие добродетельные привычки они переняли, какое новое развитие их способностей установило более благоприятную соразмерность между этими способностями и их потребностями; и, с противоположной точки зрения, какими предрассудками они поработались, какие религиозные или политические суеверия были у них введены, какими пороками невежество, или деспотизм развращали их, каким бедствиям подвергла их жестокость или их собственный упадок.

До сих пор политическая история, как и история философии и наук, была только историей нескольких людей; то, что действительно образует человеческий род, масса семейств, почти всецело существующих своим трудом, была забыта: и даже среди тех, которые, посвящая себя общественной деятельности, заботятся не о себе самих, но обо всем обществе, задача которых обучать, управлять, защищать и помогать другим людям, даже в этом классе людей только главари останавливали на себе внимание историков.

Для истории отдельных лиц достаточно собрать факты, но история массы людей может опираться только на наблюдения; и чтобы их подобрать, чтобы уловить их существенные черты, нужны уже знания и почти столько же философского образования, как для того, чтобы их умело использовать.

Сверх того, эти наблюдения имеют здесь предметом обыкновенные вещи, которые бросаются всем в глаза, которые каждый может, если он хочет, сам познать. Поэтому почти все собранные наблюдения сделаны путешественниками, иностранцами, ибо эти вещи, столь обыкновенные для местных людей, становятся для них предметом любопытства. Но, к сожалению, эти путешественники почти всегда не точные наблюдатели; они рассматривают вещи с слишком большой поспешностью, через призму предрассудков своей страны и часто глазами людей объезжаемой ими местности. Они справляются у тех, с которыми случайно встретились, и интерес, партийный дух, национальная гордость, или юмор почти всегда диктуют ответ.

Таким образом, не только недобросовестность историков, - в чем справедливо упрекали авторов историй монархий - нужно приписать эту скудость памятников, по которым можно начертать эту наиболее важную часть истории людей.

Их можно только несовершенно дополнять знанием законов, практических принципов правительств и общественной экономии, или знакомством с религиями и общими предрассудками.

В самом деле, закон писанный и действующий, принципы тех, которые управляют, и формы, в которые выливается их действие в умах управляемых, учреждение по идее своих основателей и учреждение функционирующее, религия книжная и народная, кажущаяся всеобщность предрассудка и действительное его признание, могут так различаться, что следствия совершенно перестают соответствовать этим известным общественным причинам.

Именно на эту часть истории человеческого рода, наиболее темную, наиболее пренебрегаемую и для которой памятники доставляют нам так мало материалов, должно быть обращено особенное внимание. Когда здесь дается отчет об открытии, о важной теории, о новой системе законов, о политической революции, то имеется в виду определить, какие следствия должны были отсюда вытекать для наиболее многочисленной части каждого общества; ибо это является истинным предметом философии, так как все промежуточные действия этих самых причин могут быть рассматриваемы только как средства повлиять в конечном итоге на эту часть, действительно составляющую массу человеческого рода.

Именно, достигнув этой последней ступени лестницы, наблюдение прошедших событий, как и знания, приобретенные умозаключением, становятся по истине полезными. Именно дойдя до этого предела, люди могут оценить свои действительные права на славу, или испытывать известное удовольствие от прогресса своего разума; только там можно судить о действительном совершенстве человеческого рода. Идея относить все к этой последней точке продиктована справедливостью и разумом; но были попытки считать ее химерической; между тем, она отнюдь таковой не является; нам достаточно доказать это здесь двумя поражающими примерами.

Обладание наиболее простыми предметами потребления, удовлетворяющими с некоторым избытком потребности человека, руки которого оплодотворяют нашу почву, обусловлено долгими усилиями промышленности, благоприятствуемой светом наук; и отсюда это обладание связано историей с победой при Саламине, ибо не будь ее, мрак восточного деспотизма грозил покрыть всю землю. Матрос, которого верное исчисление долготы места предохраняет от бури, обязан жизнью теории, которая в цепи истин восходит до открытий, сделанных в школе Платона и остававшихся в течение двадцати веков совершенно бесполезными.

ДЕСЯТАЯ ЭПОХА

О БУДУЩЕМ ПРОГРЕССЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Если человек может, с почти полной уверенностью, предсказать явления, законы которых он знает, если даже тогда, когда они ему неизвестны, он может, на основании опыта прошедшего, предвидеть с большой вероятностью события будущего; то зачем считать химерическим предприятием желание начертать с некоторой правдоподобностью картину будущих судеб человеческого рода, по результатам его истории? Единственным фундаментом веры в естественных науках, является идея, что общие законы, известные, или неизвестные, регулирующие явления вселенной, необходимы и постоянны; и в силу какой причины этот принцип был бы менее верным для развития интеллектуальных и моральных способностей человека, чем для других операций природы? Наконец, так как воззрения, образованные по опыту прошлого, относительно вещей того же порядка, суть единственное правило поведения наиболее мудрых людей, почему запрещать философу укрепить свои догадки на том же основании, лишь бы только он не приписывал им достоверности большей той, которая может получиться в зависимости от числа, постоянства и точности наблюдений?

Наши надежды на будущее состояние человеческого рода могут быть сведены к трем важным положениям: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами каждой, наконец, действительное совершенствование человека. Все народы должны ли однажды приблизиться к состоянию цивилизации, которого достигли нации наиболее просвещенные, наиболее свободные, наиболее освобожденные от предрассудков, как французы и англо-американцы? Это неизмеримое расстояние, отделяющее последних от порабощенности наций, подчиненных королям, от варварства африканских племен, от невежества диких, должно ли оно постепенно исчезать?

Есть ли на земном шаре страны, природа которых осудила жителей не наслаждаться никогда свободой, никогда не пользоваться своим разумом?

Это различие знаний, средств, или богатств, наблюдаемое до настоящего времени между различными классами каждого из цивилизованных народов, это неравенство, которое изначальный прогресс общества увеличил и, так сказать, создал, обусловлено ли оно самой цивилизацией, или современными несовершенствами социального искусства? Не должно ли оно беспрестанно ослабляться, чтобы уступить место тому фактическому равенству - последняя цель социального искусства, которое, уменьшая даже следствия естественного различия способностей, оставляет только неравенство, полезное интересу всех, ибо оно будет благоприятствовать прогрессу цивилизации, образования, промышленности, и не повлечет за собой ни зависимости, ни унижения, ни обеднения? Одним словом, приблизятся ли люди к тому состоянию, где все будут обладать знаниями, необходимыми для того, чтобы вести себя в своих повседневных делах согласно со своим собственным разумом и ограждать его от предрассудков; где все смогут, благодаря развитию своих способностей, располагать верными средствами для удовлетворения своих потребностей; где, наконец, тупоумие и нищета будут только случайностями, отнюдь не обыкновенным состоянием части общества?

Наконец, должен ли человеческий род улучшаться или благодаря новым открытиям в науках и искусствах и, в силу необходимого следствия, - в средствах создания частного благосостояния и общего благополучия, или благодаря развитию моральных принципов поведения, или, наконец, в силу действительного совершенства интеллектуальных, моральных и физических способностей, которое может быть обусловлено или совершенством инструментов, увеличивающих интенсивность и направляющих употребление этих способностей, или даже совершенством естественной организации человека?

Чтобы ответить на эти три вопроса, мы обратимся к опыту прошлого, к наблюдению прогресса, который науки и цивилизация совершили до сих пор, к анализу движения человеческого разума и развития его способностей, где мы найдем наиболее сильные мотивы верить, что природа не установила никакого предела нашим надеждам.

Если бросим взгляд на современное состояние земного шара, мы прежде всего увидим, что в Европе, принципы французской конституции уже усвоены всеми просвещенными людьми. Мы увидим, что они здесь слишком распространены и слишком громко исповедуются, чтобы усилия тиранов и священников могли бы помешать им проникать постепенно до хижин их рабов; и эти принципы пробудят здесь скоро остаток здравого смысла и то глухое негодование, которое привычка унижения и страх не могут заглушить на душе угнетенных.

Обозревая затем эти различные нации, мы увидим в каждой, какие частные препятствия мешают этой революции, или какие обстоятельства ей благоприятствуют; мы различим те, где она должна быть проведена мирно, благодаря мудрости, может быть, уже запоздалой, своих правительств, и те, где, став более жестокой, вследствие их сопротивления, она должна их самих увлечь в своих ужасных и быстрых движениях.

Можно ли сомневаться в том, что мудрость, или бессмысленная рознь европейских наций, благоприятствуя медленным, но верным действиям прогресса их колоний, не создадут скоро независимости нового мира? И тогда европейское население, быстро возрастающая на этой необъятной территории, не должно ли просветить, или рассеять даже без завоевания, дикие народы, занимающие еще там обширные края?

Просмотрите историю наших предприятий, наших учреждений в Африке или Азии, вы увидите, что наши торговый монополии, наши предательства, наше кровное презрение к людям другого цвета кожи, или другой веры, наглость наших захватов, сумасбродный прозелитизм, или интриги наших священников, заглушают то чувство уважения и благоволения, которое превосходство наших знаний и преимущества нашей торговли вначале к нам внушали.

Но момент, без сомнения, приближается, когда, перестав показывать им только развратителей и тиранов, мы станем для них полезными орудиями, или великодушными освободителями.

Культура свекловицы, применяясь на необъятном африканском континенте, упразднить позорный грабеж, который развращает и опустошает Африку вот уже два века.

Уже в Великобритании некоторые друзья человечества дали тому пример; и если их правительство, проникнутое макиавеллизмом, вынужденное уважать общественное мнение, не посмело им препятствовать, отчего нельзя надеяться, что оно само пойдет по этому пути, когда, по реформе рабской и продажной конституции, оно станет достойным гуманной и великодушной нации? Разве Франция не поспежит подражать этим предприятиям, продиктованным равным образом и человеколюбием, и хорошо понятным интересом Европы? Бакалейные товары ввозятся на французские острова, в Гвиану, в некоторые английские владения, и скоро мы увидим падение этой монополии, которую голландцы поддерживали столькими изменами, притеснениями и преступлениями. Европейские нации поймут, наконец, что привилегированные компании суть только новое орудие тирании в руках их правительств.

Тогда европейцы, ограничиваясь свободной торговлей, слишком просветленные о своих собственных правах, чтобы пользоваться чужими, будут уважать эту независимость, которую они с такой дерзостью до сих пор нарушали. Их учреждения вместо того, чтобы наполняться ставленниками правительств, которые стремятся использовать свое место, или привилегию, накапливая посредством грабежа и вероломства богатства, дабы, возвратившись в Европу, купить себе почести и титулы, будут привлекать людей искусных, трудолюбивых, ищущих в этих счастливых странах достатка, которого они были лишены на родине. Свобода их там удержит; и эти скопища грабителей станут колониями граждан, которые распространят в Африке и Азии принципы и пример свободы, знания и разум Европы. Место монахов, вносящих к этим народам только позорные суеверия и возмущавших их претензиями на новое господство, займут люди, заботящиеся о распространении среди них истин полезных для их счастья, о развитии у них сознания своих интересов, как и своих прав. Ревность к истине тоже страсть, и она направит свои усилия в эти отдаленные края, когда вблизи ей не придется больше ни бороться с грубыми предрассудками, ни рассеивать позорные заблуждения.

В этих обширных странах она найдет здесь многочисленные народы, которые точно ждут только того, чтобы мы снабдили их средствами просвещения и жаждут встретить в европейцах братьев, чтобы стать их друзьями и учениками; там, нации поработанные духовными деспотами, или безумными завоевателями, которые вот уже сколько веков тщетно зовут освободителей; в других местах - почти дикие племена, которые вследствие суровости климата своей страны лишены благ цивилизации; между тем, как эта самая суровость отталкивает равным образом и тех, которые желали бы просветить их об ее преимуществах, так и орды завоевателей, не знающих другого закона, кроме силы, другого ремесла, кроме грабежа. Прогресс народов этих двух последних категорий будет более медленным, будет сопровождаться большими бурями;

может быть даже, что все более уменьшаясь численно, по мере наступления цивилизованных наций, они в конце концов незаметно исчезнут, или растворятся в среде последних.

Мы покажем, каким образом эти события будут неминуемым следствием не только прогресса Европы, но даже свободы торговли в Африке и Азии, в которой французская и североамериканская республики действительно заинтересованы и которую они имеют возможность осуществить; что они должны также неизбежно порождаться или новой мудростью европейских наций, или их упрямым соблюдением меркантильных предрассудков.

Мы покажем, что одно только стечение обстоятельств, новое нашествие татар, могло бы помешать этой революции, и что отныне ничего подобного невозможно. Между тем, все подготавливает быстрое падение великих восточных религий, которые, почти всюду, предоставленные народу, разделяя унижение своих исполнителей, и уже во многих странах рассматриваемые сильными элементами населения только как политические изобретения, не грозят больше удержать человеческий разум в безнадежном рабстве и в вечном младенчестве.

Движение этих народов было бы более быстрым и более верным, чем наше, ибо они получили бы у нас готовым то, что мы вынуждены были открывать, и для усвоения этих простых истин и ясных методов, которые нам удалось познать лишь после долгих заблуждений, им достаточно было бы уметь улавливать их развития и доказательства в наших речах и книгах. Если прогресс греков погиб для других наций, то в этом нужно винить отсутствие сообщения между народами и тираническое господство римлян. Но когда взаимные потребности сблизят всех людей, нации наиболее могущественные возведут в ранг своих политических принципов, равенство между обществами, как между отдельными людьми и уважение к независимости слабых государств, как гуманное отношение к невежеству и нищете; когда правила, имеющие целью сдавить силу человеческих способностей, будут заменены такими, которые будут благоприятствовать их проявлению и энергии, возможно ли будет тогда бояться, что на земном шаре останутся пространства недоступные свету, где надменность деспотизма могла бы противопоставить истине долго непреодолимые преграды!

Настанет, таким образом, момент, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума; *.\$ тираны и рабы, священники и их глупые или лицемерные орудия будут существовать только в истории, и на театральные сцены; когда ими будут заниматься только для того, чтобы сожалеть об их жертвах, и обманутых ими; чтобы ужас их эксцессов напоминал о необходимости быть на стороже, чтобы уметь распознавать и подавлять силой своего разума первые зародыши суеверия и тирании, если бы когда-нибудь они осмелились вновь показаться. Обозревая историю обществ, мы будем иметь случай показать, что существует часто большое различие между правами которые закон признает за гражданами и теми, которыми они действительно пользуются; между равенством, установленным политическими учреждениями и фактически существующим; мы докажем, что это различие было одной из главных причин уничтожения свободы в древних республиках, оно вызывало волновавшие их бури и слабость, которые сделали их добычей иноземных тиранов.

Эти различия обусловлены тремя главными причинами: неравенством богатства, неравенством между состоянием того, средства существования которого, обеспеченные ему самому, переходят по наследству к его семейству и состоянием того, для которого обладание этими средствами находится в зависимости от продолжительности его жизни, или скорее от той части жизни, когда он способен к труду; наконец, неравенством образования.

Нужно будет, таким образом, показать, что эти три рода реального неравенства должны беспрестанно уменьшаться, не исчезая, однако, ибо причины их естественны и необходимы, которые было бы нелепо и опасно устранить, и невозможно было бы даже попытаться всецело уничтожить их следствия, не открывая в то же время еще более обильных источников неравенства, не нанося правам людей еще более чувствительных и губительных ударов.

Легко доказать, что богатства естественно стремятся к равенству и их чрезмерная непропорциональность, или не может существовать, или должна быстро прекратиться, если гражданские законы не создают искусственных средств, упрочивающих и накапливающих их; если свобода торговли и промышленности аннулирует преимущество, которое всякий запретительный закон, всякое фискальное право, дают обладателю богатства; если пошлины с договоров, ограничения их свободы, подчинение их стеснительным формальностям, наконец, неуверенность в их исполнении и издержки необходимые, чтобы заставить их исполнять, не останавливают деятельности бедного и не поглощают его жалких капиталов; и общественная администрация не открывает некоторым людям обильных источников наживы, закрытых для остальных граждан; если предрассудки и дух жадности, свойственный раннему возрасту, не играют решающей роли в браках; если, наконец, благодаря простоте нравов и мудрости учреждений, богатства не являются более средствами удовлетворения тщеславия и честолюбия, а плохо понимаемая суровость, запрещающая использовать их для изысканных удовольствий, не заставляет сохранять уже накопленные.

Сравним у просвещенных европейских наций их нынешнее население и обширность их территории. Присматриваясь к их культуре и промышленности, обратим свое внимание на распределение труда и средств существования, и мы увидим что было бы невозможно сохранить эти средства в том же количестве и, в силу неизбежного следствия, поддержать ту же массу населения, если бы многочисленный класс людей не вынужден был бы удовлетворять свои потребности, или потребности своего семейства, почти исключительно своим трудом - ремесленным, или приложенным к капиталу в производстве. Сохранение же одного и другого из этих источников зависит от жизни, даже от здоровья главы каждого семейства; это в некотором роде пожизненное богатство, или, даже более, зависимое от случая; и в силу этого создается резкое различие между этим классом людей и тем, источники существования которого отнюдь не подвергаются таким же опасностям, и который живет или земельной рентой, или процентом с капитала почти независимого от профессии его индивидов.

Существует, таким образом, необходимая причина неравенства, зависимости и даже нищеты, которая беспрестанно угрожает наиболее многочисленному и наиболее активному классу наших обществ.

Мы покажем, что ее можно в значительной мере ослабить, противопоставив случай случаю, гарантируя достигшему старости помощь, образованную его сбережениями, но увеличенную сбережениями тех, которые, производя те же взносы, умерли раньше, чем имели надобность их использовать; доставляя, посредством подобного вознаграждения, женщинам, детям, в момент, когда первые потеряют мужа, или вторые отца, одинаковый источник и купленный той же ценой, как для семейств, которых постигает преждевременная смерть, так и для тех, глава которых живет более продолжительное время; наконец, подготавливая детям, достигаящим возраста, когда могут работать на самих себя и образовать новую семью, выгоду обладания капиталом, необходимым для развития их промысла, и возрастающим за счет тех, которым слишком ранняя смерть помешала дойти до этого состояния. Именно применению исчисления к вероятностям жизни, к денежным операциям, мы обязаны идеей этих средств, уже успешно употребляемых, но никогда, однако, не употреблявшихся ни в тех размерах, ни с тем разнообразием форм, которые сделали бы их действительно полезными не только для некоторых людей, но для всей массы общества, когда они избавляли бы огромное число семейств от периодического разорения, всегда возрождающегося источника разврата и нищеты.

Мы покажем, что эти учреждения, которые могут быть образованы именем социальной силы, и стать одним из ее наибольших благодеяний, могут также явиться результатом частной инициативы, ибо общества, преследующие аналогичные цели, будут образовываться без всякой опасности, когда принципы, согласно которым эти учреждения должны организоваться, станут более популярными и заблуждения, разрушившие такое множество, не будут им больше угрожать.

Мы укажем другие средства обеспечения этого равенства, путем ли народных банков, не допуская, чтобы кредит продолжал быть привилегией исключительно связанной с большим богатством, давая ему, однако, не менее прочное основание или сделав развитие промышленности и торговли более независимым от существования крупных капиталистов; и эти средства станут возможными опять-таки благодаря применению вычисления.

Равенство образования, которого можно надеяться достигнуть, но которое должно вполне удовлетворить, это то, которое исключает всякую зависимость принудительную, или добровольную. Мы укажем, при современном состоянии знаний, легкие средства достижения этой цели даже теми, которые могут посвятить науке лишь немногие годы в молодости и в течение своей остальной жизни несколько часов досуга. Мы покажем, что удачным подбором самих знаний и методов преподавания можно научить целую народную массу всему тому, что необходимо знать каждому человеку для домашнего хозяйства, для ведения своих дел, для свободного развития своего промысла и своих способностей, для познания своих прав, умения их защищать и осуществлять; чтобы сознавать свои обязанности; чтобы иметь возможность их хорошо исполнять; чтобы уметь судить о своих и чужих поступках на основании своих собственных знаний и чтобы ему не было чуждо ни одно из возвышенных и нежных чувств, украшающих человеческую природу; чтобы не быть в слепой зависимости от тех, которым он вынужден поручать заботу о своих делах, или осуществление своих прав; чтобы быть в состоянии их выбирать и за ними наблюдать; чтобы не быть обманутым народными заблуждениями, которые волнуют жизнь суеверными страхами и наивными надеждами; чтобы защищаться против предрассудков единственно силами своего разума; наконец, чтобы избавиться от обаяния шарлатанства, которое расставило бы западню его богатству, здоровью, свободе его воззрений и совести, под предлогом его обогатить, излечить и спасти.

И вот, когда жители одной и той же страны не различаются употреблением более грубого или более тонкого языка; умеют одинаково исполнять обязанности законодателя или администратора, не ограничиваются механическим усвоением процессов искусства и рутины своих профессий; не зависят, ни в малейших делах, ни при получении малейшего образования, от искусных людей, которые, в силу неизбежного превосходства, управляют страной, тогда должно создаться действительное равенство, так как различие знаний, или талантов не может больше вырыть непроходимой пропасти между людьми, которым их чувства, идеи и язык позволяют друг друга понимать; из которых одни могут пожелать учиться у других, не считая нужным руководствоваться их указаниями; могут согласиться поручить наиболее просвещенным заботу управления, не желая быть вынужденными предоставлять им это право со слепым доверием.

Именно тогда это превосходство приносит пользу тем, которые им не наделены, когда оно существует для них, отнюдь не против них. Естественное различие способностей между людьми, ум которых совершенно не воспитывался, порождает, даже у диких, шарлатанов и простаков, людей ловких и легко обманываемых; это же различие существует, без сомнения, и в народе, где образование действительно общее, но оно там существует только между просвещенными людьми и теми, которые понимают значение знаний, не прельщаясь, однако, ими; между талантом, или гением и здравым смыслом, который умеет их ценить и использовать; и когда бы даже это различие было гораздо больше, если сравнить только силу и объем способностей, оно не стало бы более чувствительным, если сравнить только их проявления в отношениях людей между собой, в том, что касается их независимости и их счастья.

Эти разнообразные причины равенства не действуют изолированно; они соединяются, смешиваются, взаимно поддерживаются и результатом их комбинированных влияний является более сильное, более верное, более постоянное действие. Если образование более равномерно распространено оно порождает большее равенство в промышленности и отсюда - в богатстве; и равенство богатства неизбежно способствует равенству образования, между тем как равенство, которое устанавливается между народами и в каждом в отдельности взаимно влияют еще друг на друга.

Наконец, правильно руководимое образование исправляет естественное неравенство способностей, вместо того чтобы таковое укрепить, подобно тому, как хорошие законы ослабляют естественное неравенство в распределении средств существования; и, в обществах, где учреждения установят это равенство, свобода, хотя подчиненная правильной конституции, будет шире, полнее чем в независимости дикого состояния. Тогда социальное искусство выполнило свою задачу - обеспечить всем пользование общими правами, осуществлять которые они призваны природой.

Реальные преимущества, как результаты прогресса, контуры которого почти ясно вырисовываются, могут иметь пределом только совершенствование человеческого рода, ибо по мере того как различные роды равенства предоставят ему более широкие средства удовлетворения наших потребностей, дадут ему возможность получать более широкое образование, позволят ему пользоваться более полной свободой, и чем действительнее будет это равенство, тем он все более будет приближаться к моменту, когда сможет охватить все то, что действительно составляет счастье людей.

Таким образом, только исследуя движение и законы этого совершенствования, мы сумеем определить размер, или предел наших надежд.

Никто никогда не предполагал, что разум мог исчерпать и все факты природы и последние средства точности в измерении, в анализе этих фактов, и отношения предметов между собой и все возможные сочетания идей. Одни только отношения величин, сочетания одной этой идеи, количество или протяженность образуют систему уже слишком необъятную, чтобы человеческий ум мог когда-нибудь охватить ее всю целиком, чтобы часть этой системы, всегда более обширная той, которую он усвоит, не осталась для него навсегда неизвестной. Но можно было предположить, что человек, имея возможность познать только часть предметов, доступных ему в силу природы своего ума, должен, наконец, встретить границу, где число и сложность тех, которые он знает поглотили бы все его силы и всякий новый прогресс стал бы для него действительно невозможен.

Но так как, по мере того как факты умножаются, человек научается классифицировать их; сводить их к более общим фактам; так как инструменты и методы, служащие для наблюдения и для их верного измерения, приобретают в то же время все большую точность; так как, по мере того как узнается все большее число отношений между большим количеством предметов, достигается возможность сводить эти отношения к более распространенным и заключать их в выражения более простые, представлять их в формах, позволяющих, даже обладая той же умственной силой и употребляя ту же интенсивность внимания, объять гораздо большее количество таковых; так как, по мере того, как ум возвышается к более сложным сочетаниям, более простые формулы скоро делают их для него легкими, истины, открытие которых стоило много усилий, которые сначала были доступны пониманию только людей, способных к глубоким размышлениям, вскоре затем

развиваются и доказываются методами, которые может усвоить обыкновенный ум. Но если методы, которые приводят к новым сочетаниям исчерпаны, если их применения к еще не разрешенным вопросам требуют трудов, превосходящих или время, или силы ученых, то скоро методы более общие, средства более простые открывают новое поле гению. Пусть сила и реальный объем человеческих умов останутся теми же; но инструменты, которыми они могут пользоваться будут умножаться и совершенствоваться; но язык, укрепляющий и определяющий идеи, сможет приобрести большую точность, большую общность; но, вместо того как в механике нельзя увеличивать силу, не уменьшая скорости, эти методы, которыми будет руководствоваться гений в открытии новых истин, равным образом, добавят энергии и к его силе и к быстроте его операций.

Наконец, так как эти изменения сами являются необходимым следствием прогресса в познании детальных истин и причиной, обуславливающей потребность в новых источниках, производя в то же время средства открывать последние, то, в силу этого, реальная масса истин, образующих систему наук наблюдения, опыта, или вычисления, может беспрестанно увеличиваться; и между тем, все части этой самой системы не могли бы беспрерывно совершенствоваться, предполагая, что способности человека сохраняют ту же силу, ту же активность, тот же объем.

Применяя эти общие размышления к различным наукам, мы дадим для каждой из них примеры этих последовательных совершенствований, которые не оставят никакого сомнения относительно достоверности тех, которых мы должны ожидать. Мы в особенности укажем прогресс тех наук, которые предрассудок рассматривает как наиболее близкие к состоянию истощения, прогресс, надежда на который наиболее вероятная и наиболее близкая. Мы раскроем все то, что более общее, более философское приложение математики ко всем человеческим знаниям должно к ним добавить, расширяя, доводя до большей точности и единства всю систему этих знаний. Мы покажем, как всеобщее образование в каждой стране, давая гораздо большему количеству людей элементарные знания, которые могут им внушить склонность к какой-нибудь науке, и легкость достижения успеха на этом пути, должно увеличить эти надежды; насколько они увеличиваются также в том случае, если более общий достаток позволяет большему контингенту людей предаваться этим занятиям, ибо в действительности, в наиболее просвещенных странах, едва пятая часть тех, которых природа наделила талантами, получают образование необходимое для их развития и что, таким образом, число людей, призванных расширять границы наук своими открытиями, должно было бы тогда возрастать в этой самой пропорции.

Мы покажем, насколько это равенство образования и равенство, которое должно установиться между различными нациями ускорило бы движение тех наук, прогресс которых зависит от большего числа повторенных наблюдений, распространенных на более обширную территорию, - все то, чего минералогия, ботаника, зоология, метеорология должны ожидать; наконец, какая огромная несоразмерность существует для этих наук, между слабостью средств, которые, тем не менее, привели нас к стольким полезным и важным истинам, и могуществом тех, которыми человек мог бы тогда пользоваться.

Мы изложим насколько, даже для наук, в которых открытия являются результатом только умозаключений, преимущество быть предметом изучения весьма многих, может способствовать их прогрессу, благодаря тем детальным усовершенствованиям, которые не требуют силы ума, необходимой изобретателям, и которые легко постигаются простым размышлением.

Если мы перейдем к искусствам, теория которых зависит от этих самых наук, мы увидим, что их прогресс должен совершаться параллельно с развитием теории; что процессы искусств способны также совершенствоваться и упрощаться, как и научные методы; что инструменты, машины, рабочие станки будут увеличивать все больше силу и ловкость людей и будут содействовать одновременно большему совершенству и большей точности продуктов, уменьшая и время и труд, необходимые для их производства; тогда исчезнуть препятствия, затрудняющие еще этот самый прогресс и случайности, которые научились бы предвидеть и предупреждать; будут устранены также вредные влияния работ, привычек, или климата.

Тогда земельная площадь, подлежащая обработке, все более сокращенная, сможет производить массу пищевых продуктов гораздо большей полезности и более высокой ценности; большие наслаждения можно будет испытывать при меньшем потреблении; тот же продукт промышленности будет производиться с меньшей затратой сырого материала, или употребление его станет более продолжительным. Для каждой почвы сумеют выбирать продукты, отвечающие наибольшему количеству потребностей; между продуктами, удовлетворяющими потребности одного рода, выберут те, которые удовлетворяют большую массу, требуя меньше труда и меньше действительного потребления. Таким образом, средства сохранения и экономии в потреблении без всякой жертвы, будут следовать за прогрессом искусства воспроизводить различного рода средства существования, готовить их и изготавливать из них продукты.

Итак, не только большее количество людей сможет прокормить та же земельная площадь, но каждый из них, занятый менее тяжелым трудом, будет питаться более целесообразно, и сможет лучше удовлетворять свои потребности.

Но при этом развитии промышленности и благосостояния, создающем более выгодную соразмерность между способностями человека и его потребностями, каждое поколение, или, в силу этого прогресса, или, благодаря сохранению продуктов прежнего производства, призвано к большей сумме наслаждений, и отсюда, благодаря последовательности физического строения человеческого рода - к возрастанию численности людей; тогда не должно ли человечество дойти до предела, где эти законы, одинаково необходимые, стали бы себе противоречить, где увеличение количества людей, превзойдя количество средств существования, неизбежно вызвало бы, если не непрерывное уменьшение благосостояния и народонаселения, то истинно попятное движение, по меньшей мере, нечто в роде колебания между добром и злом? Это колебание в обществах, достигших этого предела, не явилось ли бы постоянной причиной нищеты, в некотором роде периодической? Не отметило ли бы оно границы, где всякое улучшение стало бы невозможным и не положило ли бы оно предела способности человеческого рода совершенствоваться, предела, который, достигнув его в бесконечности веков, она не могла бы никогда перейти?

Всякому, без сомнения, видно, насколько это время от нас удалено; но должны ли мы однажды дойти до этого состояния? Одинаково невозможно высказаться за, или против будущей реальности события, которое осуществилось бы только в эпоху, когда человеческий род неизбежно приобрел бы знания, о которых мы едва можем иметь представление. И кто, в самом деле, дерзнул бы угадать то, чем искусство превращать элементы в пищу, годную для нашего употребления, должно однажды стать?

Но допуская, что этот предел должен наступить, отсюда не вытекло бы ничего тревожного ни для счастья человеческого рода, ни для его способности неограниченно совершенствоваться; если предполагается, что до этого времени прогресс разума шествовал рядом с прогрессом наук и искусств, что вздорные предрассудки суеверия перестали подчинять мораль строгости, которая ее портит и унижает вместо того, чтобы ее очищать и возвышать. Люди будут тогда знать, что если они имеют обязанности по отношению к существам еще не родившимся, то они заключаются не в том, чтобы дать им жизнь, а в том, чтобы дать им счастье; что предмет этих обязанностей это общее благосостояние человеческого рода, или общества, в котором они живут, или семьи, с которой они связаны, а отнюдь не ребяческая идея обременять землю бесполезными и несчастными существами. Таким образом, возможная масса средств существования могла бы быть ограниченной и, следовательно, мог бы оказаться предел возможному возрастанию народонаселения, но это обстоятельство не вызвало бы преждевременного истребления столь противного природе и социальному благополучию части существ, получивших жизнь.

Так как открытие, или вернее, точный анализ основных принципов метафизики, морали и политики только недавно сделан и так как этому предшествовало познание многочисленных второстепенных истин, то легко установился предрассудок, что эти науки достигли своего последнего предела: вообразили, что в этих областях знания уже нечего было делать, ибо не приходилось больше разрушать грубых заблуждений и устанавливать основных истин.

Но легко видеть насколько анализ интеллектуальных и моральных способностей человека еще несовершенен, насколько знание его обязанностей, которое предполагает знание влияния его действий на благосостояние ему подобных, на общество, членом которого он состоит, может быть расширено еще более продолжительным, более внимательным, более точным наблюдением этого влияния; сколько вопросов остается разрешить, сколько социальных отношений нужно исследовать, чтобы точно узнать объем личных прав человека и тех, которые социальный строй дает всем по отношению к каждому! Указаны ли даже до сих пор с некоторой точностью пределы этих прав, как между различными обществами в военное время, так и прав этих обществ на своих членов во время возмущения и разделения, или, наконец, положены ли пределы правам личностей, произвольных собраний, в случае первоначального и свободного образования, или отделения, ставшего необходимым?

Если перейти теперь к теории, которая должна руководить применением этих принципов и служить основанием искусству социального строительства, не видим ли мы необходимости достигнуть точности, которой эти основные истины не могут быть доступны в их абсолютной общности? Имеем ли мы возможность обосновать все законодательные акты на справедливости, или доказанной и признанной полезности, а не на смутных, неизвестных и произвольных видах мнимых политических выгод? Установили ли мы точные правила, согласно которым можно было бы с уверенностью выбрать между почти бесконечным числом возможных комбинаций, где общие принципы равенства и естественных прав были бы уважаемы, те которые более обеспечивают сохранение этих прав, оставляют больший простор пользованию и наслаждению ими, более гарантируют отдых, благосостояние личностям, силу, мир и благополучие нациям?

Применение исчисления сочетаний и вероятностей к этим самым наукам обещает прогресс, тем более важный, что оно одновременно является единственным средством придать их результатам математическую точность и оценить степень их достоверности, или правдоподобия. Факты, на которые опираются эти результаты, могут, конечно, без вычислений и на основании одного только наблюдения, привести иногда к общим истинам; могут научить было ли действие, обусловленное такой то причиной благоприятно, или вредно; но если эти факты не могли быть ни высчитаны, ни взвешены, если эти действия не могли быть подчинены точному измерению, тогда не смогут узнать хорошего или дурного следствия этой причины; если они взаимно уравновешиваются с некоторым равенством, если разница не очень велика, то невозможно будет даже высказаться с некоторой достоверностью, в какую сторону наклоняется чашка весов. Без применения вычислений невозможно было бы часто выбрать с некоторой уверенностью между двумя сочетаниями, образованными для достижения одной и той же цели, когда преимущества, которые они представляют не поражают очевидной несоразмерностью. Наконец, без этой самой помощи, эти науки остались бы всегда грубыми и ограниченными, лишенными достаточно тонких инструментов, чтобы уловить едва заметные истины, достаточно верных машин, чтобы достигнуть глубины рудника, где скрывается часть их богатств.

Между тем, это применение, невзирая на удачные попытки некоторых геометров, находится еще, так сказать, в зачаточном состоянии и оно должно открыть будущим поколениям столь же неисчерпаемый источник знаний, как сама наука исчисления, как число сочетаний, отношений и фактов, доступных исчислению.

Есть другой прогресс этих наук не менее "важный" - это усовершенствование их языка еще столь смутного и неясного. А именно, благодаря этому усовершенствованию они могли бы стать истинно народными, даже в своих главных элементах. Гений легко справляется с неточностями научных языков, как преодолевает другие препятствия; он распознает истину, не взирая на скрывающую или преображающую ее маску; но тот, кто может посвятить своему образованию лишь весьма ограниченное время, удастся ли ему приобрести и сохранить эти простейшие понятия, если они искажены неточным языком! Чем меньше идей он может собирать и сочетать, тем более ему необходимо, чтобы они были справедливы и точны; он не может находить в своем собственном уме системы истин, защищающих его от заблуждения, и его разум, которого он не имел возможности ни укреплять, ни утончать долгим упражнением, не способен улавливать слабых проблесков, скрывающихся под туманностями и двусмысленностями несовершенного и порочного языка.

Люди не смогут постигать сущность и развитие своих моральных чувств, принципы морали, естественные мотивы, побуждающие сообразовать с ними свои действия, интересы, либо как личности, либо как члены общества, не делая в то же время в области практической морали, успехов не менее реальных, чем успехи самой науки. Плохо понятый интерес не является ли наиболее частой причиной действий вредных общему благу? Жестокость страстей не является ли часто следствием привычек, которым предаются только благодаря ложному расчету, или незнанию средств, помогающих сопротивляться их первичным движениям, обуздывать их, отвращать и направлять их действие.

Привычка размышлять о своем собственном поведении, вопрошать и прислушиваться при этом к своему разуму и своей совести и привычка мягких чувств, смешивающих наше счастье с счастьем других, не являются ли они необходимым следствием учения и хорошо руководимой морали, результатом большого равенства в условиях общественного договора? Сознание своего достоинства, свойственное свободному человеку, воспитание, основанное на глубоком знании нашей моральной организации, не должны ли они сделать общими почти для всех людей эти принципы строгой и чистой справедливости, эти привычные движения активного и просветленного благоволения, нежной и великодушной чувствительности, зародыши которых природа посеяла во всех сердцах и которые для своего развития ждут только благоприятного влияния знаний и свободы? Подобно тому, как математические и физические науки служат для усовершенствования искусств, употребляемых для удовлетворения наших простейших потребностей, не точно также ли, в необходимом порядке природы, прогресс моральных и политических наук должен оказывать то же действие на мотивы, которые руководят нашими чувствами и поступками?

Совершенствование законов, общественных учреждений, прямое следствие прогресса этих наук, не стремится ли оно приблизить, отождествить интерес каждого с общим интересом всех? Целью социального искусства не является ли уничтожение этой кажущейся противоположности? И страна, конституция и законы которой будут наиболее точно соответствовать воле разума и природы, не та ли, где добродетель будет легче совершить, где попытки уклониться от этого пути будут наиболее редкими и наиболее слабыми?

Где та порочная привычка, тот недобросовестный обычай, даже то преступление, происхождение и главной причины которых нельзя было бы найти в законодательстве, в учреждениях, в предрассудках страны, где наблюдаются эта привычка, или этот обычай, где совершилось это преступление?

Наконец, благосостояние, сопровождающее прогресс, который полезные искусства, опираясь на здоровую теорию, совершают, или прогресс справедливого законодательства, основывающегося на истинах политических наук, не располагает ли оно людей к гуманизму, благотворительности и справедливости?

Наконец, все эти наблюдения, которые мы предполагаем развить в самом произведении, не доказывают ли они, что моральная доброта человека, необходимый результат его организации, доступна, как все другие способности, неограниченному совершенствованию, и что природа связывает неразрывной цепью истину, счастье и добродетель.

Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума мы должны считать полное разрушение предрассудков, создавших неравенства прав между двумя полами, гибельное даже для того, которому оно благоприятствует. Напрасно искали бы мотивов для оправдания этого неравенства в различиях их физической организации, в различии, которое хотели бы находить в силе их ума, в их нравственной отзывчивости. Оно порождено было только злоупотреблением силой и тщетно пытались впоследствии оправдать его софизмами.

Мы покажем, насколько уничтожение обычаев, опирающихся на этот предрассудок, законов, продиктованных им, может способствовать увеличению семейного счастья, сделать общими семейные добродетели, - главное основание всех других, - благоприятствовать прогрессу образования, и в особенности, сделать его действительно общим; либо потому, что оно распространилось бы на оба пола более равномерно, либо потому, что оно может стать общим, даже для мужчин, только при помощи матерей семейств. Это слишком запоздалое благоговение, выраженное, наконец, справедливости и здравому смыслу, не повело ли бы оно к истощению слишком обидного источника несправедливостей, жестокостей и преступлений, устранив столь опасное противоречие между наиболее пылкой, наиболее трудно подавляемой естественной склонностью и обязанностями человека, или интересами общества? Не произвело ли бы оно, наконец, того, что до сих пор было только химерой; мягких и чистых национальных нравов, характеризующихся не гордыми лишениями, не лицемерной наружностью, не скромностью, внушенной страхом стыда, или религиозными ужасами, но отношениями свободно договоренными, подсказанными природой и признанными разумом?

Наиболее просвещенные народы, отвоевав себе право самостоятельно располагать своей кровью и своими богатствами, постепенно научатся рассматривать войну, как наиболее гибельный бич; как величайшее преступление. Первыми прекратятся те войны, в которые узурпаторы верховной власти наций вовлекают их из-за мнимых наследственных прав.

Народы узнают, что они не могут стать завоевателями, не потеряв своей свободы; что вечные союзы являются единственным средством поддерживать их независимость; что они должны искать безопасности, а не могущества. Постепенно рассеются коммерческие предрассудки; ложный меркантильный интерес потеряет свою страшную силу обогреть кровью землю и разорять нации под предлогом их обогатить. Так как народы сблизятся наконец в принципах политики и морали, так как каждый из них, ради своей собственной выгоды, призовет иноземцев к более равному разделу благ, которыми он обязан природе, или своей промышленности, то, в силу этого, все причины, вызывающие, раздражающие и питающие национальную ненависть, мало помалу исчезнут; они не доставят больше воинственной ярости ни пищи, ни предлога.

Учреждения, лучше комбинированные, чем те проекты вечного мира, которые заняли досуг и утешали душу некоторых философов, ускорят прогресс этого братства наций; и международные войны, как и убийства, будут в числе тех необыкновенных жестокостей, которые унижают и возмущают природу, которые надолго клеймят позором страну и век, летописи которого ими были осквернены.

Говоря об изящных искусствах в Греции, Италии и Франции, мы уже заметили, что нужно было отличать в их произведениях то, что действительно принадлежало прогрессу искусства и то, чем они обязаны были только таланту художника. Мы укажем здесь прогресс, которого искусства должны еще ожидать, или от успехов философии и наук, или от более многочисленных, более внимательных наблюдений над предметом, влияниями, средствами этих самых искусств, или, наконец, от разрушения предрассудков, которые сузили круг их действия и удерживают их еще под игом авторитета, от которого наука и философия уже освободились. Мы исследуем, должны ли эти средства, как полагали, исчерпаться, так как наиболее величественные, или, наиболее трогательные красоты схвачены, сюжеты наиболее удачные использованы, сочетания наиболее простые и наиболее поразительные употреблены, характеры наиболее сильно выраженные, наиболее общие нарисованы, страсти наиболее энергичные, их наиболее естественные, или наиболее истинные выражения, истины наиболее внушительные, картины наиболее блестящие воплощены в дело, - и обречены ли искусства, как бы обильными не предположить их средства, на вечное однообразие подражания прежним образцам.

Мы покажем, что это мнение является только предрассудком, порожденным привычкой литераторов и художников судить людей, вместо того, чтобы наслаждаться произведениями. Если мы должны терять рассудочное удовольствие, обусловленное сравнением произведений различных веков; или разных стран, благодаря восхищению, которое возбуждают усилия, или успех гения, то, тем не менее, наслаждения, которые доставляют эти произведения, рассматриваемые как вещь в себе, должны быть также живы, когда бы даже тот, которому они принадлежат менее заслужил честь возвыситься до этого совершенства. По мере того, как произведения, действительно достойные быть сохраненными, будут умножаться, станут более совершенными, каждое поколение удовлетворит свое любопытство и свое восхищение теми, которые заслуживают предпочтения, между тем, как другие незаметно будут преданы забвению; и наслаждения этими более простыми, более поразительными красотоми, которые были схвачены первыми, не менее будут существовать для новых поколений, когда они должны будут их находить только в новейших произведениях.

Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи; и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода. В настоящее время молодой человек, по окончании школы, знает из математики более того, что Ньютон приобрел путем глубокого изучения, или открыл своим гением; он умеет владеть орудием исчисления с легкостью тогда неизвестной. Это самое наблюдение может, однако с некоторым неравенством, применяться ко всем наукам. По мере того, как каждая из них будет увеличиваться в объеме, будут равным образом усовершенствоваться средства представлять по возможности более сокращенно доказательства многочисленных истин и облегчать понимание последних. Таким образом, не взирая на новые успехи наук, не только люди равно одаренные окажутся в одинаковые эпохи их жизни на уровне современного им состояния знаний, но для каждого поколения неизбежно возрастет та сумма знаний, которую можно приобрести в один и тот же промежуток времени, с одной и той же умственной силой, при одном и том же внимании; и элементарная часть каждой науки, то, чего все люди могут достигнуть, став все более обширной, обнимет более полно все, что может быть необходимо знать каждому для руководства в своей обыденной жизни, для того чтобы пользоваться своим разумом с полной независимостью.

В политических науках есть категория истин, которые, в особенности у свободных народов (т.е. в некоторых поколениях у всех народов) могут быть полезны только тогда, когда они общеизвестны и общепризнаны. Таким образом, влияние прогресса этих наук на свободу, на благополучие наций, должно, в некотором роде, измеряться количеством этих истин, которые, благодаря элементарному образованию, становятся общедоступными; и всегда возрастающий прогресс этого элементарного образования, связанный с неизбежным прогрессом этих наук, служат нам порукой в улучшении участи человеческого рода, которое может быть рассматриваемо как неопределенное, ибо пределами его могут быть только границы этого двойного прогресса.

Нам остается теперь поговорить о двух общих средствах, которые должны одновременно влиять и на совершенствование промышленного искусства и на таковое наук: одно - это более широкое и более совершенное употребление того, что можно назвать техническими методами; другое образование всемирного языка.

Под техническими методами я разумею искусство соединять в систематическом порядке большое количество предметов, и давать таким образом возможность с первого взгляда видеть их отношения, быстро заметить их сочетания и легче образовать новые.

Мы разовьем принципы, мы дадим понять полезность этого искусства, находящегося еще в состоянии своего младенчества и которое может, совершенствуясь, представить удобство собрать на небольшом пространстве картины то, что было бы часто трудно дать столь же быстро и так же хорошо понять в чрезвычайно объемистой книге; или еще более драгоценное средство располагать отдельные факты в порядке, при котором наиболее удобно выводить их общие результаты. Мы изложим, как, помощью небольшого числа этих картин, пользованию которыми легко было бы научиться, люди, которые не могли подняться значительно выше наиболее элементарного образования, чтобы усвоить подробные знания, полезные в их повседневной жизни, смогут, по желанию, когда встретят в этом необходимость, таковые находить; как, наконец, употребление этих самых методов может облегчить элементарное образование всех видов, где это образование основывается или на систематическом порядке истин, или на ряде наблюдений или фактов.

Всемирным языком является такой, который выражает знаками или реальными предметами, или вполне определенными их совокупностями, которые, заключая в себе простые и общие идеи, находятся, или могут одинаково образоваться в уме каждого человека; или, наконец, общие отношения между этими идеями, операции человеческого разума, которые свойственны каждой науке, или процессы искусств. Таким образом, люди, которые знали бы эти знаки, метод их сочетания и законы их образования, понимали бы написанное на этом языке и выражали бы это одинаково легко на обыкновенном языке своей страны. Ясно, что этот язык мог бы употребляться для изложения или научной теории, или процесса искусства; для представления отчета опыта, или нового наблюдения; изобретения процесса, открытия истины, или метода; что, как в алгебре, когда явилась бы необходимость пользоваться новыми знаками, те, которые были бы уже известны, помогли бы объяснить их значение.

Такой язык не страдает неудобствами научного языка, отличного от обыкновенного. Мы уже заметили, что научный язык разделил бы неизбежно общество на два неравных между собой класса: один, составленный из людей знающих этот язык, имел бы ключ ко всем наукам; другой, представители которого не могли изучить его, оказался бы почти совершенно лишенным возможности приобретать знания. Здесь, напротив, всеобщий язык изучался бы одновременно с самой наукой, как в алгебре; знак узнали бы в то же время, что и предмет, идею, или операцию, которые он означает. Тот кто, изучив элементарную часть науки, хотел бы расширить свои познания в этой области, нашел бы в книгах не только истины, которые он может понять помощью знаков, значение которых он уже знает, но также объяснение новых знаков, необходимых ему для понимания других истин. Мы покажем, что образование такого языка, который ограничивался бы выражением простых и точных положений, подобных образующим систему какой-либо науки, или методу искусства, отнюдь не явилось бы химерической идеей, что даже осуществление ее было бы уже легко для большого количества предметов; что наиболее реальным препятствием, которое помешало бы распространить его на другие, явилась бы немного неприятная необходимость признавать, как мало мы имеем точных идей, вполне определенных понятий, хорошо согласованных в умах.

Мы укажем, как этот язык, беспрерывно совершенствуясь, с каждым днем все более расширяясь, внес бы во все области знания, доступных человеку, строгость и точность, которые позволили бы легко познать истину и сделали бы почти невозможным заблуждаться. Тогда движение каждой науки отличалось бы уверенностью, характерной для математических наук, и положения, образующие ее систему имели бы всю геометрическую достоверность, т. е. все то, что может дать природа их предмета и их метода.

Все эти причины совершенствования человеческого рода, все эти средства, обеспечивающие его, должны в силу своей природы, оказывать всегда активное действие и приобретать беспрестанно возрастающие размеры.

Мы изложили его доказательства, которые в самом труде получают, благодаря своему развитию, большую силу; мы могли бы уже заключить, что человеческая способность совершенствоваться безгранична. Между тем мы до сих пор полагали, что он сохранит свои естественные способности и свою организацию в том же виде, как и теперь. Нам остается, таким образом, исследовать последний вопрос, какова была бы достоверность и размер его надежд, если бы можно было предположить, что эти способности и эта организация также доступны улучшению.

Способность совершенствоваться или органическое вырождение пород растений и животных могут быть рассматриваемы, как один из общих законов природы.

Этот закон распространяется на человеческий род и никто, конечно, не будет сомневаться в том, что прогресс охранительной медицины, пользование более здоровыми пищей и жилищами, образ жизни, который развивал бы силы упражнениями, не разрушая их излишествами; что, наконец, уничтожение двух наиболее активных причин упадка, нищеты и чрезмерного богатства, - должны удлинить продолжительность жизни людей, обеспечить им более постоянное здоровье, более сильное телосложение. Понятно, что прогресс предохранительной медицины, став более целесообразным, благодаря влиянию прогресса разума и социального строя, должен со временем устранить передаваемые, или заразные болезни, и те общие болезни, обусловленные климатом, пищей и природой труда. Было бы нетрудно доказать, что эта надежда должна распространиться почти на все другие болезни, отдаленные причины которых вероятно сумеют вскрыть. Было ли бы теперь нелепо предположить, что это совершенствование человеческого рода должно быть рассматриваемо, как неограниченно прогрессирующая способность, что должно наступить время, когда смерть была бы только следствием, либо необыкновенных случайностей, либо все более и более медленного разрушения жизненных сил и что, наконец, продолжительность среднего промежутка между рождением и этим разрушением не имеет никакого определенного предела? Без сомнения, человек не станет бессмертным, но расстояние между моментом, когда он начинает жить и тем, когда, естественно, без болезни, без случайности, он испытывает затруднение существовать, не может ли оно беспрестанно возрастать? Так как мы говорим здесь о прогрессе,

который может быть представлен числовыми величинами, или изображен графически, то уместно теперь развить два смысла, в которых можно понимать слово неопределенный (indefini).

В самом деле, эта средняя продолжительность жизни, которая должна беспрестанно увеличиваться по мере того как мы углубляемся в будущность; может возрастая согласно такому закону, что она беспрерывно приближается к беспредельному протяжению, никогда его не достигая, или согласно такому, что эта самая продолжительность могла бы приобрести в бесконечности веков размер больший всякой определенной величины, которая была бы ей назначена пределом. В этом последнем случае возрастания действительно неопределенны в наиболее абсолютном смысле, ибо не существует грани, по сю сторону которой они должны остановиться.

В первом случае они неопределенны также по отношению к нам, если мы не можем определить границы, которой они никогда не могут достигнуть, и к которой они должны беспрестанно приближаться, в особенности, если, зная только, что они не должны остановиться, мы не знаем в каком из этих двух смыслов термин неопределенности должен к ним применяться; и таков именно предел наших нынешних знаний о способности человеческого рода совершенствоваться; таков смысл, в котором мы можем ее назвать неопределенной.

Таким образом в примере, который здесь рассматривается, мы должны считать что эта средняя продолжительность человеческой жизни должна беспрестанно возрастая, если только физические революции не будут этому препятствовать; но мы не знаем, где та граница, которой она никогда не должна перейти; мы не знаем даже определена ли общими законами природы грань, далее которой она не могла бы распространяться.

Но физические способности, сила, ловкость, тонкость чувств, не должны ли они причисляться к тем качествам, личное совершенство которых может передаваться? Наблюдение различных пород домашних животных должно нас в этом убедить, и мы сможем это подтвердить наблюдениями сделанными непосредственно над человеческим родом.

Наконец, можно ли распространить эти самые надежды и на интеллектуальные и моральные способности человека? И наши родители, от которых мы наследуем достоинства или недостатки устройства их тела, которые передают нам и отличительные черты своей фигуры, и расположения к известным физическим привязанностям, не могут ли они также передавать нам ту часть своей физической организации, откуда исходят ум, сила рассудка, энергия души, или моральная чувствительность? Не правдоподобно ли, что воспитание, совершенствуя эти качества влияет на эту самую организацию видоизменяет и совершенствует ее? Аналогия, анализ развития человеческих способностей и даже некоторые факты, как будто доказывают реальность этих догадок, которые еще более расширили бы пределы наших надежд. Таковы вопросы, исследование которых должно закончить эту последнюю эпоху. Насколько эта картина человеческого рода, освобожденного от всех его цепей, избавленного от власти случая, как и от господства врагов его прогресса и шествующего шагом твердым и верным по пути истины, добродетели и счастья, представляет утешительное зрелище философу, удрученному заблуждениями, преступлениями и несправедливостями, которыми земля еще осквернена и жертвой которых он часто является? Именно в созерцании этой картины он видит награду за свои усилия, направленные к торжеству разума, для защиты свободы. Он дерзает тогда присоединить их к вечной цепи человеческих судеб; именно там он находит истинное вознаграждение за добродетель, удовольствие от сознания, что он совершил прочное благо, которого рок не уничтожит больше гибельным противодействием, приводя вновь предрассудки и рабство. Это созерцание является для него убежищем, где память о своих гонителях не может его преследовать; где, живя мысленно с человеком, восстановленным в правах, как в достоинстве его природы, он забывает того, которого жадность, страх, или зависть мучат и развращают; именно там он существует по истине с себе подобными, в некотором рае, который его разум сумел создать, и который его любовь к человечеству украсила наиболее чистыми наслаждениями.

Тематические ссылки

[А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции](#)

[В.Волгин. Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»](#)

[В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.](#)

[Г.Черткова. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора](#)

[М.Алпатов. Политические идеи буржуазной историографии XIX в. \(О.Тьерри, Ф.Гизо,](#)

[Ж.Мишле, А.Токвиль, И.Тэн и др.\)](#)